

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

На правах рукописи

КУРДЫБАЙЛО Марина Алексеевна

**СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ ПОВТОРНОЙ
НОМИНАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ
Т. Н. ТОЛСТОЙ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

10.02.01 – русский язык

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент **Декатова**
Кристина Ивановна

Волгоград – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ ..	12
1.1. Повторная номинация как объект лингвистического исследования.....	12
1.2. Семиологический подход к изучению повторной номинации.....	25
Выводы по первой главе.....	33
ГЛАВА II. СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ	35
2.1. Элементы смысловой структуры повторной номинации.....	35
2.2. Типы денотатов в смысловой структуре повторной номинации.....	44
2.3. Типы семантических модификаций компонентов повторной номинации.....	54
Выводы по второй главе.....	79
ГЛАВА III. СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Т.Н. ТОЛСТОЙ ..	81
3.1. Структурные особенности повторной номинации в художественных текстах Т.Н. Толстой.....	81
3.2. Смысловое структурирование компонентов повторной номинации в художественных текстах Т.Н. Толстой	100
3.3. Функции повторной номинации в художественных текстах Т.Н. Толстой.....	121
Выводы по третьей главе.....	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	141

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	144
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК..	145
СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ.....	165
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА.....	166
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	167
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	168
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	169

ВВЕДЕНИЕ

Повторная номинация находится в центре лингвистического внимания не одно десятилетие. Результатом лингвистического анализа этого явления стало описание его парадигматических и синтагматических особенностей. В отечественном языкознании повторная номинация изучалась в разных аспектах: структурно-семантическом, функциональном, стилистическом, прагматическом (Л.Г. Бабенко, Н.С. Валгина, Ю.В. Васильева, В.Г. Гак, Т.П. Карпухина, З.П. Куликова, Л.И. Савченко, В.И. Шаховский, Е.Б. Ярцева и др.). Исследование повторной номинации проводилось на материале публицистических, научных, художественных текстов (Н.С. Валгина, В.Г. Гак, К.И. Декатова, Н.Л. Дробышева, Е.Н. Кушнир, Ю.А. Назарук, З.Я. Тураева и др.). Последний тип текстов стал благодатной почвой для анализа роли повторной номинации в семантической, композиционной организации художественного произведения. Рассматривались структура и функции идентичных, вариативных, сопряженных и дистантных повторных наименований референта в тексте художественного произведения (В.Г. Гак, А.С. Некрасов, О.А. Пантелеенко, Е.Б. Ярцева и др.).

Несмотря на то, что разные типы повторной номинации в художественном тексте оказались предметом изучения многих отечественных лингвистов, процесс смыслообразования вариативной сопряженной повторной номинации все еще остается недостаточно изученным. Осмысление проблемы смыслообразования в процессе повторной номинации предполагает избрание семиологического подхода к исследованию, который позволит описать смысловую структуру номинативной цепи, выявить специфику семантического взаимодействия компонентов повторного наименования объекта, причины модификаций

значения лексем, становящихся словами-компонентами цепи повторной номинации. Необходимость в семиологических исследованиях механизмов формирования смысловой структуры повторной номинации в целом и вариативной сопряженной повторной номинации, в частности, обусловила **актуальность** данного исследования.

Объектом исследования является вариативная сопряженная повторная номинация в художественном тексте; **предметом** – смыслообразование слов-компонентов цепи вариативной сопряженной повторной номинации в художественном тексте.

Цель работы состоит в исследовании с использованием семиологического подхода смысловых отношений между компонентами вариативной сопряженной повторной номинации в художественном тексте. Для достижения поставленной цели потребовалось решение следующих **исследовательских задач**:

1. Доказать целесообразность использования семиологического подхода к анализу смыслообразования в процессе повторной номинации в художественном тексте.

2. Описать основные элементы смысловой структуры вариативной сопряженной повторной номинации в художественном тексте.

3. Выявить и описать структурно-семантические особенности компонентного состава вариативной сопряженной повторной номинации в художественном тексте.

4. Рассмотреть роль микро- и макроконтраста в смыслообразовании вариативной сопряженной повторной номинации в художественном тексте.

5. Выявить и проанализировать причины и разновидности семантических модификаций языковых знаков, участвующих в вариативной сопряженной повторной номинации в художественных текстах.

6. Исследовать особенности структуры, смысловой организации, функций вариативной сопряженной повторной номинации в художественных текстах Т.Н. Толстой.

Материалом исследования послужила авторская картотека, содержащая более 2000 примеров употребления вариативной сопряженной повторной номинации в художественных текстах.

Источником материала исследования послужили художественные тексты Татьяны Никитичны Толстой.

Методологической основой исследования смыслообразования вариативной сопряженной повторной номинации послужили:

1) концепция двуединой сущности языкового знака и философско-гносеологическое понимание категории смысла как элемента развивающихся знаковых систем (Ф. де Соссюр, В.В. Виноградов, Р.И. Павилёнис, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев и др.);

2) положения теоретической семантики о взаимозависимости категорий «смысл» и «значение», а также об изменяемости компонентного состава значения в процессе функционирования языкового знака в речи (Дж. Лайонз, В.В. Виноградов, И.А. Стернин, В.А. Звегинцев, Е.С. Кубрякова, В.Г. Гак, Л.М. Васильев, М.В. Никитин, И.М. Кобозева, З.Д. Попова, М.М. Копыленко и др.);

3) положения семиологических исследований и теории дискурса, связанные с обоснованием дискурсивной природы языковых знаков (А.-Ж. Греймас, Ю.С. Степанов, Д.И. Эдельман, Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева, Н.Ф. Алефиренко и др.);

4) основные понятия теории номинации и теоретические результаты исследований повторной номинации (Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Г.В. Колшанский, Е.С. Кубрякова, Б.А. Ларин, В.Н. Телия, Л.В. Щерба, Н.С. Валгина, У.Б. Ярцева и др.).

Для реализации поставленных в работе задач в качестве основных **методов исследования** использованы:

1) описательный метод – для исследования организации смысловой структуры компонентов повторной номинации с привлечением таких приемов, как наблюдение, сопоставление, интерпретация, обобщение;

2) метод компонентного анализа – для установления смыслообразующей иерархии сем семемы компонентов повторной номинации; основными исследовательскими шагами в ходе применения этого метода стали:

– выявление и описание состава сем «виртуального» значения (словарного значения) лексической единицы, участвующей в повторной номинации;

– выявление и описание состава сем «актуального» значения (речевого смысла) слова-компонента цепи повторной номинации;

– сопоставление состава сем «виртуального» значения и «актуального» значения языковых единиц, участвующих в повторной номинации, с целью выявления основных типов их семантических модификаций;

– описание смысловых отношений и между компонентами номинативной цепи с целью выявления особенностей денотативных компонентов смысловой структуры, влияющих на семантические модификации компонентов повторной номинации;

3) прием количественных подсчетов для выявления частотности проявления особенностей смыслообразования компонентов вариативной сопряженной повторной номинации в анализируемых художественных текстах Т.Н. Толстой.

Научная новизна определяется как характером исследования материала, так и избранным подходом к решению поставленных задач. Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые:

1) осуществлен семиологический анализ смыслообразования компонентов вариативной сопряженной повторной номинации;

2) представлена характеристика смысловой структуры вариативной сопряженной повторной номинации;

3) описаны типы денотатов в смысловой структуре вариативной сопряженной повторной номинации;

4) выявлены и описаны типы семантических модификаций компонентов вариативной сопряженной повторной номинации в художественном тексте;

5) проанализированы особенности структуры, смысловой организации, функций вариативной сопряженной повторной номинации в художественных текстах Т.Н. Толстой.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что проведенный семиологический анализ механизмов формирования смысловой структуры повторной номинации может послужить основой для дальнейшего изучения номинативных средств художественного текста, участвующих в смыслообразовательном процессе. Применение семиологического подхода к изучению смыслообразования в процессе повторной номинации предоставляет возможность более детально рассмотреть механизмы формирования речевого смысла слов, преобразования значений языковых единиц, а также семантического взаимодействия слов в дискурсивном пространстве. Результаты исследования способствуют развитию теории номинации в целом и расширению знаний о структурно-семантических особенностях вариативной сопряженной повторной номинации в частности.

Практическая значимость состоит в возможности использования материала исследования в практике преподавания таких вузовских дисциплин, как «Современный русский язык», «Теоретическая семантика», «Теория текста», «Филологический анализ текста», и в школе на уроках русского языка при изучении таких разделов, как «Лексикология», «Фразеология», «Стилистика». Результаты семиологического анализа смыслообразования компонентов вариативной сопряженной повторной

номинации в художественных текстах Т.Н. Толстой могут быть использованы на занятиях по русской литературе в процессе изучения идиостиля писателя.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Смыслообразование в процессе повторной номинации в художественном тексте – это формирование речевого смысла слов-компонентов номинативной цепи на базе смысловых элементов образующейся в контексте сложной денотативно-сигнификативной смысловой структуры. Изучение смыслового структурирования в ходе повторной номинации предполагает исследование «поведения» языковых знаков в контексте единиц, номинирующих один объект (референт), анализ механизмов семантической адаптации языковых единиц в цепи повторной номинации. Проанализировать данные механизмы позволяет семиологический подход, основными задачами которого являются: 1) анализ смысловой структуры повторной номинации как базы речевого смысла ее компонентов; 2) характеристика влияния контекста на процесс семантической модификации языковых единиц, попадающих в цепь повторной номинации; 3) выявление и описание механизмов формирования речевого смысла слов-компонентов повторной номинации; 4) исследование возможных типов преобразования значений языковых единиц, становящихся элементами повторной номинации; 5) осмысление особенностей семантического взаимодействия слов-компонентов повторной номинации с учетом влияния на смыслообразовательный процесс элементов дискурсивного пространства.

2. Смысловая структура цепи повторной номинации включает в свой состав актуальный денотат (референт) и сигнификаты языковых единиц, являющихся первичным и последующими (повторными) наименованиями. Компоненты этой смысловой структуры неоднородны, их различия обусловлены характером языковых единиц, участвующих в формировании

номинативной цепи: разную смысловую структуру имеют цепи повторной номинации, компонентами которой являются прямономинативные субстантивные повторные наименования, субстантивные повторные наименования, состоящие из языковых единиц с переносным значением, несубстантивные (глагольные, адъективные, адвербиальные) повторные наименования, а также повторная номинация, компонентами которой являются сочетания слов или предложения.

3. Речевой смысл компонентов повторной номинации формируется на базе элементарных смыслов денотативно-сигнификативной структуры номинативной цепи, а также довербальных смыслов ассоциативно-образной природы. Этот процесс сопровождается преобразованием «виртуального» значения языкового знака, участвующего в повторной номинации, «наращиванием» новых смыслов. Семантические модификации в ходе смыслообразования компонентов повторной номинации могут завершаться частичным или полным изменением семного состава значения всех или нескольких компонентов номинации одного референта. Важнейшей причиной данных семантических преобразований является сложное взаимодействие единиц одной номинативной цепи.

4. Одной из черт идиостиля Т.Н. Толстой является частое и разнообразное использование вариативной сопряженной повторной номинации с целью введения героя повествования в сюжет, раскрытия особенностей его внешности и внутреннего мира, описания художественного пространства и неживого объекта, передачи эмоций и выражения экспрессии. В художественных текстах писательницы содержатся номинативные цепи разной структуры: включающие в свой состав от одного до десяти и более элементов. Смыслообразование компонентов вариативной сопряженной повторной номинации в художественных текстах Т.Н. Толстой сопровождается разнообразными семантическими модификациями: сохранение архисемы одного или нескольких компонентов повторной номинации, сохранение архисемы и

дифференциальных сем компонентов повторной номинации, изменение состава дифференциальных сем при сохранении архисемы слова, изменение архисемы одного или нескольких компонентов повторной номинации, замена архисемы 'человек' архисемой 'предмет', замена архисемы 'предмет' архисемой 'человек', установление разных отношений между компонентами цепи (синонимические или антонимические отношения), актуализация потенциальных сем.

Оценка достоверности результатов исследования показала: использованы рациональные методы и приемы исследования, объем анализируемого материала репрезентативен, т.к. подкреплен примерами и последующим анализом; полученные теоретические и практические выводы опираются на значительную теоретико-методологическую базу, основные выводы отражены в научных статьях, опубликованных в Волгограде, Биробиджане, Челябинске, Ростове-на-Дону.

Апробация и внедрение результатов исследования. Содержание исследования отражено в 6 публикациях, в том числе в 3 публикациях в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации. Основные положения и выводы диссертации докладывались на аспирантских семинарах Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград, 2012–2015 гг.); Кирилло-Мефодиевских чтениях (Волгоград, 2013–2015 гг.); региональных конференциях молодых ученых (Волгоград, 2014, 2015 гг.); на страницах отечественных сборников научных трудов и периодических научных изданий в Волгограде (2010, 2013, 2014 гг.), Биробиджане (2011 г.), Челябинске (2014 г.), Ростове-на-Дону (2015 г.).

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, списка использованных источников языкового материала и приложений.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. ПОВТОРНАЯ НОМИНАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Явление повтора находится в центре научного интереса уже не одно десятилетие. С античных времен повтор является одним из самых распространенных изобразительно-выразительных средств. Ю. В. Васильева говорит о повторе как о «явлении универсальном, свойственном разным типам дискурса на всех языках» [Васильева, 2004, с.17]. В первой половине XX века изучение повтора выходит на новый уровень, так как ученые обращают свое внимание не только на синтаксический повтор, но и на повторы других уровней языка. Л.И. Савченко исследовала повтор в качестве стилистической категории в художественном тексте [Савченко, 1984], работа Васильевой Ю.В. посвящена повтору как принципу организации фольклорного текста [Васильева, 2004], теоретические и практические аспекты морфемного повтора изучала Т.П. Карпухина [Карпухина, 2006].

Д. Фивегер ввел аналогичное изотопии понятие *номинативной цепи*, сущность которого состоит в следующем: «однажды введенное в текст обозначение предмета (номинация) посредством одно- или многократной рекуррентности (от англ. recurrence, фр. recurrence – возвращение, повторение) полностью или частично воспроизводится (повторяется)» [Фивергер, 1979, с.320]. Цепочки семантически эквивалентных элементов позволяют раскрыть заданную тему или конкретное событие. Ключевым средством создания семантической изотопии или номинативной цепи является повторная номинация [приводится по: Кухарева, 2013, с.104].

В последние десятилетия повторная номинация (далее – ПН) изучалась многими отечественными лингвистами в разных аспектах: парадигматическом, синтагматическом, функциональном, стилистическом, прагматическом и др. Было издано немало работ, в которых описывались результаты анализа ПН как многогранного и полифункционального явления. Так, работа А.С. Некрасова посвящена роли ПН в композиционном структурировании художественного текста «Повторная номинация как фактор композиции художественного текста» [Некрасов, 1985]. Е.Б. Ярцева в работе «Повторная номинация в текстах художественной прозы» освещает многоплановость явления ПН, указывает на необходимость учета многочисленных аспектов текста для адекватного исследования проблемы ПН – его логико-семантической организации, структурно-семантического построения, информационного развития, композиционных приемов, динамического порождения текста, развертывающегося в связи с коммуникативными намерениями говорящих [Ярцева, 1984]. В научном труде О.А. Пантелеенко «Повторная номинация в текстах романа и киносценария» обращается к особенностям проявления ПН в произведении О. де Бальзака «Полковник Шабер», а также в созданном на его основе тексте киносценария И. Анжело [Пантелеенко, 2007]. Исследование М.Ю. Кухаревой «Повторная номинация событий» посвящена явлению ПН в политических новостных сообщениях СМИ ФРГ. В работе рассматриваются логико-семантические типы отношений внутри номинативных цепочек, также исследуются лексические, морфологические и синтаксические особенности отдельных видов повторов [Кухарева, 2013]. Явление ПН нашло отражение и в других научных исследованиях: «Категория связности в аспекте внутритекстовой повторной номинации» [Назарук, 2006], «Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов М. Цветаевой и Р.М. Рильке» [Куликова, 2007], «Интертекстуальность прозы Татьяны Толстой: на материале романа «Кысь» [Высочина, 2007].

В.И. Шаховский изучал ПН в качестве средства выражения эмоций. Научные работы ученого [Шаховский, 1991, 1994, 1998], а также труды его последователей [Водяха, 1993; Волкова, 1997; Ионова, 1998 и др.] позволили разработать оригинальную концепцию коннотации как семантического компонента языкового знака.

Несмотря на многоаспектность изучения данного лингвистического явления, все исследователи сводятся к общему определению ПН, которого мы также придерживаемся в нашей работе, а именно «наименование уже ранее обозначенного в данном контексте денотата: лица, предмета, действия, качества» [Гак, 1998а.,с.524].

Наиболее весомый вклад в изучение структурно - семантических особенностей ПН внесли идеи В.Г. Гака, который в работе «Языковые преобразования» выделил различные типы ПН. С парадигматической точки зрения ученый разделил ПН на идентичную и вариативную.

Если при повторном наименовании, денотат получает то же наименование, что и в первом, то такую ПН называют идентичной [Гак, 1998, с.524], например:

*Швейцар сторожил вход в злачное место – дверь в полуподвал, и за дверью глухо грохочет музыка, и лампы сияют из окон, как длинные трубки с ядовитым сиропом. Перед дверью клацали зубами в вихрях дождя юноши – все претенденты на Валентину руку, – прощай, Валентина, – мест не было, но швейцар, обманувшись солидностью Петерса, пустил, и Петерс прошел, и с его боков прошмыгнули еще двое. **Хорошее место.** Петерс с достоинством снял шляпу и плащ, взглядом пообещал чаевые, шагнул в гремящий зал и протрубил в носовой платок о своем приходе. **Хорошее место!** Выбрал себе коктейль порозовее, пирожное-погоду, выпил, куснул, еще выпил и расслабился. **Хорошее, хорошее место** (Толстая, 2004, с.270).*

В данном отрывке рассказа Т. Н. Толстой «Петерс» в состав ПН входят идентичные единицы (*хорошее место*), которые несколько раз

повторно номинируют некое *значное место*, поэтому данная ПН является идентичной.

ПН является вариативной в тех случаях, когда повторное наименование в смысловом отношении отличается от предыдущего [Гак, 1998а., с.524], например:

Они смотрят на воду, они сидят у воды, они сами – вода, эти женщины начала века, ундины, наяды, глубокие омуты, двуногие воронки, венерины мухоловки. Сырые и пышные, в платьях, подобных пене в полете, высоко подколов волнистые волосы цвета ночи, или цвета песков, или цвета старого золота, укрыв лица кисеей, чтобы загар не пристал к сливочной коже, они сидят на морском берегу, на всех морских берегах нескончаемой, прерывистой белой полосой, словно рассыпали соль и размазали легкой рукой вдоль полосы прибоя (Толстая, 2004, с.388).

Выделенная в тексте ПН является вариативной, т.к. цепочка состоит из разных лексем (*вода, ундины, наяды, глубокие омуты, двуногие воронки, венерины мухоловки, сырые и пышные, в платьях, подобных пене в полете*), повторно номинирующих женщин начала XX века.

Следует отметить, что в нашем исследовании мы анализируем оба вышеописанных типа ПН.

В. Г. Гак утверждает, что «разные обозначения одного и того же предмета в речи различаются по своей внутренней форме (или смыслу), то есть по тому признаку, который кладется в основу наименования. Так, одно и то же лицо может быть названо не только его собственным именем, но и на основании самых различных признаков (внешность, пол, возраст, профессия и т.п.)» [Гак, 1998а., с.524]. В зависимости от источника (субъекта) наименования В.Г.Гак выделяет однофокусные и многофокусные номинации. Вариативность номинации обуславливается как характером объекта, так и характером субъекта номинирования. В художественной прозе часто встречаются *совмещенные номинации*, когда через авторское

наименование передается отношение персонажа к тому или иному объекту повествования (или наоборот) [Гак, 1998а., с.525], например:

Русский наш мир, Федор Иванович, выглядит так: большая тьма, в ней две светящиеся точки: Москва и Петербург. Сбоку где-то, конечно, Европа, но она почти уже не считается. Это в ваше время она была Европой, а сейчас черт-те что, и спасения нет. И дальше во все стороны тоже тьма, и она растет и пухнет. А русская жизнь – это путешествие из Петербурга в Москву, или из Москвы в Петербург, смотря с какой стороны смотреть. Два худо-бедно озаренных блюдечка, два пятнышка света, две платформы, где можно вынырнуть из темноты – отдышаться до следующего погружения (Толстая, 2014, с.71).

В данном примере содержится вариативная ПН. Т.Н. Толстая рассуждает о двух значимых для России городах – Москве и Петербурге. Используя ПН (*два худо-бедно озаренных блюдечка, два пятнышка света, две платформы, где можно вынырнуть из темноты – отдышаться до следующего погружения*), писательница выражает свое отношение, подчеркивая их важность, историческое и культурное богатство в масштабе всей страны и мира, которое необходимо для каждого человека, особенно для тех, кто проживает в далекой глубинке.

Важно для нашего исследования отметить, что с синтагматической точки зрения В.Г. Гак выделяет дистантную и сопряженную ПН [Гак, 1998а., с.526]. Дистантная ПН может быть разделена целыми предложениями и даже абзацами, например:

– Анна Петровна! Безвестная ты труженица! – заговорил ей прямо в гроб-то. – Как же ты так, Анна Петровна? А?! А мы! Не ценили мы тебя! Не интересовались! Думали – ну, Анна Петровна и Анна Петровна! Старушечка там какая-то! Думали, ты всегда с нами будешь. Да что там, честно говоря, ни в грош мы тебя не ставили! Кому она нужна, думали мы, мелкая, злобная, коммунальная старушонка, только

под ногами путается, поганка вредная, прости господи!.. (Толстая, 2001, с.156-157).

В отрывке из романа Т.Н. Толстой «Кысь» ПН используется для описания героя произведения. Сначала читатель знакомится с ней под именем *Анны Петровны*, далее писательница вводит ПН *труженица, старушечка, мелкая, злобная, коммунальная старушонка*. Так как компоненты ПН не следуют друг за другом, а разделены предложениями и абзацами, следовательно, данную ПН мы определяем как дистантную.

В отличие от дистантной, *сопряженная* ПН следует непосредственно друг за другом [Гак, 1998а., с.526], например:

*Я не понимаю, о чем она говорит, я работаю, я думаю, я курю и смотрю в окно, сосредотачиваясь, и со стороны, наверно, кажется, что я считаю ворон, бездельничаю, тупо уставясь в пространство. Надежда Терентьевна считает, что меня можно и нужно возвращать к жизни, развлекать разговорами; **работа для нее – это рубить и резать, размешивать и крутить, намыливать и отпаривать.** Достойная, тяжелая работа, кухонная работа, тупо и молча выполняемая в кухонном же пространстве. Главное – молча. Но стен нет, и перед ней – вот она я, расположившаяся в пространстве гостином, там, где говорят, рассуждают и обсуждают. Я посылаю сигналы: «молчи, молчи», она – «говори, говори»; меня мучает ее голос, ее – мое безмолвие. Мы обе догадываемся, кто из нас уйдет, а кто останется.* (Толстая, 2004, с.568).

В рассказе Т.Н. Толстой «Стена» цепочка ПН состоит из компонентов, следующих непосредственно друг за другом (*работа для нее – это рубить и резать, размешивать и крутить, намыливать и отпаривать*).

В данном случае ПН служит для отражения отношения героини к работе ее помощницы по дому. Цепочка ПН состоит из шести компонентов, представленных глагольными единицами, именно они помогают писательнице подчеркнуть свою мысль о том, что монотонная кухонная работа состоит из выполнения конкретных действий, в отличие от работы

писателя, которую нельзя перебивать разговорами, разрушая творческую атмосферу.

В ходе исследования смыслообразования компонентов ПН были проанализированы примеры с сопряженной ПН.

В современной лингвистике немало внимания уделялось изучению функций ПН (Н.С. Валгина, Л.Г. Бабенко, Е.В. Метлякова). В результате научной работы ученых были созданы различные классификации. Л.Г. Бабенко в работе «Обозначение эмоций в языке и речи» исследует функциональные особенности ПН, компонентами которых являются глаголы разной степени семантической близости: максимальной (грамматические формы одного глагола, глаголы-синонимы) и минимальной (повтор глаголов разных семантических подгрупп ЛСГ глаголов чувств, повтор глаголов – антонимов). Она приходит к выводу, что повтор глаголов - чувств оказывает различный стилистический эффект в зависимости от влияния контекста и характера смысловой соотносительности членов номинационных цепочек [Бабенко, 1986, с.49-50].

В книге «Теория текста» Н.С. Валгина посвятила функционированию компонентов ПН одну из глав, в которой выделила две основные группы ПН: 1) средства, усиливающие информативные качества текста, 2) средства, принадлежащие к чисто формальным показателям связи текстовых компонентов. Первые углубляют и расширяют содержательную структуру текста; вторые – дают возможность избежать повторений одних и тех же наименований. В своей работе Н.С. Валгина выделила следующие функции ПН:

- 1) информативно-описательную (полная или частичная дефиниция при терминах; характеристика объекта);
- 2) ситуативную (характеристика данной ситуации);
- 3) экспрессивно-оценочную (характеристика объекта с оценкой его качеств);
- 4) редуцирующую (сокращение объема текста).

Анализируя данную функцию, Н.С. Валгина подчеркивает, что в качестве повторных наименований могут употребляться местоимения и местоименно-наречные слова (*он, она; тот, этот, который; там, туда, оттуда*); метафорически употребленные существительные; слова и сочетания указательного значения; перифразы и др. [Валгина, 2003, с.34].

Функционирование элементов ПН рассматривается в работе Е.В. Метляковой «Повторная номинация в поэзии Анны Ахматовой» [Метлякова, 2007], в которой описываются следующие функции ПН в художественном тексте:

1. Смыслообразующая, или семантическая, проявляющаяся в уточнении денотата, о котором идет речь [Метлякова, 2007, с.131-132]. По мнению В. Г. Гака, данная функция является ключевой, так как ПН акцентирует внимание читателя на самом главном, дополняет и развивает авторскую мысль, например:

*А потом скверик закрывают на просушку. И мы просто ходим по улицам. И вот однажды вдруг какая-то худая высокая девочка – **белый такой комар** – с криком бросается на шею к Марьиванне, и плачет, и гладит ее трясущееся красное лицо!* (Толстая, 2004, с.301).

2. Эмоционально-экспрессивная, или экспрессивно-стилистическая, служащая важнейшим средством создания различных стилистических эффектов и достижения выразительности речи [Метлякова, 2007, с.131-132], например:

*Все, кто сумел, нашли какой-нибудь блат, но и у блата была своя иерархия. Так, я, конечно, пристроилась к Союзу писателей и еженедельно получала свою гречку, чай со слоном, банку рыбных консервов, зефир в шоколаде, полиэтиленовый кулечек развесного «Мишки на севере» и, в общем, каталась как сыр в масле, но уже в Лавке писателя на Кузнецком мосту выходил облом: я была всего лишь **Член Семьи Покойного Писателя, жалкая маргинальная козявка**, и хорошо помню, как мне отказались продать «Тараканище» Корнея Чуковского – кишка тонка, это*

не для вас, девушка (Толстая, 2014, с.396).

3. Текстобразующая, или композиционная, которая является внешним способом выражения внутренней связности речи [Метлякова, 2007, с.131-132].

Приведём пример, выбранный из рассказа Т.Н.Толстой «На малом огне»:

*Михаил Александрович обладал этой же способностью: изобретать работающие, эргономичные приборы прямо в голове. Когда они представляли ему в его воображении во всех деталях и подробностях, он наносил готовые чертежи на бумагу и шел в патентное бюро. Там их отрывали с руками, они были уникальны. Михаил Александрович не очень любил изобретать мелочовку, это было слишком просто, он обдумывал какие-то более **фундаментальные вещи**. Но есть-то надо было, и его жена Шушечка периодически напоминала: «Миша, опять пора за квартиру платить. Изобрети что-нибудь»* (Толстая, 2014, с.24).

4. Интонационно-ритмическая, проявляющаяся в имитации интонации устного, разговорного, книжного или иного стиля общения [Метлякова, 2007, с.131-132], например:

*Папа дружил с сыном Бонча, Алексеем, часто бывал в их квартире и, соответственно, обедал с ними. Однажды за столом, когда ели суп, он рассказал, что вот, сегодня в газете прочитал про конкурс: требуется в трехмесячный, что ли, срок представить проект какого-то **хитрого, водоизмерительного, что ли, доселе не изобретенного прибора**. Вот как бы вы подошли к этому решению, Михаил Александрович? – спросил молодой папа* (Толстая, 2014, с. 25).

В.Г. Гак с точки зрения функциональной отнесенности выделяет *нейтральную* и *экспрессивную* ПН [Гак, 1998а., с.526]. Нейтральная – это ПН, выполняющая идентифицирующую функцию. Благодаря данным номинациям устанавливаются связи между отдельными номинационными цепочками [Гак, 1998а., с.526], например:

*Да, хотелось чего-то такого – тяжелее Валериевых гирь и легче доморощенных крылышек Гарика, хотелось уехать или уйти, или долго, долго говорить, а может быть, слушать, и вообразался **кто-то неясный: спутник, друг, прохожий**, и мерещился путь: ночная тропа, запах прели, капли с мокрых кустов, смех в темноте, и огонь впереди: деревянный дом, и вымытый пол, и книга, в которой про все написано, и всю ночь, до утра – шум высоких, невидимых деревьев (Толстая, 2004, с. 73 – 74).*

Цепочка ПН состоит из трех компонентов (*спутник, друг, прохожий*). Все они выполняют идентифицирующую функцию, а именно поясняют первичное наименование референта (*кто-то неясный*).

К экспрессивной ПН В.Г. Гак относит те единицы, которые обладают стилистической выразительностью и отражают авторскую позицию, зачастую обладая характерологическими элементами [Гак, 1998а., с.526], например:

*Южный ветер заносил в старый подъезд мусор цветущих лип, нагревал потертые стены. Люся-маленькая спускалась по лестнице боком, обняв гору выбранных вещей, чуть не плача, – опять залезла в страшные долги. Люся -большая злобно молчала. Римма тоже шла стиснув зубы: летний день почернел, судьба раздражила и посмеялась. И она уже знала, что купленная ею в последний момент, в отчаянном порыве **блuzка – дрянь, прошлогодние листья, золото сатаны**, которому суждено наутро обернуться гнилушками, шелуха, обсосанная и сплюнутая голубоокой сирийской гурией (Толстая, 2004, с.177).*

Представленная ПН является экспрессивной, так как она ярко отражает негативное отношение героини к своей покупке. Цепочка ПН, состоит из компонентов *дрянь, прошлогодние листья, золото сатаны*, обладающих негативной коннотацией.

Хотя ПН как сложное структурно-функциональное явление оказалось предметом изучения многих отечественных лингвистов, *процесс смыслообразования ПН* в художественном тексте все еще остается не

достаточно изученным. Особое внимание нашего исследования направлено на изучение смысловых отношений между компонентами ПН в художественном тексте. Смыслообразование в процессе ПН в художественном тексте – это формирование речевого смысла слов-компонентов номинативной цепи на базе смысловых элементов, которая образуется в контексте сложной денотативно-сигнификативной смысловой структуры. И как представляется, анализ механизмов смыслообразования в процессе повторного наименования может быть успешным, если их исследовать в рамках дискурса, так как для трактовки смыслового содержания элементов ПН необходимо не только знание текста, но и фоновые знания, которые являются компонентом дискурса.

Понятие «дискурс» уже давно занимает прочное место в лингвистической науке, что вызывает различные толкования в научном сообществе. В широком смысле под дискурсом понимается комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем), в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Коммуникативное действие может быть речевым, письменным, а также иметь вербальные и невербальные составляющие. В узком смысле дискурс есть текст устный или письменный с учетом присутствия только одной вербальной составляющей. Другими словами, термин «дискурс» обозначает завершенный или продолжающийся «продукт коммуникативного действия», его письменный или устный результат, который интерпретируется реципиентами [Темнова, 2004, с.25].

Н. Д. Арутюнова в своей работе предлагает следующую трактовку анализируемого термина: «Дискурс (от франц. *discours* – речь) — связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии

людей и механизмах их сознания. Дискурс – речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990, с.36-137].

По мнению Е. С. Кубряковой, «под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму» [Кубрякова, 1995, с.164].

Несмотря на различное толкование значения данного термина в современных лингвистических исследованиях, ученые определяют ситуацию общения как необходимое условие появления вербального или / и невербального текста. «Бесспорным является тот факт, что дискурс утверждает свое место в системе категорий коммуникации через понятие «текст» (хотя таковым текстом в чистом виде не является), а также через понятие «речь», а именно созданием определенного коммуникативного пространства, где и происходит коммуникативное событие, порождающее текст» [Бессонова, 2004, с. 22-27].

За основу в своей работе мы принимаем как наиболее подходящее для нашего исследования определение Н.Ф. Алефиренко, «дискурс – это речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, психическими и паралингвистическими факторами» [Алефиренко, 2002, с.17]. Ученый говорит о дискурсе как «смыслопорождающей категории», полагая, что необходимо рассматривать его комплексно, осмыслять дискурс как «речемысление», погруженное в жизнь: «...для осмысления роли дискурсного мышления в образовании знаков вторичной номинации важно рассмотреть... взаимодействие с дискурсами всего этнокультурного сообщества, которое конкретно реализуется в речевой деятельности каждого человека - члена тайного сообщества» [Алефиренко, 2005, с.7].

Эффективность анализа смыслообразования в ходе ПН в нашем исследовании в рамках дискурса, а не текста, можно объяснить следующими положениями:

1) дискурс – прагматичен, текст — исключительно лингвистическая категория;

2) дискурс — категория процесса, текст — категория результата (он статичен);

3) дискурс – ее актуализация, текст — абстрактная конструкция, [Зяблова, 2012, с. 223-225].

Таким образом, дискурс возникает там, где высказывание имеет социальные последствия, а текст, в свою очередь, представляет собой некий абстрактный ментальный конструкт, наделенный характеристиками смысловой целостности и грамматической завершенности. Дискурс биполярен: он располагается в коммуникативном «пространстве» между автором и реципиентом, субъектом, воспринимающим этот дискурс. Дискурс мотивирован: автор дискурса создает его с намерением что-то изменить в реципиенте (в познавательном, психологическом или поведенческом планах) [Зяблова, 2012, с. 223-225].

Следовательно, дискурс определяется как вербализированная речемыслительная деятельность, сложное коммуникативное явление, в которое кроме текста включаются и экстралингвистические факторы. «В дискурсе реализуются знания о мире, мнения, установки и цели адресата, необходимые для понимания текста, ситуации реального общения, совокупность процесса и результата речемыслительной деятельности» [Андронкина, 2008, с.89].

Анализ процесса смыслообразования компонентов ПН возможен только при наличии совокупности всех факторов, составляющих дискурс, так как именно они определяют причину возникновения тех или иных смыслов компонентов номинативной цепи, участвующих в повторном наименовании.

В связи с тем, что наше исследование состоит в анализе смысловой организации номинативной цепи в художественном тексте, следует определить особенности дискурса художественного.

По утверждению В. Е. Хализева, «текст литературного произведения составляет единство двух не рвущихся линий: это, во-первых, цепь словесных обозначений в несловесной реальности и, во-вторых, ряд кому-то принадлежащих (повествователю, лирическому герою, персонажам) высказываний» [Хализев, 2005, с.109-110].

Неотъемлемыми атрибутами художественного дискурса являются его объектная и субъектная организация. Любое художественное высказывание принадлежит субъекту речи и экстраполировано на адресата-реципиента (читателя). Это и относится к специфической стороне художественного дискурса [Василишина, 2013, с.21].

Так как художественный дискурс нацелен непосредственно на самого читателя, автор текста использует всю гамму языковых средств не только для раскрытия сюжета повествования, но и для максимального воздействия на сознание читателя, его мыслей и чувств.

Раскрытие механизмов смыслообразования представляется возможным в рамках семиологического подхода, речь о котором пойдет в следующем параграфе.

1.2. СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ

Анализ смысловой организации номинативной цепи в тексте невозможен без опоры на семиологический подход. Уже в XIX веке В. фон Гумбольдт обратил внимание на несводимость словаря того или иного народа к однословным лексическим средствам языка. В своих работах ученый говорит о процессе семантического развертывания слов в составные структуры, посредством которого происходит создание большинства

понятий. В результате значение приобретает два разных уровня: семантический и семиологический [Греймас, 2004, с. 78], представляющие собой два разных способа речевого представления содержания. Вступая в дискурсе в парасмысловые отношения, элементы обеспечивают двухуровневое существование значения. Несмотря на независимость данных значений, в совокупности они образуют имманентный универсум значения.

Семантика слова существует в двух измерениях: в языке и в дискурсе. «Причем в дискурсивной деятельности у слова нередко появляются такие смыслы, которые системой языка не эксплицируются. Они порождаются когнитивными пропозициями в конкретном высказывании» [Алефиренко, 2006а., с.105]. Например:

*Голландским документалистам наврали, что в Москве плюс три, и они приехали с босыми головами. «Дай хоть что-нибудь прикрыться»,- просили Биллем и Роб. Но у меня нашлась на двоих лишь одна детская шапка из зайца, который, боюсь, при жизни был котом. Они с завистью смотрели на теплое ложно-тибетское сооружение на моей голове: овца под лису, с хвостом метровой длины. Мороз был — восемнадцать градусов и, как ему и положено, крепчал. Отбиваясь локтями от торговцев матрешками, голландцы купили себе ушанки из синтетического барана. У них было три съемочных дня, сюжет — Красная площадь; естественно, их интересовала не архитектура, а символ, иначе какой же это фильм. Им вообще нужны были **площади мира, темечки городов, солнечные сплетения, акупунктурные точки** (Толстая, 2007, с.108).*

В отрывке из рассказа Т.Н. Толстой «Ряженые» под *темечками городов, солнечными сплетениями и акупунктурными точками* понимаются главные площади, которые есть в каждом городе, в каждой стране мира. Компоненты ПН номинации подчеркивают важность и значимость этих мест. Речевой смысл слов-компонентов ПН кардинально отличается от словарного значения лексем. Именно контекст помогает читателю правильно понять авторскую мысль.

Изучение механизмов формирования этих смысловых «нюансов», исследование особенностей преобразования лексического значения в пространстве дискурса и предполагает семиологический подход к анализу языковых единиц.

В отличие от знаковой теории Ч. Морриса, не разграничивающей первичное и вторичное наименование, современный семиологический подход учитывает человеческий фактор языка, вводя так называемую интерпретанту (фазу осмысления знака) и интерпретатора (того, кто воспринимает знак) [Приводится по: Алефиренко, 2014, с.40].

В основе подхода лежит представление о языке как двуединой сущности, предложенное в начале века Ф. де Соссюром. Ученый впервые ввел в лингвистическую науку понятие языкового знака, моделирующего двуединый характер языковой системы – мыслительного содержания и формы, его языкового выражения [Соссюр, 2007].

Дальнейшее развитие семиологический подход получил в трудах Э. Бенвениста, в которых говорится о двойном означивании языковых единиц. «Язык - это единственная система, где означивание протекает в двух разных измерениях. Привилегированное положение языка заключается в его свойстве осуществлять одновременно означивание знаков и означивание высказывания. Отсюда и проистекает его главная способность, способность создавать второй уровень высказывания, когда становится возможным высказывать нечто означивающее о самом означивании» [Бенвенист, 1974, с.69-89].

Рассуждая о специфике семиологии как науки, исследователь затрагивает проблемы, связанные с ролью языка как «производителя сообщений». «Сообщение не сводится к простой последовательности единиц, которые допускали бы идентификацию каждая в отдельности; смысл не появляется в результате сложения знаков, а как раз наоборот, смысл («речевое намерение») реализуется как целое и разделяется на отдельные «знаки», какими являются слова» [Бенвенист, 1974, с. 69-89].

В отечественном языкознании семиологический подход к анализу языковых явлений исследовали Ю.С. Степанов (Семиологическая грамматика, 1981), Алефиренко (Алефиренко Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография, 2006б.), А.А.Уфимцева (Семиологический подход к изучению лексики, 1984), Н.Н. Болдырев (Функционально-семиологический подход к анализу языковых единиц, 1998), К.И. Декатова (Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации русского языка, 2009) и др. Опираясь на положения ученых об основных принципах семиологического подхода, в нашем исследовании этот подход используется для изучения механизмов смыслообразования компонентов ПН.

Семиологический подход предполагает использование реально существующих фактов языка, отражающих противоречивую сложность проявления конкретных языков. По авторитетному мнению А.А. Уфимцевой, данный принцип основан не только на связи языка и мышления, но и на не менее тесной связи языка с действительностью (объективной и субъективной). В свою очередь, отношения формы и содержания рассматриваются как процесс первичного и вторичного знакообразования, результатом которого становятся новые языковые единицы в системе языка и речи, находящиеся в определенной взаимосвязи и иерархии [Уфимцева, 1986, с. 66]. Первичное и вторичное означивание рассматриваются как старый и новый опыт, так как задача речемыслительной деятельности состоит в согласовании новой реальности с уже имеющимся опытом.

Новыми в когнитивно-семиологической теории слова стали такие понятия как «виртуальные» и «актуальные» семиотические структуры лингвокреативного мышления [Алефиренко, 2014, с. 40]. В рамках анализируемого подхода слово рассматривается в двух его основных аспектах: как виртуальный словесный знак в системе языка (лексема) и как актуализованный словесный знак в речи (словоупотребление). План

содержания языковой и речевой ипостаси слова не тождественен. Как полагает Н.Ф. Алефиренко, причина кроется в том, что речевая интенция представляет собой позиционную схему высказывания, для заполнения позиций которой требуются соответствующие слова. Если в процессе реализации запланированного речевого высказывания нет возможности подобрать соответствующее в полной мере слово, то говорящему приходится использовать имеющиеся в языке лексемы, которые путем «погашения» своего основного значения, «подстраиваются» под объективируемый в дискурсе пропозитивный смысл. В результате чего семантика слова видоизменяется [Алефиренко, 2006а., с.105 - 106].

В тесных рамках жанра рассказа ПН в одном предложении помогает писателю передать атмосферу, раскрыть характер героев произведения, донести до читателя чувства и эмоции, например:

*Мамочка знает, может, всюду пройдет. Мамочка всевластна. Как она скажет, так и будет. А он – поздний ребенок, маленький комочек, **оплошность природы, обсевок, обмылок, плевел, шелуха**, предназначавшаяся к сожжению и случайно затесавшаяся среди своих здоровых собратьев, когда Сеятель щедро разбрасывал по земле полнокровные зерна жизни (Толстая, 2004, с.192).*

В данном отрывке произведения Т.Н. Толстая открывает перед читателем внутренний мир маленького ребенка, пока еще беспомощного перед большим и полным опасностей миром взрослых людей. Элементы повторной номинации (*комочек* ‘небольшой ком’ [БАС, V, с. 1251]; *оплошность* ‘ошибка, промах’ [БАС, IX, с. 914]; *обсевок* ‘остатки, отбросы после просеивания’ [БАС, VIII, с. 433]; *обмылок* ‘остаток от употреблявшегося куска мыла’ [БАС, VIII, с. 264]; *плевел* ‘сорная трава, растущая среди хлебных злаков’ [БАС, IX, с. 1360]; *шелуха* ‘кожица, скорлупа, очищенная с овощей, плодов, семян и т. п.’ [БАС, XVII, с. 1341]) относятся к разным ЛСГ, но все же их объединяют общие семы: ‘что-то ненужное или приносящее вред’ или ‘что-то неполноценное’. Они

актуализируются в контексте и выходят на первый план семантической структуры, делая слова *комочек, оплошность, обсевок, обмылок, плевел, шелуха* синонимами. Такая семантическая трансформация позволяет прийти к выводу, что автор использует ПН для описания маленького беззащитного ребенка, подчеркивая, что его жизнь полностью зависит от слишком заботливой матери и, как ему кажется, могущественной и всевластной женщины.

По мнению Болдырева, цель семиологического исследования заключается в изучении и описании соотношения двух сторон словесного знака, выявлении механизма семантической актуализации условий и средств семантического варьирования слов в предложении-высказывании [Болдырев, 1998, с.7]. Смысловая структура ПН складывается из смысла всех компонентов номинативной цепи. Как правило, лексемы, становясь частью ПН, подвергаются семантическим изменениям. Семиологический подход к анализу смысловой организации ПН помогает рассмотреть «поведение» семантической структуры языковых знаков, участвующих в повторном наименовании, описать взаимодействия «виртуального» (словарного) и «актуального» (речевого) значений языковых единиц в номинативной цепи, проанализировать семантические модификации «виртуальных» значений данных единиц [Декатова, Курдыбайло, 2014, с.23], например:

А он, беспечный, готовый повиснуть на шее у любой уличной собаки, пригреть любого антисанитарного бродягу, тратил себя на толпу, разбрасывал себя пригоршнями; простая душа, брал авоську, нагружал ее простоквашей и сметаной и шел навещать заболевшую Лизавету, и приходилось идти с ним, и, боже мой, что за берлога, что за комната, желтая, жуткая, заросшая грязью, слепая, без окон! (Толстая, 2004, с.157)

В данном фрагменте текста две цепочки ПН: 1) *что за берлога, что за комната* и 2) *желтая, жуткая, заросшая грязью, слепая, без окон.*

Первая цепочка вводит объект в изложение, дает его первичную характеристику и состоит из двух компонентов: *что за берлога, что за комната*. Лексема *берлога* в толковом словаре имеет два значения: 1) ‘зимнее логовище медведя’; 2) перенос. ‘о невзрачном тесном жилище человека’ [БАС, I, с. 399]. Данные значения являются виртуальным содержанием лексемы. В номинативной цепи слово *берлога* приобретает новые смыслы, которые помогают писательнице выразить негативное отношение героини к месту обитания Лизаветы. Об этом свидетельствует и тот факт, что автор, описывая ее жилище, называет его сначала «берлогой», а уже после «комнатой».

Вторая цепочка ПН в вышеприведенном отрывке играет важную роль, т.к. отражает отношение героини, ее мысли и чувства. В данной цепочке содержится пять элементов, каждый из которых не только значим сам по себе, но и делает необходимый смысловой акцент на элементах, располагающихся рядом. Слово *жуткая*, употребленное здесь в значении ‘вызывающий чувство страха, тягостная, неприятная’, и словосочетание *заросшая грязью* помогают нам понять значение слова *желтая*. Данная лексема в своем прямом значении обозначает объекты, имеющие окраску одного из основных цветов спектра, – ‘один из основных цветов солнечного спектра, средний между оранжевым и зеленым’ [БАС, IV, с. 67], в контексте же слово приобретает другой смысл, подчеркивающий отталкивающую атмосферу в комнате, вызывая чувства заброшенности и болезненности. Писательница говорит о комнате как о живом существе, называя ее *слепой* ‘лишенной зрения, способности видеть’ [БАС, XIII, с. 1195]. Контекст помогает понять речевой смысл данного слова. Отсутствие окон в комнате побудило автора к использованию данного слова. Талантливо подобранное автором слово *слепая* отражает испуг героини, чувство страха, вызванное мрачной атмосферой комнаты.

Семиологический подход основан на единстве статического и динамического, системного и функционального аспектов изучения языка.

Вслед за Н.Ф. Алефиренко, Ю.С. Степановым, А.А. Уфимцевой под семиологическими исследованиями мы понимаем анализ «процессуальной (дискурсивной) семантики», специфики проявления и видоизменения системного значения в дискурсивном пространстве. Другими словами, семиологический подход к анализу компонентов ПН подразумевает наблюдение над единичным и конкретным, предполагая взаимосвязь «глубинных процессов» дискурсивной репрезентации мысли и художественного текста [Степанов, 1976, с.206].

Так как в речи один и тот же языковой знак позволяет выразить разные речевые интенции, а определенный смысл можно выразить, пользуясь различными языковыми знаками, говорящий не просто использует конкретный знак в определенном значении, но и формирует желаемое значение с помощью соответствующих языковых средств. В художественном произведении эту роль выполняет контекст. Семиологический подход позволяет изучить возможности языка и способы формирования функциональных смыслов в их взаимодействии и многообразии.

Таким образом, семиологический подход к анализу ПН, одной из основных целей которого является сопоставление актуального и виртуального значений слов, также ставит перед нами следующие важные задачи:

1. выявить и проанализировать смысловую структуру речевых единиц;
2. определить влияние контекста на процесс семантической модификации языковых единиц в тексте;
3. проанализировать механизмы формирования речевого смысла слов;
4. проанализировать механизмы преобразования значений языковых единиц;
5. изучить семантическое взаимодействие слов в дискурсивном пространстве.

Выводы по первой главе

ПН достаточно глубоко изучена в отечественной лингвистике. Ученые обратили свое внимание на различные аспекты ее проявления: парадигматический, синтагматический, функциональный, стилистический, прагматический и др. Было издано немало работ, в которых описывались результаты анализа ПН как многогранного и полифункционального явления. В работах была освещена роль ПН в логико-семантической, структурно-семантической, информационного, композиционной организации текста. В.И. Шаховский исследовал ПН в качестве средства выражения эмоций, что позволило разработать оригинальную концепцию коннотации как семантического компонента языкового знака.

Среди проблем, интересующих исследователей-лингвистов, были и проблемы определения сущностных признаков ПН, их разновидностей и функций. Несмотря на многостороннее изучение ПН, за рамками пристального внимания оказалось смыслообразование ПН, а именно механизмы смыслообразования в процессе повторного наименования. Внимание нашего исследования направлено на изучение смысловых отношений между компонентами ПН в художественном тексте. Анализ механизма смыслообразования возможен только в рамках дискурса, так как для трактовки значения ПН знания текста недостаточно, нужны и фоновые знания, которые являются элементом дискурса, а не текста. За основу в работе принято определение Н.Ф. Алефиренко, согласно которому под дискурсом понимается вербализированная речемыслительная деятельность, сложное коммуникативное явление, в которое кроме текста включаются и экстралингвистические факторы. В свою очередь, под художественным дискурсом мы понимаем текст литературного произведения, образующий единство двух не рвущихся линий: цепь словесных обозначений в несловесной реальности и ряд кому-то принадлежащих высказываний.

Ключом к пониманию механизмов смыслообразования послужил семиологический подход, в основе которого лежит представление о языке как двуединой сущности – мыслительного содержания и формы, его языкового выражения. Семиологический подход к анализу смысловой организации ПН предполагает решение нескольких задач. Исходя из того факта, что значения компонентов номинативной цепи существуют не изолированно, а являются частью организующейся в текстовом пространстве смысловой структуры, то описание особенностей компонентного состава ПН является одной из приоритетных задач исследования. Значительную роль в понимании семантики слов играет контекст, а именно макро- и микроконтекст. Под макроконтекстом мы понимаем фрагмент текста, благодаря которому появляется возможность описания смысловой структуры ПН, актуальное значение слова, номинирующее денотат, а также слова номинативной цепи. Микроконтекстом является ряд слов, составляющих номинативную цепь, другими словами, группа слов, являющихся первичной номинацией и последующими, повторными наименованиями денотата. Следовательно, следующая задача состоит в выявлении роли микро- и макроконтекста, служащие источником понимания смысла того или иного компонента цепи.

Исследование смыслообразования компонентов ПН предполагает наблюдение над словом в процессе словоупотребления, анализ семантической структуры слова, а именно подробный анализ языкового значения лексемы и смысла слова – компонента ПН с подробным описанием тех семантических изменений, которые наблюдаются под влиянием микро- или макроконтекста. Таким образом, в рамках семиологического подхода слово рассматривается в двух его основных аспектах: как виртуальный словесный знак в системе языка и как актуализованный словесный знак в речи.

ГЛАВА II. СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ

2.1. ЭЛЕМЕНТЫ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ

Смысл и значение образуют содержательную сторону языкового знака, являясь его означаемым [Алефиренко, 1999, с.84]. Значение рассматривается как неизменяемая, общая для всего языкового коллектива сторона содержания знака, которая обеспечивает взаимопонимание говорящего и слушающего в процессе их речевого общения. В свою очередь, смысл является актуализированным в речи языковым значением в сочетании со всевозможными видами неязыкового содержания. Из этого следует, что языковой знак, с одной стороны, обладает значением, являющимся инвариантным, узуальным и обязательным аспектом его плана содержания, а с другой стороны, языковой знак, участвуя в конкретном речевом акте, приобретает конкретный, нередко уникальный смысл, который в его плане содержания оказывается величиной вариативной и окказиональной [Алефиренко, 1999, с.85-86].

Описывая ПН в парадигматическом аспекте, В.Г. Гак использовал термин смысловая структура для наименования отношений между денотатом и именами номинативной цепи [Гак, 1998а., с.524]. Опираясь на данное понимание смысловой организации ПН в целом, необходимо уточнить, что в нашем исследовании под *смысловой структурой* понимается структура, включающая в свой состав актуальный денотат (референт) и сигнификаты языковых единиц, являющихся первичным и последующими (повторными) наименованиями [Декатова, Курдыбайло, 2014, с.23]. Например, в рассказе Татьяны Толстой «На малом огне» ПН используется для языковой объективации образа собаки:

«Пошли дальше. Это – чулан. Обои в нем лиловые в белую хризантемку, их так и не меняли, держатся с 1935 года. Там живет собака Ясса, боксер. Она ест овсянку, и ничего. А когда ее взяли щенком, она была приучена хозяйкой есть клубнику и взбитые сливки. Вроде тебя, Мироныч! Но ее живо отучили. Правда, ее лет сорок уже нет на свете. А для меня она всегда тут» (Толстая, 2014, с.17).

В ходе ПН образуется смысловая структура, в образовании которой участвуют денотат – образ собаки определенной породы – и сигнификаты слов *собака* – ‘домашнее животное сем. собачьих, используемое для охраны, охоты и других целей’ [БАС, XIV, с.5] – и *бульдог* – ‘собака с толстой тупой мордой, широкой грудью и короткими толстыми лапами’ [БАС, I, с.685]. Если первичное наименование денотата, слово *собака*, выполняет, прежде всего, номинативную функцию, то повторное наименование собаки, слово *бульдог*, выполняет семантическую функцию, уточняя денотат, объективируя его дополнительные характеристики.

В отрывке из романа Т.Н. Толстой «Кысь» смысловая структура ПН *грустный, вечерний* складывается из смысла всех компонентов, входящих в ее состав:

Ах, позавидовал Бенедикт Никите Иванычу! Вечером после работы, добравшись до дому, он как всегда, волнуясь, проверил печь, и, как назло, как уж часто бывало, печь погасла. На часок бы раньше прийти, оно, может, и ничего бы, еще какая-то жизнь теплилась бы в угольках, еще можно бы, пожалуй, на колени встав и вывернув шею, как если бы молясь, дуть, дуть – выдуть живой огонек из сизых, засыпающих деревяшечек. Да, часом раньше – еще можно бы. Да рабочий день длинен, да пока на работу доберешься, да с работы бегом бежишь – как нарочно, словно кто рассчитал, чтоб тебе не поспеть к сроку! Суп-то, конечно, еще не простыл, если горшок тряпками заматан был как надо; похлебать можно,

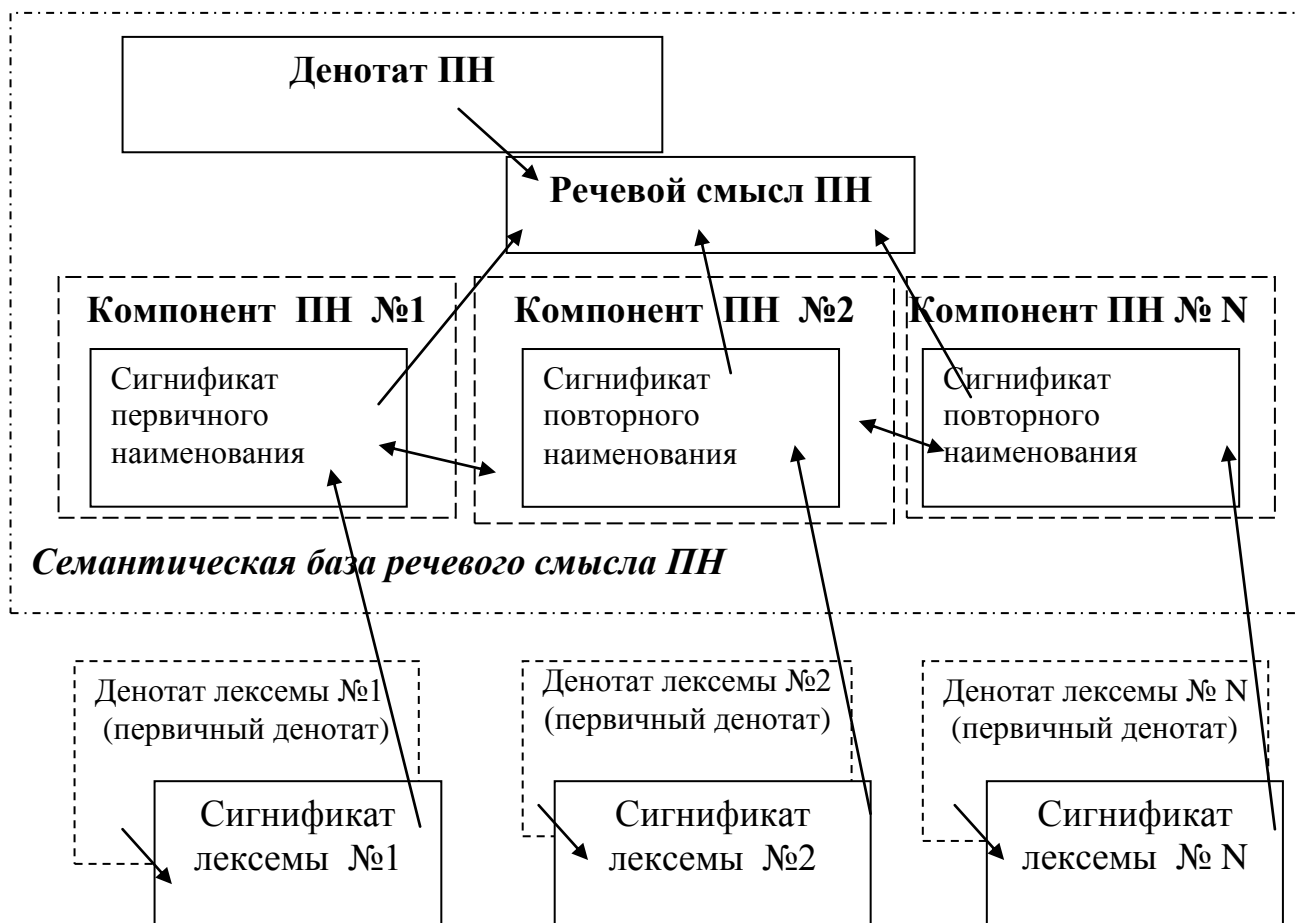
но вкус у него грустный, вечерний; ешь на ощупь, в темноте, – ведь и свечу разжечь нечем, и жалко себя, так жалко! (Толстая, 2001, с.83)

Сопоставляя словарные значения единиц *грустный* – ‘выражающий собою печаль, грусть; исполненный грусти’ [БАС, III, с. 448], *вечерний* – ‘относящийся к вечеру’ [БАС, II, с. 255] и речевой смысл компонентов ПН *грустный* – ‘холодный, остывший’, *вечерний* – ‘простоявший целый день’, напрашивается следующий вывод: под влиянием контекста словарное значение лексем изменяется, в результате у данных слов появляются новые смыслы, которые в совокупности передают мнение героя о предстоящем ужине.

Подобного рода семантические изменения в ходе ПН все еще остаются недостаточно изученными. Исследование цепочек ПН с использованием семиологического подхода позволяет выявить семантические модификации лексем, попадающих в пространство речи в качестве компонентов ПН. Одной из задач нашей работы является описание результатов анализа смысловой структуры компонентов ПН с учетом принципов семиологического подхода.

Так как в большинстве случаев ПН состоит из ряда компонентов, расположенных контактно, то, безусловно, неизбежно их взаимное влияние. Компоненты номинативной цепи так же вступают между собой в различные семантические отношения, к примеру, отношения синонимии и антонимии. Речевой смысл ПН формируется из смысловых элементов разной природы: поставщиком сем являются семемы компонентов ПН и денотат ПН. Схематично это можно изобразить следующим образом:

Схема № 1 Смысловая структура ПН

На схеме № 1 показано, что смысловая структура ПН включает денотат ПН и сигнификаты компонентов ПН (сигнификаты компонентов №1, №2, №N), участвующие в формировании речевого смысла ПН. Как видно на схеме, все речевые смыслы компонентов ПН связаны с языковыми значениями лексем, используемых в ПН. Следует отметить, что вслед за Кобозевой И.М., Н.Ф. Алефиренко, Л.М. Васильевым и др. мы противопоставляем понятие «значение» как закрепленное за данной единицей языка относительно стабильного во времени инвариантного содержания, знание которое входит в знание данного языка, понятию «смысл» как связанной со словом информации изменчивой во времени, варьирующейся в зависимости от свойств коммуникантов, знание которого необязательно для знания языка [Кобозева, 2000, с.12].

Лексические значения – сигнификаты лексем и их денотаты (первичные денотаты) – занимают обязательное место в смысловой структуре ПН, так как они играют значительную роль в смыслообразовании, оказываясь смысловым фоном и поставщиками смысловых элементов актуального значения слов-компонентов ПН. Они составляют семантическую базу речевого смысла компонентов ПН.

В процессе смыслообразования ПН значение лексем подвергается влиянию контекста, что отражается на смысле речевых компонентов ПН. Конечно, ядро семемы компонентов ПН не всегда отличается от их словарного значения, например:

*Она настоящая женщина, не мне чета, она богиня очага и покровительница ремесел, и еще она волонтерствует в студенческом театре, разрисовывая декорации для спектаклей, которые ставят ее ученики. Она догадывается, что, пока она их разрисовывает, Эрик не сидит в своем кабинете, а кружит по нашему городку, чтобы столкнуться со мной то в одном, то в другом месте – **случайно, ненароком, непреднамеренно**. Эмма – ведьма и желает мне зла. Ну, или мне так кажется (Толстая, 2014, с.90).*

В вышеприведенном отрывке в цепи ПН слова-компоненты обладают общим речевым смыслом ‘неожиданно’, смысловое ядро которого совпадает со значением лексем: *случайно* – ‘возникший, случившийся непредвиденно, непреднамеренно’ [БАС, XIII, с. 1293], *ненароком* – ‘случайно, непреднамеренно’ [БАС, VII, с. 988], *непреднамеренно* – ‘совершенный (совершаемый) без заранее обдуманного намерения; невольный’ [БАС, VII, с. 1084]. Таким образом, лексем, ставшие компонентами ПН, сохранили как архисему, так и дифференциальные семы.

Однако, гораздо чаще лексическое значение языковых единиц, попадающих в цепь ПН, модифицируется. При этом смысл речевой единицы в окружении контекста может незначительно отличаться от языкового значения слова, например:

*Бонч в этот миг зачерпывал суп, куриный бульон, как помню, с рисом. Он застыл, как бы окаменел; ложка его, наполовину поднесенная ко рту, замерла на полпути; рот, приоткрытый для этого супа, так и остался приоткрытым и обмяк; глаза выпучились, и взгляд словно бы исчез из них, обратившись куда-то внутрь, мышцы лица расслабились и обвисли, и лицо, такое умное и энергичное, стало словно бы маской идиота. Все, что составляет внешнее выражение лица, исчезло, ушло внутрь, в мысль. Я смотрел как замороженный... Бонч не шевелился. Так прошло минуты полторы. Потом он ожил, лицо его вернулось на место, взгляд включился, он донес остывшую ложку до рта и сказал: записывай. И я на салфетке записал схему, которую он мне продиктовал, и это была самая простая, эффективная, экономная и остроумная схема из всех, которые я потом видел. Но он не стал ни патентовать ее, ни в конкурсе участвовать. Для него это была **мелочь, семечки**» (Толстая, 2014, с.21).*

По данным словаря БАС слово *семечки* имеет значение – ‘семена подсолнечника, тыквы, употребляемые как лакомство’ [БАС, XIII, с. 623]. В контексте слово употреблено в ином смысле, автор говорит о незначительной работе, выполненной героем рассказа.

Нередки случаи, когда речевой смысл компонентов ПН значительно отличается от словарного значения языковых единиц, к которым восходят компоненты ПН, например:

*В эти месяцы я даже думаю отчасти по-английски и вижу англоязычные сны – отвратительное ощущение. В декабре, когда мне все обрыдло и я считаю дни до окончания семестра, когда темно, и холодно, и хочется назад, домой, – в моей словесной сфере, как в мыслях, так и в речи, наблюдаются (мною самой наблюдаются) множественные повреждения: это уже не мозг, а **фарш, салат, плазма, коробка с домашним мелким мусором**, где перемешаны пуговицы, крючки, резинки, прачечные номерки, лоскуты тканей от давно выброшенных вещей, не пригодившееся ни разу в жизни, но купленное от жадности в 1975 году мулине. Я хочу домой, туда,*

в тот словесный дом, где говорят по-русски, а где это на глобусе – не столь важно (Толстая, 2007: 198-199).

Языковые единицы *фарш, салат, плазма, коробка с домашним мелким мусором* теряют свое прямое значение *фарш* – ‘измельченное мясо, используемое для котлет, паштетов и т.п.’ [БАС, XVI, с. 1270], *салат* – ‘холодное блюдо из нарезанных кусочками сырых или вареных овощей, зелени, яиц, иногда рыбы, мяса и т.п.’ [БАС, XIII, с. 61], *плазма* – ‘жидкая часть крови’ [БАС, IX, с. 1291], *коробка с домашним мелким мусором* – ‘сухие отбросы, сор’ [БАС, VI, с. 1382]. Влияние первичного денотата ощутимо. Несмотря на принадлежность слов к разным ЛСГ, все эти лексемы обозначают нечто ‘бесформенное, состоящее из различных частей или компонентов’. В данном случае первичный денотат, несомненно, оказывает влияние на смысловую структуру ПН. Героиня рассказа чувствует влияние чужеродной ей культуры и языка, что сказывается на ее самоощущении.

Модификации в структуре ПН приводят к изменениям в семантических структурах каждого из компонентов цепи. К примеру, в цепи ПН могут устанавливаться *синонимические отношения* между словами, которые за рамками контекста синонимами не являются:

В сказках обычно человеку даруются три желания, и он по неразумию тратит их на чепуху. Так и профессору минералогии и анатомии, философии и химии, геологии и математики, пророку и духовидцу даровано было нечто великое и неслыханное, а он на что потратил свои чудесные силы? Помог вдове с квитанцией, послужил почтальоном для королевы, поволновался о пожаре – а что пожар, когда уже два года к тому моменту, как состоялся Страшный Суд, и у нас уже новая земля и небеса новые? Казалось бы, гори оно все огнем! Ан нет. Все прилично, вежливо, аккуратно, пресно (Толстая, 2014, с. 374).

Так, попадая в окружение синонимов *прилично* ‘соответствующий приличиям, подобающий’ [БАС, XI, с. 567], *вежливо* ‘учтиво, любезно’, *аккуратно* ‘соблюдающий порядок, точность; исполнительный, исправный

(о человеке)’, слово *пресно* также начинает обозначать некий признак учтивости. Данная лексема утрачивает прямое значение ‘лишенный определенного вкуса вследствие отсутствия или весьма незначительного количества соли’ [БАС, XI, с. 286] и приобретает переносное значение ‘лишенный остроты, занимательности, живости’ [БАС, XI, с. 287]. Таким образом, языковое значение слова под влиянием микроконтекста проходит два этапа преобразования. Во-первых, слово теряет свое прямое значение, так как уже не характеризует качество приготовленной пищи, а дает оценку происходящим событиям. Во-вторых, в окружении слов *прилично, вежливо, аккуратно* лексема *пресно* приобретает новый речевой смысл ‘соответствующий всем правилам приличия’, вступая в синонимические отношения с другими компонентами ПН.

В следующем примере у слова с конкретным прямым значением в результате контактно расположенных компонентов цепи появляется новое потенциальное значение:

*Недавние выборы – типичное отправление культа: голосовательные урны из соломы, кокосовые бюллетени, – все **поддельное, фейковое, папуасское**. Если сунуть этот кокос вон в ту солому, то из-за горизонта, из-за коралловых рифов, по голубым волнам к нам придет демократия* (Толстая, 2014, с. 424).

В данном примере слова *поддельное* и *фейковое* употребляются в прямом значении: *поддельное* ‘представляющий собой подделку’ [БАС, X, с.332]; *фейковое* (от англ. слова *fake*) означает ‘подделка, фальшивка’. Лексема *папуасское*, которое имеет лишь единственное словарное значение ‘относящийся к папуасу, папуасам, принадлежащий им’ [БАС, IX, с. 140] в контексте, под влиянием стоящих рядом компонентов ПН, приобретает значение ‘подделка, обман’, становясь контекстуальным синонимом слов *поддельное, фейковое*.

Как показал анализ материала, возможны случаи, когда в результате семантических модификаций между компонентами ПН устанавливаются отношения антонимии, например:

Вот купила я себе в Нью-Йорке красивую шелковую кофточку. Темно-зеленая с черными какими-то оторочками, дорогая, видно, что непрочная, – не жилец. Но тем более купила и унесла домой, целуя ее и обнимая. Привожу ее в Москву, смотрю – какая-то она промокшая, что-то на нее вылилось в чемодане, причем только на нее, а все остальное совершенно сухое. Да и выливаться у меня в чемодане нечему. А чемодан при этом подвергся выборочной проверке, как это случается в американских аэропортах: залезают в него и все там ощупывают, а тебе оставляют бумажку: сорри, мы ваш багаж вскрыли и просмотрели. <...> Надела свитер, тоже хороший дизайнерский, сверху еще накрутила шарф, тоже бешеных денег стоил. Пошла есть канашки и псевдопирожки и пить вино. И что же? Какая-то дама в толпе размахнулась рукой от плеча, как будто пришла физкультурой заниматься, и выбила бокал с красным вином у меня из рук, так что облила им с ног до головы не только меня, но и стоящего поодаль любезного друга <...> Тут масса непроященного, непонятого для науки на современном этапе ее развития. <...> Но мне понятно было, что этот удар предназначался для зеленой кофточки. Это за ней судьба бежала «как сумасшедший с бритвою в руке», это ее – за что? за что? – должна была уничтожить, погубить неведомая сила; у них там, у кофточек, в их, казалось бы, мирном шелковом мире тоже страсти роковые и от судеб защиты нет. Я никогда не узнаю, что за карма такая у моей прекрасной, измученной, больной страдальницы. Я не знаю, сколько ей жить осталось. Я ее еще больше люблю, чахоточную мою. Может, и не носить ее теперь вовсе? А укладывать вечером спать, петь ей колыбельные, тушить свет и тихо выходить на цыпочках (Толстая, 2014, с.262) .

Стоит отметить, что в вышеприведенном фрагменте текста речь идет о любимой кофточке героини, которая не раз могла испортиться по каким-либо непредсказуемым причинам. Она так ей мила, что автор наделяет ее свойствами живого человека. ПН состоит из трех компонентов: *прекрасный* ‘очень красивый, отличающийся необыкновенной красотой [БАС, XI, с. 221], *измученный* ‘усталый, утомленный’ [БАС, V, с. 203], *больной* ‘страдающий какой-либо болезнью; нездоровый’, *страдалица*, женск. к страдалец ‘человек, испытавший или испытывающий много страданий, мучений (физических или нравственных); мученик’ [БАС, XIV, с. 982]. Первые два компонента (*прекрасная* и *измученная*) сохраняют свое значение, устанавливая отношения антонимии, благодаря третьему компоненту (*больная страдалица*). Слова *больной* и *измученный* имеют общие семы, а слово *страдалица* обладает следующими дифференциальными семами: ‘женщина’, ‘испытывающая много страданий’, ‘мученица’, которые благодаря контексту приобретают значение положительное, вызывающее сострадание. Следовательно, слово *больная* сохраняет негативное значение, а слово *прекрасная* положительное.

Таким образом, исследование смыслообразования ПН предполагает изучение роли каждого компонента вышеописанной смысловой структуры в формировании содержания ПН. Немаловажным в исследовательской деятельности, на наш взгляд, является описание особенностей денотата ПН, а также его отношений с денотатами лексем, участвующих в повторном наименовании, то есть с т.н. первичными денотатами.

2.2. ТИПЫ ДЕНОТАТОВ В СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ

К концу XIX ученые отходят от трактовки лексического значения как целостного и неделимого образования. Лингвисты стремятся разложить

значение слова на его составляющие. Но реализация этой задачи у всех идет разными путями, так как выделяется разное количество компонентов, понимание которых тоже неоднозначно. Все же ученые отталкиваются от главной функции слова – его способности быть средством обобщенного и опосредованного представления реальной действительности и внутреннего мира человека. Это – номинативная функция слова [Алефиренко, 1999, с.91-92].

Предметом номинации и обозначения одновременно могут быть: 1) конкретный объект наименования – *референт*; 2) класс однородных предметов – *денотат*, 3) дифференциальные, наиболее существенные для данного класса предметов признаки, а именно их совокупность – *сигнификат* [Алефиренко, 1999, с. 92].

В процессе словоупотребления предметная отнесенность слова и его понятийная отнесенность могут не совпадать. В этом случае отмечается сдвиг в предметной отнесенности слова, в результате чего словесный знак становится именем другого предмета или его значение подвергается преобразованию [Алефиренко, 1999, с. 93].

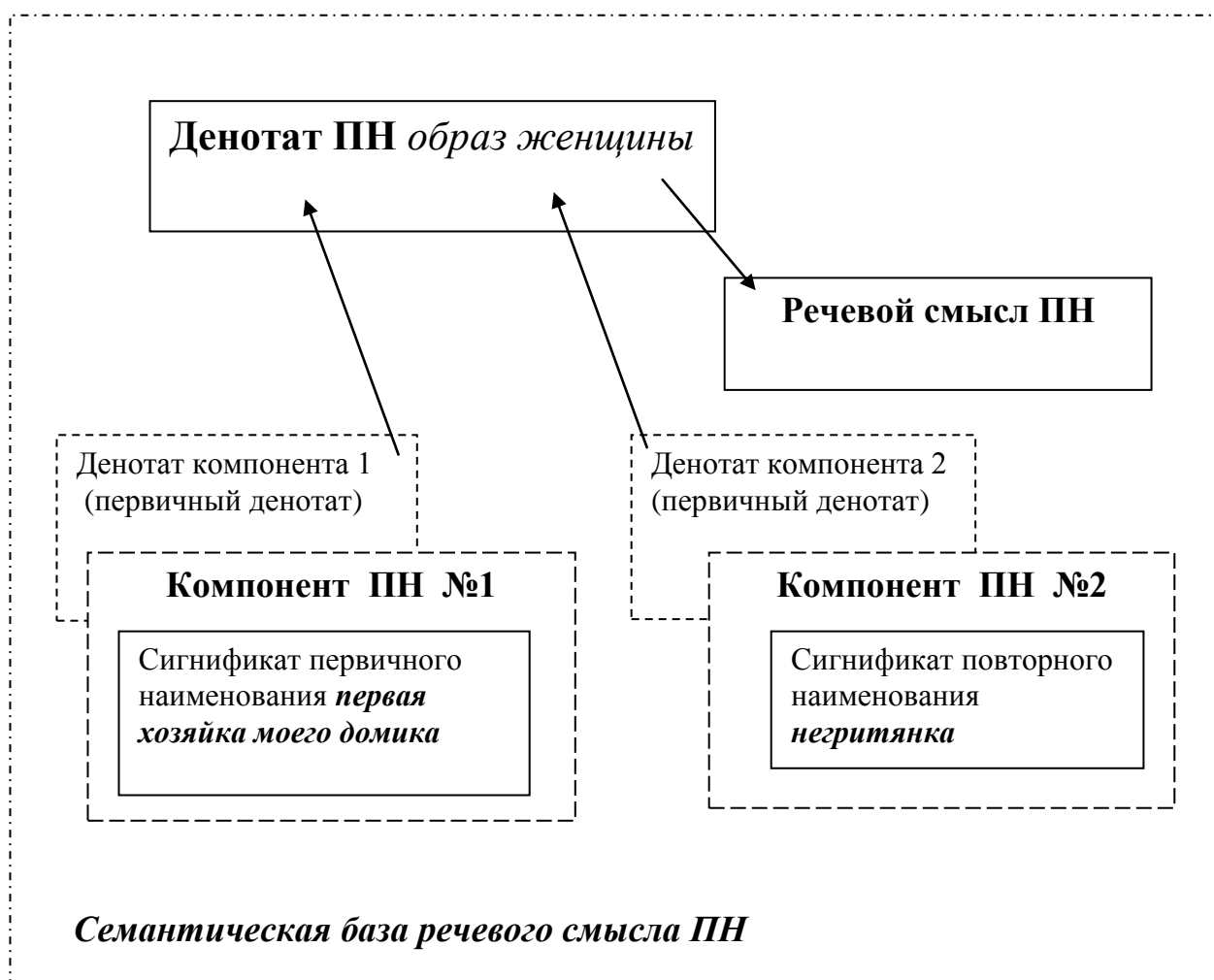
Анализ смыслообразования ПН с использованием семиологического подхода предполагает выделение денотата и сигнификата. Денотативный слой значения, или просто денотат языкового выражения, – это передаваемая им информация о внеязыковой действительности, о том реальном или воображаемом мире, о котором идет речь. Под сигнификатом мы понимаем «выражаемое словом понятие» [Алефиренко, 2004, с.199] или «вербализованное понятие» [Декатова, 2004, с.117].

Наиболее простая смысловая структура ПН состоит из денотативного компонента, сигнификата первичной номинации и сигнификатов повторного наименования. Данной структурой обладает смысловая организация субстантивной ПН, в состав которой входят слова с прямым значением, например:

Первая хозяйка моего домика, негритянка, про которую я ничего не знаю, и правда засадила весь сад цветами. Вдоль дорожки, ведущей с улицы к дому, до сих пор была видна длинная гряда ирисов. Под деревом, именуемым катальпа, у нее был маленький розарий; он одичал, но когда я вырвала гигантские американские сорняки и вырубил чудовищные американские колючки – спирали с шипами, годные для установки по периметру особо охраняемой зоны, – обнаружили вполне себе прекрасные белые розы, и, в общем, они даже пахли, хотя в Америке цветы не пахнут, овощи не имеют вкуса, и вообще, запахи в целом в здешней культуре не приветствуются (Толстая, 2014, с.153-154).

Смысловая структура повторного наименования состоит из актуального денотата – образа женщины – и сигнификатов субстантивных единиц: первичного наименования *хозяйка* и повторного наименования *негритянка*. Важно отметить, что при участии в субстантивной ПН прямономинативной единицы, ее первичный денотат (денотат слова *негритянка*) не вступает в противоречие с актуальным денотатом (денотатом ПН *хозяйка*). Их отношения можно назвать отношениями включения: смысловые элементы первичных денотатов встраиваются в актуальный денотат (см. схему №2). В такого рода ПН не происходит значительных семантических изменений в семемах лексем, попадающих в цепь ПН.

Схема №2 Смысловая структура ПН *первая хозяйка моего домика, негритянка*

Такие же отношения устанавливаются между актуальным и первичными денотатами при их расчлененном наименовании, то есть при наименовании с помощью прямономинативных сочетаний слов, например:

Другой героиней их фольклора была генеральша; этот персонаж жил в основном в мечтах мужчин. Миф о генеральше сводился к тому, что она, вся в югославских пеньюарах и немецких пенах для ванн, среди ковров и лакированных гардеробов, страстная, ждет его, а он – простой рабочий, сантехник. И она бросается ему на шею, благоухая: я твоя! Возьми меня!

Генерал, понятно, на полевых учениях – за скобками (Толстая, 2014, с.174).

Смысловая структура ПН в данном отрывке текста образуется из актуального денотата – образа человека – и сигнификатов субстантивных единиц: первичного наименования *простой рабочий* и повторного наименования *сантехник*. Как и в предыдущем примере, отношения между актуальным денотатом и денотатами сочетаний слов, используемых для вербализации образа человека, являются отношениями включения: смысловые элементы первичных денотатов становятся частью актуального денотата.

Иначе обстоит дело в тех случаях, когда в субстантивных ПН используются слова с переносным значением, например:

*Саму Сретенку тоже все время перестраивали, а так как некоторые владельцы домов не сдавались и отдавать имущество не хотели, то их периодически поджигали; так, несколько раз поджигали магазин «Грибы», я об этом писала, очерк такой у меня был или что – не знаю жанра, – «Гриб-б-бы отсюда!». Бочки там стояли с клюквой и капустой провансаль, продавались «Грибы резаные» фирмы «Ветераны Афганистана». Всё сожгли, порушили и перестроили. Там всё снесут, не сомневайтесь. Всё хорошее тоже снесут, потому что это **тупые машины, механические боевые слоны**, у них ничего не болит, они ни от чего не плачут (Толстая, 2014, с.240).*

В данном отрывке смысловая структура ПН состоит из актуального денотата – техника – и сигнификатов первичной номинации *тупые машины* и повторного наименования *механические боевые слоны*. Денотат лексемы *боевые слоны* вступает в смысловое противоречие с актуальным денотатом, что не позволяет им объединиться в одну денотативную структуру. Данное противоречие не может разрешиться деактуализацией первичных денотатов, поэтому можно сказать, что смысловая структура подобных ПН осложнена наличием в ней, помимо актуального денотата, первичных денотатов, которые становятся фоновыми. Противоречие смысловых элементов

денотатов является причиной семантического переосмысления лексем, принимающих участие в ПН.

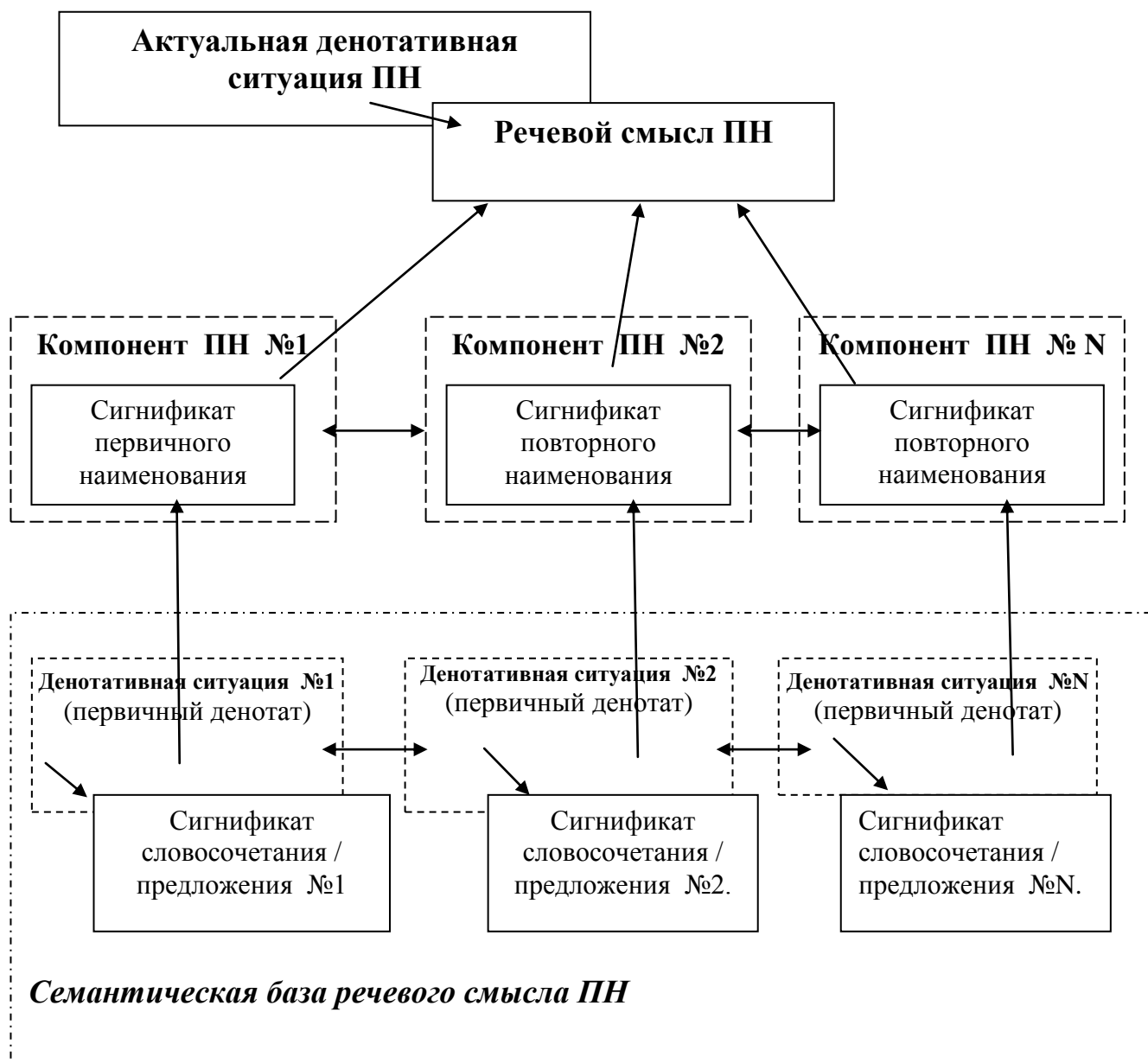
Смысловая структура несубстантивных (глагольных, адъективных, адвербиальных) ПН осложняется наличием не только актуального денотата, но и сигнификатов слов-компонентов ПН признака, свойства, действия объекта, а также актуального денотата и сигнификата слова, номинирующего данный объект [Декатова, Курдыбайло, 2015, с.23], например:

*Я знаю, что сею бесполезные знания. Я уеду, и он снова вернется к своим заблуждениям, к дурным лингвистическим и культурным привычкам. Будет класть в гречку кумин или бадьян, будет готовить салат, смешивая холодные макароны-бантики с красной икрой и заправляя его кунжутным маслом. Ведомый свободной фантазией, из мяса или грибов наворотит какую-нибудь **жуткую, невообразимую** ерунду (Толстая, 2014, с.88).*

Смысловая структура ПН в этом отрывке включает актуальный денотат и сигнификат слова *еда*, актуальный денотат слов номинативной цепи – такой признак еды, как ее необычный вкус и внешний вид, – а также сигнификаты слов *жуткая* – ‘вызывающий чувство страха, приводящий в ужас; страшный’ [БАС, IV, с. 194], *невообразимая* – ‘такой, который невозможно представить себе, вообразить’ [БАС, VII, с. 761].

ПН способна номинировать не только объект, признаки, явления, но и целые ситуации. В этом случае денотативным компонентом смысловой структуры ПН становится *денотативная ситуация* (см. схему №3).

Схема №3 Смысловая структура ПН, компонентами которой являются сочетания слов или предложения

Под денотативной ситуацией (далее - ДС) вслед за Алефиренко мы понимаем «отражение в языковом сознании говорящих на данном языке типизированной внеязыковой ситуации («драмы в миниатюре») с определенным набором «участников» и отношений между ними» [Алефиренко, 2005, с. 251]. По авторитетному мнению В.Г. Гака, координация материальных объектов и их состояний в пространстве и

времени, т.е. установившиеся между ними стабильные связи и отношения, образуют структуру денотативной ситуации [Приводится по: Алефиренко, 2005: 248]. Наименовать ситуацию (событие, факт) значит назвать и соединить в одно структурное целое, соотносимое в нашем сознании с логической пропозицией, действие и его «участников» [Алефиренко, 2005, с.255].

Так, в отрывке из рассказа Т. Н. Толстой «Студень» ПН номинирует ДС:

*Дома их помыть – и в кастрюлю, на большой огонь. Вот закипело, забурлило, вот поверхность покрылась серыми грязевыми волнами: все плохое, все тяжелое, страшное, все, что страдало, металось и рвалось, хрюкало, мычало, не понимало, сопротивлялось, хрипело – все вышло грязью, вся боль, вся смерть вышла, свернулась пакостным легким войлоком. **Конец, успокоение, прощение.** Теперь вылить всю эту смертную воду, как следует промыть успокоенные куски в проточной воде и вернуть их в чистую кастрюлю с новой чистой водой, - теперь это просто мясо, обычная еда, все страшное ушло. Спокойный синий цветок газа, маленькое тепло. Пусть тихо варится, это затея на пять-шесть часов (Толстая, 2014, с.427).*

Цепочка ПН *конец, успокоение, прощение* являются вербализацией ДС. Словарное значение лексем отличается от приобретенного в контексте речевого смысла. Ср. *конец* ‘предел, граница чего-либо, окончание жизни, существования, смерть’ [БАС, V, с. 1286 - 1287]; *успокоение* ‘действие по знач. глаг. успокоить: приводить кого -, что-либо в состояние спокойствия, уравновешенности, рассеивать чье-либо беспокойство, тревогу, волнение’ [БАС, XVI, с. 942]; *прощение* ‘проявление снисходительности, помилование’ [БАС, XI, с. 1563]. Слова – компоненты ПН употреблены в переносном значении. Очевидно, что грязная пена на поверхности бульона это насильственная смерть животных. В отличие от словарного значения, новый смысл лексем компонентов ПН передает ситуацию в некой

логической последовательности: *конец* ‘смерть животного’, *успокоение* ‘очищение от смерти, боли и страданий в виде серой пены’, *прощение* ‘очищенное мясо в свежей воде’.

Как показано на схеме №3, денотативные ситуации входят в состав смысловой структуры ПН, которая, как правило, состоит не из слов-компонентов, а из словосочетаний и предложений. Например:

И Наташа лежала часами, накрывшись с головой одеялом, чтобы ни люди, ни звезды не разглядели топкую помойку, гнилостными грибами корчащуюся в ее душе, не распознали то, о чем не говорят. В это время стал захаживать Коновалов. Он приходил с мороза, аккуратно обсушивал платком тающий в тепле нос, пронзительно глядел голубыми глазами, потирал руки, дружил с бабушкиными ватрушками: Наташа его привлекала. Коновалов помогал бабушке деньгами, давал советы насчет Наташиного будущего, двигал мебель, высоко под потолком ввинчивал бледные лампочки и даже, смущаясь, преподнес царский подарок: дешево снял им на лето дачу. И Наташа ждала, когда скрипнет дверь из общего коридора, дрогнут пыльные матерчатые бубенчики портьер и, неся в глазах голубой вопросительный огонь, войдет Коновалов. Но Коновалов был чист, а Наташа грязна, и она захлопывала все заслонки, замуровывала все лазейки, стояла глухой черной башней, и голубые вспышки Коновалова гасли на ее холодной поверхности. Растерянным соколом озирался Коновалов, описывал круги, щелкал клювом, а потом неохотно взмыл и скрылся за синим лесом. Больше уж после ее никто не любил (Толстая, 2004, с.284).

В данном отрывке произведения Т.Н. Толстой в состав ПН входят сочетания слов *захлопывала все заслонки, замуровывала все лазейки, стояла глухой черной башней*, которые номинируют ДС – попытку, стремление человека отгородиться от другого человека. Помимо актуальной ДС, в смысловую структуру ПН входят и первичные ДС: 1) *в прямом смысле* закрыть заслонки; 2) *заделать* лазейки; 3) *быть* черной, непроницаемой

башней. Отношения между смыслами первичной ДС и смыслами актуальной ДС являются противоречивыми, что приводит к семантической модификации слов-компонентов предложений и словосочетаний. Так, сочетание слов *захлопывать заслонки, замуровывать лазейки* принимают иной, в отличие от словарного, смысл: *захлопывала все заслонки, замуровывала все лазейки* – ‘пресекать все пути к общению’; *стоять глухой черной башней* – ‘не допускать близкого общения’.

Смысловой структурой, содержащей несколько денотативных ситуаций (актуальная ДС и первичные ДС), смысловые элементы которых вступают в противоречие, обладает ПН, в состав которой входят метафорически переосмысленные словосочетания и предложения. Например, в отрывке из рассказа Татьяны Толстой «На малом огне» описывается убийство Кирова:

Говорили, что наша квартира предназначалась для самого товарища Кирова, но он не успел в нее въехать, так как 1 декабря 1934 года был, как известно, по приказу товарища Сталина убит – конкурентов надо убирать, поляну зачищать, – и тем же выстрелом был убит и второй заяц: в злодейском покушении были обвинены дворяне дробь интеллигенция, и тут же начались массовые высылки. Говорят, высылали прямо по справочнику «Весь Петроград» последнего дореволюционного выпуска; всех, кто что-то собой представлял, сразу же и выдворяли (Толстая, 2014, с.427).

Актуальная ДС – устранение, убийство политических конкурентов – номинируется элементами ПН *конкурентов надо убирать, поляну зачищать*, которые содержат слова в переносном значении: ср. словарные дефиниции 1) *убирать* ‘уносить, удалять что-либо прочь’ [БАС, XVI, с. 50]; 2) *зачищать* ‘делать чистым, свободным от оболочки, неровностей, шероховатостей’ [БАС, IV, с. 1094]; *поляна* ‘ровное безлесное пространство на опушке или посреди леса’ [БАС, X, с. 1050] и речевой смысл компонентов ПН *конкурентов надо убирать, поляну зачищать* –

‘физическое устранение тех, кто представляет опасную конкуренцию’. Следовательно, компоненты ПН *убирать, защищать поляну* используются не в словарном значении, а переосмысливаются, приобретают новое метафорическое значение.

Таким образом, в состав смысловой структуры ПН могут входить денотаты и денотативные ситуации. Помимо актуальных денотатов и денотативных ситуаций, в смысловую структуру могут входить первичные денотаты и денотативные ситуации. В случае использования в ПН непрямоименных слов, словосочетаний, предложений между смысловыми элементами денотатов и денотативных ситуаций возникают противоречия. Это становится одной из главных причин семантических модификаций семем лексических единиц, участвующих в ПН. Исследование этих модификаций является важным для понимания всех нюансов смыслообразования в процессе ПН.

2.3. ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДИФИКАЦИЙ КОМПОНЕНТОВ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ

Семантическое исследование цепочек повторных номинаций с использованием компонентного анализа позволяет выявить семантические модификации лексем, попадающих в пространство речи в качестве компонентов ПН. Семиологический подход позволяет сопоставить словарную дефиницию и речевой смысл для того, чтобы выявить изменение состава и ранга сем в семеме слов-компонентов ПН. Вслед за Васильевым под семемой мы понимаем содержательный аналог, семантическую функцию словоформы как основной единицы лексико-грамматического яруса [Васильев, 1990, с.36]. В структуре семемы выделяется ядро и периферия. Ядерные семы отражают постоянный, обязательный признак предмета, а периферийные семы в свою очередь дополняют ядро. При

отсутствии хотя бы одного из ядерных признаков, сема переходит в разряд периферийных. Ближнюю периферию составляют семы, у которых отсутствует один из ядерных признаков, такие семы обладают большей яркостью и являются сильновероятностными. К дальней периферии относятся слабовероятностные, скрытые семы [Стернин, 1985, с.82–83]. Граница между ядерными и периферийными семами является нечеткой, размытой. Ядерные семы в одном из значений могут быть периферийными в другом. Как ядро лексического значения, семема включает также и коннотативный компонент, под которым Л. М. Васильев понимает «результат логически слабо расчлененного отражения действительности, связанного с чувственно-ситуативным мышлением» и включающего в себя экспрессивно - образное, эмоционально - образное, эмоционально - оценочное и модально - оценочное содержание [Васильев 1990, с.91]. В ходе повторного наименования возможны изменения ядерных и заядерных областей семемы.

В процессе ПН очень часто происходит «наращивание смысла» за счет элементов, вторично номинирующих денотат. Под смысловым наращиванием мы понимаем не просто суммирование значений всех компонентов ПН, а образование новой смысловой структуры, когда с одним денотатом соотносится структурирующееся в контексте сигнификативное образование, в котором происходит взаимодействие сигнификатов нескольких языковых единиц и формирование нового порядка смысловых элементов [Декатова, 2015, с.70]. В цепи ПН возможно изменение семем всех слов-компонентов, например:

Попробую подытожить сказанное. Ну-ка, честно: нравится роман или не нравится? – Пожалуй, не нравится... Ну-ка, честно: хороший роман или плохой? – Пожалуй, хороший... Хорошо задуман, продуман, есть структура, есть точка схода всех линий; все повешенные ружья в свое время стреляют; все дороги ведут в Рим, все языки – в Киев; роман многоплановый, постмодернистский, постбартковский,

постструктуралистский, непостфрейдистский (а где такой?); насыщенный культурными аллюзиями, в меру исповедальный... лента, кружево, ботинки, — что угодно для души. И в то же время вязкий, медленный, откровенно отдающий дань Прусту (без прустовской насыщенности), слишком серьезный, без неожиданностей, без юмора, слишком расчисленный, слишком эстетский, густо наштигованный банальностями, клише, стертыми метафорами (Толстая, 2004, с. 494).

В данном отрывке смысловая структура повторной номинации состоит из денотата – литературный роман – и сигнификатов слов *вязкий, медленный*. Последнее сочетание слов, входя в состав ПН, подвергается метафорическому переосмыслению и семантической адаптации к денотату первичной номинации. Таким образом, словарное значение слов *вязкий* ‘топкий, тягучий, липкий, клейкий’ [БАС, II, с. 1351], *медленный* ‘совершающийся, происходящий в длительный промежуток времени; небыстрый, тихий’ [БАС, VI, с. 765] приобретают иной смысл, а именно: *вязкий* ‘скучный, утомительный, запутанный’, *медленный* ‘значительный по объему, трудно читаемый, не вызывающий ярких эмоций’. Новая организация семемы данных языковых единиц – результат ее взаимодействия в речевом пространстве с денотативно-сигнификативной структурой слова *роман*.

Данную семантическую модификацию можно проанализировать, сопоставляя формулы **сигнификата** (S_1) словарного значения лексем (*вязкий, медленный*) и **сигнификата** (S_2) речевого смысла слов - компонентов ПН: *вязкий* $S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3 d_4\}$ и $S_2 \{A_2^k d_1^k d_2^k d_3^k\}$ и *медленный* $S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3\}$ и $S_2 \{A_2^k d_1^k d_2^k d_3^k\}$. Данные формулы разрабатывались с опорой на базовую идею компонентного анализа и возможности выделения в рамках содержания языкового знака минимальных единиц – сем (Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд, О.С. Ахманова, Л.М. Васильев, А.М. Кузнецов, О.Н. Селеверстова, Л.А. Новиков и др.). Известно, что минимальные смысловые единицы (семы) могут подразделяться на родовые семы, или

архисемы, и видовые семы, или дифференциальные семы (З. Д. Попова, В. Г. Гак, Н.Ф. Алефиренко и др.). Вышеприведенные формулы отражают семный состав сигнификатов, компонентами которых являются:

1) архисема: A_1 – архисема значения лексемы, A_2 – архисема речевого смысла слова-компонента ПН, последняя архисема может быть исходной (A_2^n), актуализированной потенциальной (A_2^p) или коннотированной (A_2^k);

2) дифференциальные семы: $d_1 d_2 \dots d_n$ – дифференциальные семы значения лексемы, $d_1 d_2 \dots d_n$ – дифференциальные семы речевого смысла слова-компонента ПН; семы речевого смысла так же, как и архисемы, могут быть актуализированными потенциальными ($d_1^p d_2^p \dots d_n^p$), коннотированными ($d_1^k d_2^k \dots d_n^k$) или исходными ($d_1^n d_2^n \dots d_n^n$).

Таким образом, сопоставим формулы сигнификата словарного значения лексем (*вязкий, медленный*) и сигнификата речевого смысла слов-компонентов ПН (*вязкий, медленный*).

Сигнификат значения лексемы *вязкий*

$S_1 \{ A_1 d_1 d_2 d_3 d_4 \}$

S_1 – семема лексемы *вязкий*

‘признак материального объекта *вязкий* (вещества), топкий, тягучий, липкий, клейкий’

A_1 – архисема ‘признак материального объекта (вещества)’

d_1 – дифференциальная сема ‘топкий’

d_2 – дифференциальная сема ‘тягучий’

d_3 – дифференциальная сема

Сигнификат смысла слова-компонента ПН *вязкий*

$S_2 \{ A_2^k d_1^k d_2^k d_3^k \}$

S_2 – семема компонента ПН

‘признак романа, скучный, утомительный, запутанный’

A_2^k – архисема (коннотированная) ‘признак романа’

d_1^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘скучный’

d_2^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘утомительный’

d_3^k – дифференциальная сема

‘липкий’ (коннотированная) ‘запутанный’
 \mathbf{d}_4 – дифференциальная сема
 ‘клейкий’

**Сигнификат значения
 лексемы *медленный***

$\mathbf{S}_1 \{A_1 \mathbf{d}_1 \mathbf{d}_2 \mathbf{d}_3\}$

\mathbf{S}_1 – семема лексемы

медленный ‘признак действия предмета, ‘происходящий в длительный промежуток времени; небыстрый, тихий’

A_1 – архисема ‘признак материального объекта’

\mathbf{d}_1 – дифференциальная сема ‘происходящий в длительный промежуток времени’

\mathbf{d}_2 – дифференциальная сема ‘небыстрый’

\mathbf{d}_3 – дифференциальная сема ‘тихий’

Сигнификат смысла слова-компонента ПН *медленный*

$\mathbf{S}_2 \{A_2^k \mathbf{d}_1^k \mathbf{d}_2^k \mathbf{d}_3^k\}$

\mathbf{S}_2 – семема компонента ПН

медленный ‘признак романа, значительный по объему, трудно читаемый, не вызывающий ярких эмоций’

A_2^k – архисема (коннотированная) ‘признак романа’

\mathbf{d}_1^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘значительный по объему’

\mathbf{d}_2^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘трудно читаемый’

\mathbf{d}_3^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘не вызывающий ярких эмоций’

Как показывает сопоставительный анализ сигнификатов, «вербализированное понятие» речевого смысла слов-компонентов ПН оказывается полностью состоящим из актуализированных смыслов. Все компоненты приобретают общую архисему A_2^k – ‘признак *романа*’. Дифференциальные смыслы значения лексемы *вязкий* (\mathbf{d}_1 – ‘топкий’; \mathbf{d}_2 – ‘тягучий’; \mathbf{d}_3 – ‘липкий’; \mathbf{d}_4 – ‘клейкий’), а также лексемы *медленный* (\mathbf{d}_1 –

‘происходящий в длительный промежуток времени’; d_2 – ‘небыстрый’; d_3 – ‘тихий’) перестают быть частью ядра семемы речевого смысла и становятся его потенциальными семами. Это означает, что семемы слов-компонентов ПН состоят из новых дифференциальных сем (*вязкий* d_1^k ‘скучный’, d_2^k ‘утомительный’, d_3^k – ‘запутанный’ и *медленный* d_1^k – ‘значительный по объему’, d_2^k – ‘трудно читаемый’, d_3^k ‘не вызывающий ярких эмоций’).

Следует отметить, что в семантической структуре элементов ПН возможно сохранение архисемы одного или нескольких слов. Так, в произведении Т.Н. Толстой «Сирень» два компонента номинативной цепочки сохраняют архисемы в своей семантической структуре:

*В России поэт – Пушкин, фрукт – яблоко, куст – сирень. Можно сказать, куст **всенародный, демократический, повсеместный, пригодный** как для правонарушительного обдирания в городских скверах, так и для спокойного цветения на дачах. В давние годы, помню, я привезла с дачи в город, на свадьбу сестры, такой оглушительно огромный букет темно-фиолетовой сирени, что меня на Финляндском вокзале остановили менты: не могли поверить, что я не вандализировала сады Лесотехнической академии в Кушелевке. Свадьба - любовь - юность - сирень, и все это отцвело уж давно. Сирень - это всегда "давно", это когда все в прошлом, и уж не вернется боле! Увы! Давно, далеко! Не для меня придет весна! Хотя - как посмотреть.* (Толстая, 2007, с.149).

Слово **всенародный** используются в тексте в прямом значении: *всенародный* - ‘имеющий значение для всего народа, принадлежащий всему народу; общий для всего народа’ [БАС, II, с. 826]:

Сигнификат значения лексемы *всенародный*

$S_1 \{ A_1 d_1 d_2 d_3 \}$

S_1 – семема лексемы

Сигнификат смысла слова-компонента ПН *всенародный*

$S_2 \{ A_2^" d_1^" d_2^" d_3^" \}$

S_2 – семема компонента ПН

всенародный ‘признак материального и нематериального объекта, имеющий значение для всего народа, принадлежащий всему народу; общий для всего народа’

A_1 – архисема ‘признак материального/нематериального объекта’

d_1 – дифференциальная сема ‘имеющий значение для всего народа’

d_2 – дифференциальная сема ‘принадлежащий всему народу’

d_3 – дифференциальная сема ‘общий для всего народа’

всенародный ‘признак куста, имеющий значение для всего народа; принадлежащий всему народу; общий для всего народа’

A_2^H – архисема (исходная) ‘признак куста’

d_1^H – дифференциальная сема (исходная) ‘имеющий значение для всего народа’

d_2^H – дифференциальная сема (исходная) ‘принадлежащий всему народу’

d_3^H – дифференциальная сема (исходная) ‘общий для всего народа’

Слово *повсеместный*, имеющее словарное значение ‘имеющий место, происходящий, распространенный и т.п. везде, всюду’ [БАС, X, с.133], под влиянием цепочки ПН приобретает новые дифференциальные смыслы:

Сигнификат значения лексемы *повсеместный*

$S_1 \{ A_1 d_1 d_2 d_3 \}$

S_1 – семема лексемы

повсеместный ‘признак материального объекта, имеющий

Сигнификат смысла слова-компонента ПН *повсеместный*

$S_2 \{ A_2^H d_1^P d_2^P d_3^H \}$

S_2 – семема компонента ПН

повсеместный ‘признак куста, растущий повсеместно,

место, происходящий,
распространенный и т.п. везде,
всюду'

A_1 – архисема 'признак
материального объекта'

произрастающий всюду,
распространенный везде'

A_2^H – архисема (исходная)
'признак куста'

d_1 – дифференциальная сема
'имеющий место везде,'

d_2 – дифференциальная сема
'происходящий везде, всюду'

d_3 – дифференциальная сема
'распространенный везде, всюду'

d_1^P – дифференциальная сема
(потенциальная) 'растущий
повсеместно'

d_2^P – дифференциальная сема
(потенциальная) 'произрастающий
всюду'

d_3^H – дифференциальная сема
(исходная) 'распространенный
везде'

Слово *демократический* имеет следующее определение в словаре:
'относящийся, принадлежащий к демократии' [БАС, III, с. 691]. В контексте
ПН значение слова изменяется, приобретая смысл 'принадлежащий народу,
доступный для народа, любимый народом':

**Сигнификат значения
лексемы *демократический***

$S_1 \{ A_1 d_1 d_2 \}$

S_1 – семема лексемы
демократический 'признак формы
правления, принадлежащий,
относящийся к демократии'

A_1 – архисема 'признак

**Сигнификат смысла слова-
компонента ПН *демократический***

$S_2 \{ A_2^k d_1^P d_2^P d_3^P \}$

S_2 – семема компонента ПН
демократический 'признак куста,
принадлежащий народу, доступный
для народа, любимый народом'

A_2^k – архисема

формы правления’	(коннотированная) ‘признак куста’
d₁ – дифференциальная сема ‘относящийся к демократии’	d₁^P – дифференциальная сема (потенциальная) ‘принадлежащий народу’
d₂ – дифференциальная сема ‘принадлежащий демократии’	d₂^P – дифференциальная сема (потенциальная) ‘доступный для народа’
	d₃^P – дифференциальная сема (потенциальная) ‘любимый народом’

Сопоставительный анализ сигнификатов речевого смысла слов-компонентов ПН отражает степень изменения семантической структуры слов. Во-первых, все слова приобретают общую архисему **A₂^k** – ‘признак куста’. Слово - компонент *всенародный* сохраняет свои дифференциальные семы. Семантические изменения коснулись двух оставшихся элементов цепи ПН. Во-первых, у слова *повсеместный* появляются новые дифференциальные семы: **d₁^P** – ‘растущий повсеместно’, **d₂^P** – ‘произрастающий всюду’, **d₃^P** – ‘распространенный везде’ Во-вторых, актуализированные потенциальные семы лексемы *демократический* **d₁^P** – ‘принадлежащий народу’, **d₂^P** – ‘доступный для народа’, **d₃^P** – ‘любимый народом’ вытесняют исходные дифференциальные семы **d₁** – ‘относящийся к демократии’ **d₂** – ‘принадлежащий к демократии’. Таким образом, у слова актуализируется архисема коннотативной природы **A₂^k** – ‘признак куста’.

Как показал анализ, в семантической структуре элементов ПН возможно изменение архисемы компонентов цепи ПН, состоящей не из одного слова, а словосочетания, например:

Почти все деньги, что я зарабатывала в колледже, я тратила на поддержание дома. При этом работа в колледже убивала меня. Еще

несколько лет назад я умела видеть сквозь вещи, а теперь на меня надвигалась *умственная глаукома, темная вода*. Надо было бросать тут все и ехать домой – в свой прежний дом, в Москву, например. Или в Питер. Вот доработаю свой срок по контракту – и уеду (Толстая, 2014, с. 100).

Словосочетание *темная вода* повторно номинирует *метафору умственная глаукома*, которая с лингвистической точки зрения, является окказиональной, авторской. Необходимо провести компонентный анализ, сравнивая лексические значения слов *умственный, глаукома, темный, вода*, а также и речевой смысл сочетания слов.

Сигнификат значения	Сигнификат значения
лексемы <i>глаукома</i>	лексемы <i>умственный</i>
S₁ {A₁ d₁ d₂ d₃ d₄}	S₁ {A₁ d₁ d₂ d₃}
S ₁ – семема словосочетания <i>глаукома</i> ‘болезнь глаз, состоящая в образовании зеленоватого бельма и повышении внутриглазного давления, ведущего к слепоте’	S ₁ – семема лексемы <i>умственный</i> ‘характеристика интеллектуальной деятельности, относящийся к деятельности ума, способный мыслить, способный рассуждать’
A ₁ – архисема ‘болезнь’	A ₁ – архисема
d ₁ – дифференциальная сема ‘(болезнь) глаз’	– архисема ‘характеристика интеллектуальной деятельности’
d ₂ – дифференциальная сема ‘образование зеленоватого бельма’	d ₁ – дифференциальная сема ‘относящийся к деятельности ума’
d ₃ – дифференциальная сема ‘повышении внутриглазного давления’	d ₂ – дифференциальная сема ‘способный мыслить’
d ₄ – дифференциальная сема ‘слепота’	d ₃ – дифференциальная сема ‘способный рассуждать’

Сравним семный состав сигнификатов лексем *глаукома* и *умственный* с семным составом сигнификата метафоры *умственная глаукома*:

Сигнификат смысла словосочетания-компонента ПН

умственная глаукома

$$S_2 \{A_2^k d_1^p d_2^p d_3^p d_4^k d_5^p d_6^k d_7^k\}$$

S_2 – семема словосочетания - компонента ПН *умственная глаукома* ‘болезненное состояние ума, нарушение нормальной работы человеческого мозга, ухудшение мозговой деятельности, помутнение рассудка’

A_2^k – архисема (коннотированная) ‘состояние ума’

d_1^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘болезненное’

d_2^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘нарушение’

d_3^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘нормальной работы’

d_4^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘человеческого мозга’

d_5^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘ухудшение’

d_6^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘мозговой деятельности’

d_7^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘помутнение рассудка’.

Как видно из сопоставительного анализа, речевой смысл слов-компонентов ПН изменяется под влиянием контекста. Не менее

значительные семантические модификации происходят в сочетании слов *темная вода*, так как сигнификат данного словосочетания приобретает новые семы, структурирующие речевой смысл.

Сигнификат значения словосочетания <i>темная вода</i>	Сигнификат смысла словосочетания-компонента ПН <i>темная вода</i>
$S_1 \{ A_1 d_1 d_2 d_3 d_4 \}$	$S_2 \{ A_2^k d_1^k d_2^k d_3^k d_4^k d_5^k d_6^k \}$
S_1 – семема словосочетания <i>темная вода</i> ‘жидкость, мутная, грязная, неосвещенная’	S_2 – семема компонента ПН <i>темная вода</i> ‘состояние ума, потеря способности ясно, здраво мыслить, невнимательность, рассеянность’
A_1 – архисема ‘жидкость’	A_2^k – архисема
d_1 – дифференциальная сема ‘вода’	(коннотированная) ‘состояние ума’
d_2 – дифференциальная сема ‘мутная’	d_1^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘потеря’
d_3 – дифференциальная сема ‘грязная’	d_2^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘способности мыслить’
d_4 – дифференциальная сема ‘неосвещенная’	d_3^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘ясно (мыслить)’
	d_4^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘здроаво (мыслить)’
	d_5^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘невнимательность’
	d_6^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘рассеянность’

Таким образом, данное словосочетание приобретает актуализированные дифференциальные семы, образованные под влиянием контекста. Компонент ПН *темная вода* теряет свое первоначальное значение ‘жидкость, мутная, грязная, неосвещенная’, приобретая новую архисему коннотативной природы A_2^k – ‘состояние ума’ и коннотативные дифференциальные семы: d_1^k – ‘потеря’, d_2^k – ‘способности мыслить’, d_3^k – ‘ясно (мыслить)’, d_4^k – ‘здорово (мыслить)’, d_5^k – ‘невнимательность’, d_6^k – ‘рассеянность’.

Интересным является отрывок из рассказа Т.Н.Толстой «Дым и тень», в котором первичная номинация помогает понять смысл ПН:

Гости расходятся рано: им еще готовиться к завтрашнему празднику, заворачивать подарки в золотую бумажку. Мы садимся в машину: Эрик с Эммой впереди, я сзади. Эмма смотрит двумя глазами вперед, в метель, а третьим – в мое сердце, в мой кусок злого льда, но серебряный кукиш слепит ее, она не видит, что ей уготовано. На озере уже совсем темно, но у Эрика есть фонарик. Мы идем по протоптанной рыбаками дорожке. Тут тоже есть любители подводного лова. Но сегодня они все дома, в тепле, у наряженных елок (Толстая, 2014, с.103).

Компонент цепи ПН *кусочек злого льда*, повторно номинирующий слово (*в мое*) *сердце*, семантически модифицируется, приобретая новый речевой смысл, отражая авторскую оценку.

Сигнификат значения		Сигнификат речевого	
лексемы <i>сердце</i>		смысла первичной номинации	
		<i>сердце</i>	
$S_1 \{ A_2 d_1 d_2 d_3 d_4 \}$		$S_2 \{ A_2^k d_1^p d_2^p d_3^p \}$	
S_1 – семема словосочетания		S_2 – семема компонента ПН	
<i>сердце</i>	‘центральный орган кровообращения в виде	<i>сердце</i>	‘внутренний мир человека, средоточие человеческих чувств,

мускульного мешка’

A_1 – архисема ‘орган тела’

d_1 – дифференциальная сема
‘(орган)кровообращения’

d_2 – дифференциальная сема
‘центральный (орган
кровообращения)’

d_3 – дифференциальная сема
‘(орган) в виде мешка’

d_4 – дифференциальная сема
‘мускульного (мешка)’

Сигнификат значения

словосочетания *кусок льда*

$S_1 \{A_2 d_1 d_2 d_3 d_4\}$

S_1 – семема словосочетания
кусок льда ‘предмет, часть,
отделенная от льда, образованного
из воды, замерзшей от низкой
температуры, перешедшей в
твердое состояние’

A_1 – архисема ‘часть
предмета’

средоточие настроений,
переживаний человека’

A_2^k – архисема
(коннотированная) ‘внутренний
мир человека’

d_1^p – дифференциальная
сема (потенциальная) ‘средоточие
чувств’

d_2^p – дифференциальная
сема (потенциальная) ‘средоточие
настроений’

d_3^p – дифференциальная
сема (потенциальная) ‘средоточие
переживаний’

Сигнификат значения

лексемы *злой*

$S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3\}$

S_1 – семема компонента ПН
злой ‘характеристика человека,
исполненный чувства вражды,
недоброжелательности’

A_1 – архисема
‘характеристика человека’

d₁ – дифференциальная сема 'часть, отделенная от льда'	d₁ – дифференциальная сема 'исполненный чувства'
d₂ – дифференциальная сема 'образованного из воды'	d₂ – дифференциальная сема 'вражды'
d₃ – дифференциальная сема 'замерзшей от низкой температуры'	d₃ – дифференциальная сема 'недоброжелательности'
d₄ – дифференциальная сема 'перешедшей в твердое состояние'	

Речевой смысл словосочетания-компонента ПН *кусок злого льда* складывается из значений всех лексем, входящих в его состав:

Сигнификат речевого смысла словосочетания – компонента

кусок злого льда

$$S_2 \{ A_2^k d_1^k d_2^p d_3^p d_4^k d_5^k \}$$

S₂ – семема компонента ПН *кусок злого льда* 'сердце, средоточие враждебных, холодных чувств, лишенное способности испытывать добрые чувства, сопереживать'

A₂^k – архисема (коннотированная) 'сердце'

d₁^k – дифференциальная сема (коннотированная) 'средоточие чувств'

d₂^p – дифференциальная сема (потенциальная) 'враждебных чувств'

d₃^p – дифференциальная сема (потенциальная) 'холодных чувств'

d₄^k – дифференциальная сема (коннотированная) 'лишенное способности испытывать добрые чувства'

d₅^k – дифференциальная сема (коннотированная) 'лишенное

способности сопереживать’

В контексте словосочетание *кусок злого льда* подвергается семантическим изменениям. Во-первых, семантическая структура словосочетания *кусок льда* в контексте обладает смыслом, который не совпадает со словарным значением – ‘предмет, часть, отделенная от льда, образованного из воды, замерзшей от низкой температуры, перешедшей в твердое состояние’ [БАС, VI, с. 119], так как в контексте под *куском льда* подразумевается сердце. Лексема *злой*, входящая в состав компонента ПН, также повлияла на семантическую модификацию словосочетания, которое в контексте передает следующий речевой смысл: ‘сердце, средоточие враждебных, холодных чувств, лишенное способности испытывать добрые чувства, сопереживать’.

В отрывке из рассказа «Адамово ребро» Т.Н. Толстая представляет вниманию читателя трех героинь, для введения каждой из них в повествование писательница использует ПН. Семантические изменения затронули компоненты каждой цепочки ПН:

В троллейбусе три старухи. Одна – лет шестидесяти пяти – с рукой на перевязи, сделанной из розового платка. Громкая, бодрая, напористая. Розовый берет, волосы уложены на бигудях. Вторая – далеко за семьдесят, тоже еще не без бодрости, но проникновенная, духовная. На голове – вязаная шапочка, а поверх – шапочка для души, то ли от дождя, то ли от Вредного Космического Излучения. Третья совсем древняя, шамкающая, медленная, так что две первые не пускают ее в разговор, перебивают. Они только что познакомились (Толстая, 2014, с. 206).

В данном случае главная роль ПН состоит в уточнении денотатов, а именно трех старух. Для описания первой из них писательница использует цепочку ПН, состоящую из следующих компонентов – сигнификатов: *громкий* – ‘сильно звучащий, хорошо слышный; звучный’ [БАС, III, с. 418]; *бодрый* – ‘полный сил, здоровый, энергичный’ [БАС, I, с. 534]; *напористый*

– настойчивый, решительно добивающийся своей цели [БАС, VII, с. 401].
 Данная цепочка ПН является экспрессивной, обладает характерологическими свойствами, отражая авторскую оценку. Слова-компоненты ПН *бодрая*, *напористая* сохраняют свое лексическое значение, но в лексеме *громкая* происходят семантические изменения.

**Сигнификат значения
 лексемы *громкий***

**Сигнификат речевого
 смысла слова-компонента ПН
*громкий***

$S_1 \{ A_1 d_1 d_2 d_3 d_4 \}$

$S_2 \{ A_2^k d_1^p d_2^p d_3^p \}$

S_1 – семема лексемы *громкая*

S_2 – семема слова -

‘признак предмета сильно звучащий, хорошо слышный; звучный’

компонента ПН *громкий* ‘характеристика человека, громко разговаривающий, тот, кого слышно отовсюду, имеющий звучный голос’

A_1 – архисема ‘свойство предмета’

A_2^k – архисема (коннотированная) ‘характеристика человека’

d_1 – дифференциальная сема ‘звучащий’

d_1^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘громко разговаривающий’

d_2 – дифференциальная сема ‘сильно’

d_3 – дифференциальная сема ‘хорошо слышный’

d_2^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘тот, кого слышно отовсюду’

d_4 – дифференциальная сема

d_3^p – дифференциальная сема

‘звучный’

(потенциальная) ‘имеющий звучный
голос’

Сигнификат значения
лексемы *бодрый*

Сигнификат речевого
смысла слова-компонента ПН
бодрый

$S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3\}$

$S_2 \{A_2'' d_1'' d_2'' d_3''\}$

S_1 – семема лексемы *бодрый*

S_2 – семема слова -

‘характеристика человека, полный
сил, здоровый, энергичный’

компонента ПН *бодрый*
‘характеристика человека, полный
сил, здоровый, энергичный’

A_1 – архисема

A_2'' – архисема (исходная)

‘характеристика человека’

‘характеристика человека’

d_1 – дифференциальная сема

d_1'' – дифференциальная сема

‘полный сил’

(исходная) ‘полный сил’

d_2 – дифференциальная сема

d_2'' – дифференциальная сема

‘здоровый’

(исходная) ‘здоровый’

d_3 – дифференциальная сема

d_3'' – дифференциальная сема

‘энергичный’

(исходная) ‘энергичный’

Сигнификат значения
лексемы *напористый*

Сигнификат речевого
смысла слова - компонента
напористый

$S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3\}$

$S_2 \{A_2'' d_1'' d_2'' d_3''\}$

S_1 – семема лексемы

S_2 – семема слова -

напористый ‘характеристика

компонента ПН *напористый*

человека, настойчивый, решительно добивающийся своей цели'	'характеристика человека, настойчивый, решительно добивающийся своей цели'
--	--

A₁ – архисема 'характеристика человека'	A₂ⁿ – архисема (исходная) 'характеристика человека'
d₁ – дифференциальная сема 'настойчивый'	d₁ⁿ – дифференциальная сема (исходная) 'настойчивый'
d₂ – дифференциальная сема (исходная) 'добивающийся своей цели'	d₂ⁿ – дифференциальная сема (исходная) 'добивающийся своей цели'
d₃ – дифференциальная сема (исходная) 'решительно добивающийся своей цели'	d₃ⁿ – дифференциальная сема (исходная) 'решительно добивающийся своей цели'

Проанализировав семантическую структуру лексем и слов-компонентов, участвующих в повторном наименовании, можно прийти к следующему выводу: исходная архисема лексемы *громкий* **A₁** – 'свойство предмета' вытесняется архисемой коннотативной природы **A₂^k** – 'характеристика человека'. Дифференциальные смыслы значения лексемы *громкий* **d₁** – 'сильно звучащий'; **d₂** – 'хорошо слышный'; **d₃** – 'звучный' перестают быть частью ядра семемы речевого смысла и становятся его потенциальными семами. В ядре речевого смысла их место занимают актуализированные потенциальные семы: **d₁^p** – 'громко разговаривающий', **d₂^p** – 'тот, кого слышно отовсюду', **d₃^p** – 'имеющий звучный голос'. Слова *бодрый*, *напористый* сохраняют свои архисемы и дифференциальные семы. Архисема слова *бодрый* **A₂ⁿ** – 'характеристика человека' сохраняется, также неизменными остаются дифференциальные семы данного слова **d₁ⁿ** – 'полный сил', **d₂ⁿ** – 'здоровый', **d₃ⁿ** – 'энергичный'. Не изменилась смысловая

структура слова-компонента *напористый*: A_2^n – ‘характеристика человека’, дифференциальный семы: d_1^n – ‘настойчивый’, d_2^n – ‘добивающийся своей цели’, d_3^n – ‘решительно (добивающийся своей цели)’.

Следующая цепочка ПН *вторая – далеко за семьдесят, тоже еще не без бодрости, но проникновенная, духовная* помогает читателю представить образ второй старухи. В данном случае в ходе ПН образуется смысловая структура, в образовании которой участвуют денотат – образ *старухи* – и сигнификаты слов *старуха* – ‘женщина, достигшая старости’ [БАС, XIV, с. 766], *проникновенная* – ‘глубоко постигающий, понимающий; способный проникать в сущность чего-либо’ [БАС, XI, с. 1238], *духовная* ‘относящийся к внутренней, психической жизни человека, связанный с нею; интеллектуальный’ [БАС, III, с. 1179].

Если первичное наименование денотата, слово *старуха*, выполняет, прежде всего, номинативную функцию, то повторное наименование *старухи*, слова *проникновенная, духовная*, выполняют функцию идентификации, уточняя денотат, объективируя его дополнительные характеристики.

**Сигнификат значения
лексемы *проникновенный***

$S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3\}$

S_1 – семема лексемы *проникновенный* ‘характеристика человека, глубоко постигающий, понимающий; способный проникать в сущность чего-либо’

A_1 – архисема

**Сигнификат речевого
смысла слова-компонента ПН
*проникновенный***

$S_2 \{A_1^n d_1^n d_2^n d_3^n\}$

S_2 – семема слова - компонента ПН *проникновенный* ‘характеристика человека, глубоко постигающий, понимающий; способный проникать в сущность чего-либо’

A_2^n – архисема (исходная)

‘характеристика человека’

d_1 – дифференциальная сема

‘глубоко постигающий’

d_2 – дифференциальная сема

‘понимающий’

d_3 – дифференциальная сема

‘способный проникать в сущность чего-либо’

‘характеристика человека’

d_1^n – дифференциальная сема

(исходная) ‘глубоко постигающий’

d_2^n – дифференциальная сема

(исходная) ‘понимающий’

d_3^n – дифференциальная сема

(исходная) ‘способный проникать в сущность чего-либо’

Сигнификат значения

лексемы *духовный*

$S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3\}$

S_1 – семема лексемы *духовный* ‘свойство человека/ предмета, относящийся к внутренней, психической жизни человека, связанный с ней; интеллектуальный’

A_1 – архисема

‘характеристика человека/ свойство предмета’

d_1 – дифференциальная сема

‘относящийся к внутренней жизни человека’

d_2 – дифференциальная сема

‘относящийся к психической жизни человека’

d_3 – дифференциальная сема

Сигнификат речевого

смысла слова - компонента

духовный

$S_2 \{A_1^n d_1^p d_2^p d_3^p\}$

S_2 – семема слова - компонента ПН *духовный* ‘характеристика человека, религиозный, нравственный, умный’

A_2^n – архисема (исходная)

‘характеристика человека’

d_1^p – дифференциальная сема

(потенциальная) ‘религиозный’

d_2^p – дифференциальная сема

(потенциальная) ‘нравственный’

d_3^p – дифференциальная сема

‘интеллектуальный’

(потенциальная) ‘умный’

Если лексема *проникновенный* сохраняет архисему и дифференциальные семы, то у слова *духовный* изменяется и архисема, и дифференциальные семы. *Проникновенный* A_2^H – ‘характеристика человека’, d_1^H – ‘глубоко постигающий’ d_2^H – ‘понимающий’ d_3^H – ‘способный проникать в сущность чего-либо’. В слове *духовный* исходные дифференциальные семы d_1 – ‘относящийся к внутренней жизни человека’ d_2 – ‘относящийся к психической жизни человека’ d_3 – ‘интеллектуальный’ вытесняются актуализированными потенциальными семами d_1^P – ‘религиозный’ d_2^P – ‘нравственный’, d_3^P – ‘умный’.

Для описания третьей героини писательница использует следующую ПН: *третья совсем древняя, шамкающая, медленная*. Данная ПН является экспрессивной, описывая не только внешний вид, но и поведение старухи. В ходе ПН образуется смысловая структура, в образовании которой участвует денотат – образ *старухи* – и сигнификаты слов *старуха* – ‘женщина, достигшая старости’ [БАС, XIV, с. 766]; *древняя* – ‘ведущий свое начало из отдаленного прошлого; возникший, сделанный и т.п. очень давно; старинный’ [БАС, III, с. 1103]; *шамкающая* – ‘говорящий невнятно, неотчетливо из-за отсутствия зубов’ [БАС, XVII, с. 1259]; *медленная* – ‘медлительный, неторопливый; вялый’ [БАС, VI, с. 765]. ПН помогает писательнице раскрыть перед читателем и уточнить черты образа третьей старухи. Смысловые элементы сигнификата семемы последних двух компонентов ПН – *шамкающая, медленная* – не изменяют своего семантического статуса. Однако лексема *древняя*, как показал анализ, претерпевает семантические изменения.

**Сигнификат значения
лексемы *шамкающий***

$S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3 d_4\}$

S_1 – семема лексемы
шамкающий ‘характеристика
человека, говорящий невнятно,
неотчетливо из-за отсутствия
зубов’

A_1 – архисема
‘характеристика человека’

d_1 – дифференциальная сема
‘говорящего’

d_2 – дифференциальная сема
‘невнятно’

d_3 – дифференциальная сема
‘неотчетливо’

d_4 – дифференциальная сема
‘из-за отсутствия зубов’

**Сигнификат значения
лексемы *медленный***

$S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3\}$

S_1 – семема лексемы
медленный ‘характеристика
человека/ животного,
медлительный, неторопливый;
вялый’

**Сигнификат речевого
смысла слова-компонента
*шамкающий***

$S_2 \{A_2'' d_1'' d_2'' d_3'' d_4''\}$

S_2 – семема слова -
компонента ПН *шамкающий*
‘характеристика человека,
говорящего невнятно, неотчетливо
из-за отсутствия зубов’

A_1'' – архисема
‘характеристика человека’

d_1'' – дифференциальная
сема ‘говорящего’

d_2'' – дифференциальная
сема ‘невнятно’

d_3'' – дифференциальная
сема ‘неотчетливо’

d_4'' – дифференциальная
сема ‘из-за отсутствия зубов’

**Сигнификат речевого
смысла слова - компонента ПН
*медленный***

$S_2 \{A_1'' d_1'' d_2'' d_3''\}$

S_2 – семема слова - компонента
ПН *медленный* ‘характеристика
человека, медлительный,
неторопливый; вялый’

A_1'' – архисема (исходная)

A₁ – архисема
‘характеристика человека/
животного’

d₁– дифференциальная сема
‘медлительный’

d₂– дифференциальная сема
‘неторопливый’

d₃– дифференциальная сема
‘вялый’

Сигнификат значения
лексемы *древний*

S₁ { A₁ d₁ d₂ d₃ d₄ }

S₁ – семема лексемы
древний ‘характеристика предмета,
ведущий свое начало из
отдаленного прошлого;
возникший, сделанный и т.п. очень
давно; старинный’

A₁ – архисема
‘характеристика предмета’

d₁ – дифференциальная
сема ‘ведущий свое начало из
отдаленного прошлого’

‘характеристика человека’

d₁– дифференциальная сема
(исходная) ‘медлительный’

d₂^н– дифференциальная сема
(исходная) ‘неторопливый’

d₃^н– дифференциальная сема
(исходная) ‘вялый’

Сигнификат речевого
смысла слова-компонента ПН
древний

S₂ { A₂^р d₁^р d₂^н d₃^р d₄^р }

S₂ – семема слова -
компонента ПН *древний*
‘характеристика человека, живущий
долго, появившийся давно,
рожденный давно, очень старый’

A₂^р – архисема
(потенциальная) ‘характеристика
человека’

d₁^р – дифференциальная сема
(потенциальная) ‘живущий долго’

d₂ – дифференциальная сема ‘возникший очень давно’ **d₂^н** – дифференциальная сема (исходная) ‘появившийся давно’

d₃ – дифференциальная сема ‘сделанный очень давно’ **d₃^р** – дифференциальная сема (потенциальная) ‘рожденный давно’

d₄ – дифференциальная сема ‘старинный’ **d₄^р** – дифференциальная сема (потенциальная) ‘очень старый’

Сопоставительный анализ сигнификатов показал, что «вербализированное понятие» речевого смысла слова-компонента ПН *древний* оказывается состоящим из актуализированных потенциальных сем лексемы, которые в семеме компонента ПН становятся дифференциальными семами: архисема слова *древний* **A₁** – ‘характеристика предмета’ вытесняется архисемой **A₂^р** – ‘характеристика человека’; дифференциальные смыслы значения данной лексемы **d₁** – ‘ведущий свое начало из отдаленного прошлого’, **d₂** – ‘возникший очень давно’, **d₃** – ‘сделанный очень давно’, **d₄** – ‘старинный’ перестают быть частью ядра семемы речевого смысла. Таким образом, ядро семемы слова-компонента ПН состоит из новой архисемы **A₂^р** – ‘характеристика человека’ и новых дифференциальных сем, образованных из потенциальных сем лексемы *древний*: **d₁^р** – ‘живущий долго’, **d₃^р** – ‘рожденный давно’, **d₄^р** – ‘очень старый’, в состав сигнификата входит и исходная сема **d₂^н** – ‘появившийся давно’.

Таким образом, сопоставление словарного значения слова и речевого смысла слова - компонента ПН показывает семантические модификации, возникающие в его семантической структуре под влиянием микроконтекста. Анализ позволяет отразить актуализированную смысловую структуру слова, а также зрительно показать «наращивание» новых смыслов у слова.

Выводы по второй главе

Уникальная способность языкового знака, участвуя в речевом акте, «наращивать» новые смыслы проявляется и в процессе ПН. Смысловое «наращивание» при повторном наименовании является не простым суммированием значений всех компонентов ПН, а образованием новой смысловой структуры. Элементы ПН, вступая в смысловые отношения, образуют смысловую структуру, отражающую отношения между денотатом и именами номинативной цепи. Следовательно, смысловой структурой в работе называется структура, включающая в свой состав актуальный денотат (референт) и сигнификаты языковых единиц, являющихся первичным и последующими (повторными) наименованиями. Новизна этой структуры заключается в том, что в речи формируется ранее не существовавшее соотношение одного денотата со структурирующимся в контексте сигнификативным образованием, состоящим из взаимодействующих сигнификатов слов-компонентов ПН.

Наиболее простая смысловая структура ПН включает в свой состав денотативный компонент, сигнификаты первичной номинации и сигнификаты повторного наименования. Данной структурой обладает смысловая организация субстантивной ПН, в состав которой входят слова с прямым значением. В тех случаях, когда в субстантивных ПН используются слова с переносным значением, смысловая структура ПН усложняется вследствие двуденотативности этих единиц. Из-за противоречия смысловых элементов денотатов происходит семантическое переосмысление лексем, принимающих участие в ПН.

Смысловая структура ПН, состоящая из несубстантивных компонентов усложняется наличием не только актуального денотата, но и сигнификатов слов-компонентов ПН признака, свойства, действия объекта, а также актуального денотата и сигнификата слова, номинирующего данный объект.

В состав смысловой структуры ПН могут входить и денотативные ситуации. Последние, как правило, являются частью смысловой структуры ПН, в номинативную цепь которой входят предложения, словосочетания и фразеологические единицы.

Как показал анализ, в цепи ПН, состоящей из нескольких компонентов, один из них всегда играет доминирующую функцию, подстраивая под себя смысловую структуру смежных компонентов цепи.

Речевой смысл ПН складывается из семем компонентов ПН и самого денотата ПН. В процессе смыслообразования ПН в разной степени затрагивается ядро и периферия семемы компонентов цепи. В одних случаях ядро семемы сохраняется, но зачастую состав семантической структуры каждого из слов-компонентов значительно преобразуется. Согласно результатам исследования возможны следующие варианты семантических преобразований компонентов номинативной цепи: сохранение архисемы одного или нескольких компонентов ПН, сохранение архисемы и дифференциальных сем компонентов ПН, изменение состава дифференциальных сем при сохранении архисемы слова, изменение архисемы одного или нескольких компонентов ПН, замена архисемы 'человек' архисемой 'предмет', замена архисемы 'предмет' архисемой 'человек', установление отношений между компонентами цепи (синонимические или антонимические отношения), актуализация потенциальных сем.

ГЛАВА III. СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Т.Н. ТОЛСТОЙ

3.1. СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Т. Н. ТОЛСТОЙ

Язык произведений Т. Толстой является объектом лингвистических исследований уже длительное время. В рамках научного интереса был фольклоризм прозы писательницы [Ду Жуй, 2009], изучались особенности художественной речи в новеллистке Т.Н. Толстой [Сергеева, 2006], особенности постмодернистского осознания социальной действительности на примере публицистического письма Т. Н. Толстой [Рыбакова, 2013], антиутопическая мифологическая картина мира в романе «Кысь» [Крыжановская, 2005], «диалогизм» рассказа «Кысь» [Пономарева, 2008], а также интертекстуальность рассказов на материале сборника «Ночь» [Люй Цзиюн, 2005]. Данилова Ю.Ю. и Фадеева А.Н. в статье «Словообразовательные модели и коммуникативно-прагматический потенциал окказианализмов в романе Т.Н.Толстой «Кысь» исследовали окказиональные номинации в дискурсе романа писательницы, а также рассмотрели модели образования окказионализмов. Авторы предприняли попытку проанализировать и описать коммуникативно - прагматический потенциал окказиональных образований в процессе "диалога" автора и читателя, опосредованного текстом, которые рассматриваются как демонстрация масштабов духовной, ментальной, этнокультурной мутации общества [Данилова, Фадеева, 2015].

В статье И.М. Поповой и Е.В. Любезной «Особенности выражения способов аргументации в художественном творчестве Татьяны Толстой» исследовались особенности аргументации в художественном тексте

писательницы, включавшей в свои произведения символическую аргументацию, а именно описание, экспрессив, оценку и оректив [Попова, Любезная, 2013].

Работа Аверьяновой Е.А. «Сказочно - мифологическая модель мира в рассказе «Факир» Татьяны Толстой» посвящена приемам сюжетосложения, поэтическим средствам выразительности (знаки, символы, имена), что позволяет говорить об особой художественной роли сказочно-мифологической мотивики в художественном мире рассказа писательницы, а также помогает приблизиться к пониманию идейно-эстетических, философских, концептуальных и поэтических аспектов ее творчества [Аверьянова, 2011].

Однако за рамками лингвистического внимания оставалась такая особенность идиостиля писательницы, как умелое использование ПН для описания художественного пространства, а также героев своих произведений.

Анализ произведений Т.Н. Толстой позволяет сделать вывод о значительной роли ПН в ее рассказах. ПН в художественных текстах писательницы частое и весьма разнообразное явление, которое является важным средством художественной выразительности. Произведения Т.Н. Толстой поражают читателя своим ярким и оригинальным стилем изложения. Работая в узких рамках жанра рассказа, ей приходится использовать различные средства для передачи художественной идеи. Суть ПН заключается в возможности повторно называть людей и предметы на основе их внешнего вида, личных качеств, возрастных характеристик, профессиональной и религиозной принадлежности. ПН открывает перед писателем богатые возможности для выражения своей авторской позиции. Анализ произведений Т.Н. Толстой показал, что для ее творчества характерно использование контактно расположенных ПН, усиливающих их эмоциональную и оценочную нагрузку. Как правило, ПН состоит из одного и более элементов, которые,

несомненно, оказывают значительное влияние друг на друга. Стоит отметить, что семантическая структура слов - компонентов ПН может оставаться неизменной, но в основном изменения затрагивают ядерную или периферийную часть структуры слов - компонентов цепи. В результате чего у слов появляются новые, нехарактерные для них, дифференциальные семы. Наша работа посвящена анализу смысловых отношений между компонентами ПН, основанного на семиологическом подходе, который позволяет визуально продемонстрировать разницу между исходным (словарным) значением лексемы и новым приобретенным смыслом данной лексемы в качестве компонента ПН.

Для идиостиля Т.Н. Толстой характерно использование цепей ПН разной длины: в произведениях писательницы встречаются варианты ПН как с одним компонентом, так и свыше десяти компонентов. Например, в рассказе «Золотой век» содержится ПН, представленная одним компонентом:

*Пока призрак Ричарда бродил по сугробам Ордынки, готовый отбиться домброй от медведя, а наши Валеры и Геннадии в порядке обмена блуждали в лабиринтах Гринвич-Виллиджа, немножко удивляясь, почему же полиция не арестовывает все местное население, произошло спонтанное словарное взаимообогащение, чего и следовало ожидать. Вскоре русские словесные прыщи начали выскакивать в самых неожиданных английских местах, а английские чирьи - в русских. "Нью-Йорк Таймс", светоч прогресса, сообщает читателям, что "кулич" - это вид кекса с добавкой смеси мягких сыров. Слово *babushka* обозначает головной платок. От Нью-Йорка не отстал и Лондон щепетильный. *Blini* (с ударением на первом слоге) - так, во всяком случае, в некоторых издательских кругах, называют бутерброды размером с петровский пятак. Корочка со всех сторон обрезана, сверху - огурец. Меня на них позвали, я и ляпни, что это не *blini*; они же еще и обиделись. Ну молчу, молчу! *Blini* так *blini*. Вам же хуже. (Толстая, 2007, с. 2014).*

Повторно номинируя всемирно известную газету «Нью-Йорк Таймс», Т.Н. Толстая называет ее *светоч прогресса*, ссылаясь на авторитетность и содержательность данного периодического издания, но и не без доли иронии.

В рассказе «Чужие сны» цепочка ПН состоит из трех компонентов:

*Кто не бежал, прижав уши, по такой страшной бронхитной погоде, кто не промокал до позвоночника, кто не путался парадных и подворотен, тот не оценит **животное, кухонное, батарейное тепло** человеческого жилища. Кто не слышал, как смерть дует в спину, не обрадуется радостям очага. Так что, если драгоценное чувство живой жизни притупилось, надо ехать в Питер в октябре. Если повезет, а везет почти всегда, - уедешь оттуда полуживой.* (Толстая, 2007, с.9-10).

Данная ПН состоит из трех компонентов, в которых писательница отразила основополагающие ценности человеческого жилища, а именно тепло человеческого очага, где особенно приятно находиться в морозную погоду. Называя его *животным*, Т.Н. Толстая отсылает нас к истокам человеческой природы, а используя слова *кухонный* и *батарейный*, писательница намекает на самую теплую и уютную комнату в квартире – кухню, а также на главный источник тепла современного человека – батарею.

Но уже в рассказе «Пустой день» представлена ПН, состоящая из шести компонентов:

*Хорошо в этот день быть за городом, на даче, в деревне. Хорошо надеть старую одежду с рваными рукавами, лысую шубу, которую стыдно людям показать, валенки. Хорошо выйти и тупо постоять, бессмысленно глядя на небо, а если повезет — на звезды. Хорошо чувствовать себя — собой: ничьим, непонятым самому себе, уютным и домашним, шестилетним, вечным. Хорошо чувствовать себя — собой: **ничьим, непонятым самому себе, уютным и домашним, шестилетним, вечным.***

Хорошо любить и не ждать подвоха. Хорошо прислониться: к столбу крыльца или к человеку (Толстая, 2007, с.21).

Используя данную ПН, Т.Н. Толстая передает читателю чувства человека, которые так приятно испытывать первого января, в переходный день между вчера и сегодня. Именно в тот день, когда можно вести себя так, как можно только дома, словно тебе всего шесть лет и перед тобой целая вечность.

Стоит отметить, что для творчества писательницы характерно использование длинных цепей ПН. К примеру, в следующем отрывке из рассказа «Лимпопо» четырнадцать компонентов:

И вообще, говорил Перхушков, давясь тоскою, как страшно и трудно жить на свете, друзья! Какие драмы, коллизии, ураганы, бури, смерчи, циклоны, антициклоны, тайфуны, цунами, мистральи, баргузины, хамсины и бореи, не говоря уж о лон-жень-фынах, случаются на каждом шагу в духовной нашей жизни! О! Вот буквально только что этим летом, да что там, в августе, вот в этом самом августе Перхушков пережил драму, описать которую не возьмется ничье перо – еще не ослеп такой Гомер, чтобы поднять эту тему (Толстая, 2004, с. 94).

Речь идет о трудностях, драмах и коллизиях, которые возникают в духовной жизни каждого из нас. Природные явления, обладающие неистовой силой, передают эмоции и чувства героя.

Отличительной чертой стиля Т.Н. Толстой является сложная смысловая структура и переплетение нескольких цепей ПН:

Вот если купить совсем, совсем белые обои – без рисунка, – а сейчас ведь все можно достать, – вот тогда будет очень хорошо. И этот наш ошибочный, виньеточный, совершенно случайный и непредусмотренный узор и позор укроется под белым, ровным, аристократически - безразличным, демократически - нейтральным, ко всему равнодушным, спокойным, приветливым, никого не раздражающим слоем благородной, буддийской простоты. И в городе, у

*себя дома, каждый сделает то же самое. Белое — это **просто и благородно**. Ничего лишнего. Белые стены. Белые обои. А лучше — просто малярная кисть или валик, водоэмульсионная краска или штукатурка, — шарах — и чисто. Все сейчас так делают. — И я так сделаю. — И я. И я тоже. Мне нравится белое! Начать жизнь сначала!* (Толстая, 2007, с.385)

В этом отрывке можно выделить две цепи ПН: первая цепочка ПН *ошибочный, виньеточный, совершенно случайный и непредусмотренный узор и позор* описывает неудачный выбор обоев, белые обои с зелеными веночками. Вторая цепочка передает мнение героини о белых обоях, которые кажутся ей самым лучшим вариантом: *белым, ровным, аристократически - безразличным, демократически - нейтральным, ко всему равнодушным, спокойным, приветливым, никого не раздражающим слоем благородной, буддийской простоты*. Подытоживая свои размышления, писательница также использует ПН, говоря о белом цвете: *белое — это просто и благородно*.

В отрывке из рассказа Т.Н. Толстой «Женский день» цепочка ПН прерывается другой цепочкой ПН:

*У государственной открытки — две простые стороны: на одной **красная лента восьмерки, запрещенная, женская, преступная лента, змея**, кусающая саму себя за хвост; под ней веточка мимозы, — цыганского, несуществующего в природе растения, — оно появляется раз в году, весенними вечерами, оно светит желтыми шариками в питерском сыром мраке, его приносят домой, и оно сейчас же умирает, не выдержав насилия. На другой стороне картонки — белая, разлинованная поверхность, и на ней, под диктовку краснолицых, толстых надсмотрщиков, пристукивающих костяшками пальцев по столу, мы покорно пишем: «Дорогая мама! Желаю тебе счастья в личной жизни... успехов в труде... мирного неба над головой»* (Толстая, 2004, с. 278)

Цепочка ПН *запрещенная, женская, преступная* разрывает первую цепочку ПН *красная лента восьмерки, лента, змея*. Речь идет о прекрасном

женском празднике – Восьмом марта. Этот день описывается, с точки зрения советских государственных норм и строгих стандартов, не приветствующих, по мнению автора, данный праздник.

В художественных текстах Татьяны Толстой можно встретить ПН с повторением компонентов цепи:

*Он хочет повторения этой встречи, он знает, что может следующий раз и не допроситься божественной аудиенции, он отверзает духовные очи, он понимает глубоким внутренним чувством, что именно (жадность, корысть, самомнение, чванство) может закрыть перед ним райские ворота, он старается так повернуть свое внутреннее чувство, чтобы не согрешить перед своими ангельскими проводниками, он знает, что он — в лучшем случае только **соавтор, подмастерье**, но — **возлюбленный подмастерье**, но — **коронованный соавтор**. Художник знает, что дух веет где хочет и как хочет, знает, что сам-то он, художник, в своей земной жизни ничем не заслужил того, чтобы дух выбрал именно его, а если это случилось, то надо радостно возблагодарить за чудо (Толстая, 2007, с.83-84).*

В данном примере повторяются следующие компоненты: *подмастерье, соавтор*. Писательница повторно использует эти номинации, расширяя их определениями *возлюбленный, коронованный*. Данный прием помогает точнее передать мысли героя произведения.

В отобранном нами материале есть примеры, когда первичная номинация противопоставляется компонентам ПН:

*Под конец жизни он попытался вернуться к фигуративному искусству, и эти вещи выглядят так страшно, как это можно было предсказать: **не люди, а набальзамированные трупы, восковые куклы** напряженно смотрят из рамок своих одежд, словно бы вырезанных из ярких клочков, обрезков «крестьянской» серии. Конечно, когда ты достигаешь вершины, то дальше — путь только вниз. Но ужас в том, что на вершине — ничего нет (Толстая, 2007, с. 81-82).*

Компоненты ПН *набальзамированные трупы, восковые куклы* противопоставлены первичной номинации *люди*. Речь идет о художнике Малевиче, о его борьбе с логизмом и натуралистической имитацией, которая привела к тому, что человеческие лица на его картинах больше напоминают набальзамированных трупов и восковых кукол, чем живых людей.

Интересно, что в проанализированном нами материале были выявлены случаи распространения словосочетания-компонента цепи ПН:

*Наш роман протекает сложно, и лучше бы его не было. На часах – декабрь; когда он закончится, я уеду и больше сюда не вернусь. Я уеду в Россию, я буду иногда приезжать в **Нью-Йорк, прекрасный чугунный, клепанный, стрельчатый, ветренный муравейник**, который никогда не стит; я буду навещать друзей в Сан-Франциско, где цветет вечная весна и лиловый негр вам подает мантию, и мне, может быть, тоже подаст, если я вовремя его себе куплю: такое кашемировое, с шалевым воротником и поясом; я возьму напрокат широченный джип, я куплю себе сапоги из фигурной кожи, с загнутыми носами, куплю (Толстая, 2014, с.82).*

ПН использована для передачи особенностей Нью-Йорка, его многолюдности, изобилии высоток и небоскребов, но компоненты ПН *прекрасный чугунный, клепанный, стрельчатый* уже относятся к словосочетанию *ветренный муравейник*.

Анализируя структурные особенности ПН в художественных текстах Т.Н. Толстой, нельзя не сказать о разнообразии позиций и отношений между компонентами номинативной цепи, то есть между первичной номинацией и повторными наименованиями референта, явления, признака. По результатам исследования большую часть компонентов ПН составляют имена существительные и прилагательные (80% от общего числа проанализированных единиц) (см. ПРИЛОЖЕНИЕ1):

*Я постояла, пережидая, разглядывая небо и звезду в пустоте; я понимала, что слова – ничто, что утешения не надо, понимала, что **это** –*

горе, крах, крушение: синий пиджак выходил из моды, проплыв мимо Валерия; розовым утренним облачком, мимолётным видением, журавлями, ангелом в лунной вышине уплывал пиджак, – поманил, растревожил, смутил душу, вошел в сны и прошел, как прошли, отшумев и отблестав, роскошные, пестрые и пряные царства Востока (Толстая, 2004, с.72).

В данном примере цепочка ПН состоит из трех компонентов – существительных – *горе, крах, крушение*. Данная ПН передает чувства героини, ее отношение к очередному жениху, отношения с которым так и не завязались. В художественных текстах субстантивная ПН занимает отношение постпозиции по отношению к референту. Но анализ показал, что возможны случаи использования ПН в препозиции:

На переменах мы должны ходить парами, взявшись за руки, по кругу. Я бы хотела ходить за руку со смуглым мальчиком Даниловым или, на худой конец, с девочкой с чудным именем Роза и с маленькими синими сережками в ушах. Но выбирать не приходится: меня спаривают с Володей, я должна держать его потную ладонь, усыпанную бородавками. Мне семь лет, я страдаю. Что-то, – не знаю что, – оскорблено и бунтует во мне. Я не хочу. Их уже двое, потом трое; они кричат, они воздевают огромные руки, они вращают глазами, огромными как мельничные колеса, секунда — и они растерзают меня в клочья. Женщины, фурии, учительницы.

Данная ПН состоит из двух компонентов *женщины, фурии*, которая занимает отношение препозиции к референту *учительницы*. Героиня рассказывает о своих детских переживаниях, связанных со школой, строгими учителями, которые в ее представлении были злыми существами.

В примере, приведенном ниже, цепочки ПН состоят из компонентов, представленных именами прилагательными:

Как будто он странный, бестактный, бесконтактный, аутистический, гениальный, неутомимый — именно этого от тебя и хотел, а ты – тупое, недогадливое, так называемое разумное, а на самом деле глубоко косное и неповоротливое животное так и собиралось

прожить всю жизнь, не подняв рыла ввысь, так и хрюкало бы у корней древа, не заметив, что крона его населена поющими райскими птицами (Толстая, 2007, с.272).

В данном отрывке из рассказа «Зверотур» две цепочки ПН, находящиеся в постпозиции к первичной номинации. Первая из них *странный, бестактный, бесконтактный, аутистический, гениальный, неутомимый* описывает Бога, наделенного высшими непостижимыми качествами, вторая цепочка ПН *тупое, недогадливое, так называемое разумное, а на самом деле глубоко косное и неповоротливое животное* помогает писательнице в общих чертах описать человеческую сущность.

Адъективные ПН также могут занимать и отношение препозиции:

*Но мало и этого: за 14 лет до катастрофы, в 1898 году, некий Морган Робертсон написал **плохой, копеечный фантастический роман**, в котором корабль под названием «Титан», выйдя из Саутхемптона в Нью-Йорк с 2000 людей на борту, тонет в апрельскую ночь, столкнувшись с айсбергом, и все пассажиры гибнут из-за нехватки посадочных мест в спасательных шлюпках* (Толстая, 2007, с.52).

Т. Н. Толстая в рассказе «Предчувствия и предсказания» вспоминает мистические истории и воспоминания людей, связанные с трагическим кораблем «Титаник», затонувшего в 1912, а также воспоминания людей, чудом избежавших страшной гибели. В данном отрывке речь идет о произведении Моргана Робертсона, в котором описанная история напоминает то, что позже случилось с лайнером, а цепочка ПН *плохой, копеечный, фантастический* говорит о среднем качестве романа, несмотря на его судьбоносность.

В следующем примере три цепочки ПН, занимающие разное положение по отношению к референту:

Я протискиваюсь в узкие двери храмов, стараясь оттеснить ближнего, стараясь, так же, как и каждый, занять место получше, стараясь не очень раздражаться. Ведь если рай и правда существует, —

думаю я, — то войду я в него вместе с такой же, точно такой же толпой овец, толпой людей — старых, неумных, жадноватых. Ибо если рай не для нас, то для кого же, интересно знать? Разве есть другие, особенные, те, что заметно лучше нас, обычных, среднестатистических? (Толстая, 2004, с. 456)

В первой цепочке *толпой овец, толпой людей — старых, неумных, жадноватых* первичная номинация – *толпа людей* находится в центре цепи, то есть первый компонент, *толпа овец* находится в препозиции, а последующие компоненты *старых, неумных, жадноватых* в постпозиции. Вторая цепочка ПН *другие, особенные* находится в препозиции, а третья цепочка ПН – в постпозиции. ПН помогает писательнице четко отделить две группы людей: обычных, которых она приравнивает к стаду овец, и тех, кого она называет особенными.

Менее частотными компонентами ПН в художественных текстах Т.Н. Толстой являются глаголы, деепричастия и наречия (20% от общего числа проанализированных единиц) (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 1).

Государственное – это когда на тебя кричат, унижают, тыкают в тебя пальцем: стой прямо и не переминайся с ноги на ногу! Это когда все теплое домашнее хорошее и уютное вытащено спросонья на мороз, осмеяно, подвергнуто оскорблениям. Государственное – это школа, первая примерка тюрьмы.. В школе учат дурному и противоречивому (Толстая, 2004, с.275).

В отрывке из рассказа Т.Н. Толстой «Женский день» передает авторскую мысль о понятии государственность. Стоит отметить, что глагольная номинация находится в постпозиции к первичной номинации.

Крайне редко компонентами ПН в художественной прозе Т.Н. Толстой оказываются деепричастия (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 1):

Вызванная срочной телеграммой в персиковое имение, она увидела, что богатые родители рыдают, бородатый врач тихо торжествует, а мальчик молчит. Тонкую пленочку слов смыло из его памяти за время

Женечкиного отсутствия, огромный рокочущий мир, пугая, шумя, угрожающе вздымаясь на дыбы, обрушился на него всей своей безымянной нечленораздельностью, и только когда Женечка, торопливо распаковав свой парусиновый чемодан, достала купленный в подарок пестрый мяч, мальчик узнал его и закричал, захлебываясь: «Луна, луна!» (Толстая, 2004, с.359).

В цепи ПН содержатся деепричастия *пугая, шумя*, но третий компонент распространен, следовательно, в цепь включается деепричастный оборот *угрожающе вздымаясь на дыбы*.

В процессе анализа текстов было найдены и проанализированы примеры, в которых компонентами ПН являются наречия (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 1), например:

*Для большей экономии предлагается огромное количество запасов изготовлять дома: рыть рвы для сбережения репы, сушить щук, сеять крапиву, чтобы приготовить из нее нитки для чулок, и многое, бесконечно многое другое, не говоря уже об общеизвестных вареньях и соленьях. Надо делать крупу из роз, кофе из свеклы, уксус из апрельского березового сока, крахмал из каштанов, горчицу из груш, пиво из сосновых побегов, варенье из огурцов и сироп из фиалок. **Немыслимо, непредставимо** вести подобное хозяйство в одиночку или с помощью одной кухарки; да об этом нет и речи. Всю работу выполняют служители, прислуга, сколько их – неизвестно, этого расчета Молоховец не дает. Во всяком случае, продукты, предназначенные для служителей, выдаются из расчета на четыре человека. Слуги не голодают, однако при чтении меню для них в душе начинают шевелиться злые классовые чувства (Толстая, 2007, с. 403).*

Писательница рассказывает о кулинарном сборнике Елены Молоховец, написанном в 1861. Удивляясь ее кулинарным талантам, Т. Н. Толстая использует ПН, состоящую из наречий *немыслимо, непредставимо*. Слово *непредставимо* ‘такой, который трудно себе представить; невероятный, невозможный’ [БАС, VII, с. 983] уточняет смысл лексемы

немыслимо, акцентируя авторскую мысль. Адвербиальная ПН, в отличие от глагольной, занимает положение препозиции.

Анализируя структурные особенности цепочек ПН в художественных текстах Т.Н. Толстой, мы обратили внимание на словообразовательные особенности номинативных компонентов. По нашим данным, по сравнению с другими словообразовательными средствами, наиболее продуктивными в текстах Т.Н. Толстой являются суффиксы, что в процентном соотношении составляют 90% от всех словообразовательных средств используемых писательницей. Суффиксы придают слову нужную эмоциональную окраску, отражая отношение говорящего к тому или иному предмету разговора: негативное или положительное, восторженное или насмешливое, ласкательное или ироничное. В текстах рассказов писательницы компоненты ПН путем аффиксации приобретают яркое оценочное значение, например:

*Так это все у них происходит или не так – теперь трудно сказать, тем более что Ленечка – вдохновенный сам по себе да еще и поощряемый Джудиной улыбкой до ушей – написал на эту тему кучу стихов (где-то они у меня и сейчас валяются); правда и вымысел так перепутались, что теперь, по прошествии стольких лет, и не сообразишь, плясали ли когда-нибудь на холмах, радуясь восходу солнца, черные блестящие люди, протекала ли под холмами голубая река, курясь на рассвете, изгибался ли экватор утренней радугой, повисая, тая в небе, и были ли у Джуди в самом деле шестьдесят четыре двоюродных брата, и верно ли, что ее дедушка с материнской стороны вообразил себя крокодилом и прятался в сухих камышах, чтобы хватать за ноги купающихся детей и уток? А все возможно! Почему нет! Это у них там экзотика, а у нас **никогдашеньки ничегошеньки** не происходит (Толстая, 2004, с.58).*

Героиня рассказа разочарована однообразием бедной на события жизни. Компоненты цепи ПН *никогдашеньки ничегошеньки* говорят нам о

внутренних переживаниях героини, о ее отчаянии и неспособности верить в какие-либо перемены.

В следующем примере один из компонентов ПН с уменьшительно-ласкательным суффиксом указывает на незначительные размеры барака и его предназначение.

Праздновали новый, 1941 год, и моему отцу, молодому тогда человеку, вдруг ни с того ни с сего пришло в голову, что в этом году он умрёт. Мысль была внезапной, очень отчётливой и неприятно навязчивой...

А 31 декабря он встретил на военном аэродроме, ожидая рейса. Теперь он знал: самолёт собьют, или же он сам упадёт. И, напряжённо расхаживая взад-вперёд по деревянному бараку – зальчику для командированных, – понимая, что это его последние часы на этом свете, горько усмехаясь над судьбой, издевательски назначившей для казни новогоднюю ночь, он стал думать о людях, которые полетят с ним тем же рейсом (Толстая, 2002, с.395).

В своих произведениях Т.Н. Толстая нередко прибегает к аффиксации и для выражение различных оценочных значений в цепи ПН, компонентами которых являются прилагательные. Разнообразные суффиксы субъективной оценки отражают определенную эмоциональную окраску:

Народ обрадовался, шапки поскидал, в пояс кланяется: "Доброго здоровьичка, долгих лет тебе жизни, Варсонофий Силыч, кормилец ты наш ненаглядный, супруге твоей то ж, деткам то ж! Что б мы без тебя пили-ели, родной ты наш, золотиனுшка ты наша слатенькая!" (Толстая, 2001, с.71).

Уменьшительно-ласкательные суффиксы подчеркивают и без того радостную и доброжелательную речь героя произведения. В литературном языке данные окказионализмы встречаются редко или не встречаются вообще. Но писательнице удастся, погрузив эти единицы в ПН, сделать их понятными и уместными.

Нередки случаи, когда в произведениях Т.Н. Толстой в состав цепочки ПН входят не только отдельные лексемы, но и словосочетания (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 1), например:

Можно ли назвать всю эту историю поучительной? Характерной? Опять-таки не знаю. Почти уверена, что в России – если говорить о премиях – Макину не достался бы ни тяжеловесный логовазовский «Триумф», ни надменный «Букер», ни суетливый «Антибукер», ни державные медальки госпремий, сомнамбулически прищипливаемые к грудям награждаемых не читающим книжки Ельциным, – ничего бы ему не досталось. Никто бы его не перевел, пусть и кое-как, не вернул бы в лоно материнского языка. А значит, не прочли бы мы его (почти наверняка), не узнали бы мы о его существовании и, наверное, стали бы бедней ровно на один странный, чужестранный, отстраненный роман о русской, в конечном счете, жизни. Хорошо бы это было? Нет, нехорошо, несправедливо. В годы разброда и шатаний мы, я думаю, не настолько богаты, чтобы бросаться и таким диковинным свидетельством нашего существования, как этот словесный метис, культурный гибрид, лингвистическая химера, литературный василиск, который, если верить старинным книгам, являл собой помесь петуха и змеи, – нечто летучее и ползучее одновременно. (Толстая, 2007, с.334).

Т.Н. Толстая использует ПН, включающую в свой состав словосочетания с согласованием: *словесный метис, культурный гибрид, лингвистическая химера, литературный василиск*. Данная цепочка ПН помогает писательнице выразить свое отношение к второсортному роману, написанному русским автором на французском языке. Именно такие словосочетания как *словесный метис, культурный гибрид, лингвистическая химера* подчеркивают его культурную полярность.

Интересна структура ПН в следующем отрывке из рассказа «Русский человек на randevу», а именно сочетание компонентов ПН с соединительным союзом:

Не верю!— кричит вслед за Станиславским читатель, но верить его никто и не просит: Шарлотты не существует в том простом смысле, в каком существовала бы обычная старящаяся женщина, пусть и француженка. Шарлотта — как и все в этом романе — есть **сон и миф, символ и инструмент для самогипноза**, подобно блестящему шарикун, которым пользуются врачи-гипнотисты для погружения пациента в лечебную дремоту. Шарлотта, вначале представшая перед нами — и героем — воплощением Франции, постепенно, к концу романа, почти незаметно — и в то же время неуклонно — превращается в воплощение России (Толстая, 2007, с.317-318).

ПН представлена двумя компонентами — словосочетаниями с сочинительной связью. Писательница рассуждает о призрачности героини романа, ведь она настолько же нереальна и не осязательна, как сон, миф или гипноз.

Однако данные примеры не являются характерными, так как писательница отдает предпочтение словосочетаниям с согласованием (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 1):

*На спине моей — черный бант в косе; — наверно, черный, должен быть черный, как государственная ночь, но я дергаюсь и проверяю испуганно: точно ли? Не цветет ли там, сзади, между лопаток, беззаконие и незащитность? Не принесла ли я с собой в эту **коричневую, глухую тюрьму милую домашнюю метку, милый, домашний цветок** на поругание и осмеяние? — но и этих слов у меня еще нет, как нет никаких слов, чтобы крикнуть — кому? — об унижении и поругании — каком? чего? — откуда я знаю!* (Толстая, 2004, с.279)

В данном отрывке две цепочки ПН, состоящих из словосочетаний с согласованием *коричневая, глухая тюрьма* и *милая домашняя метка, милый, домашний цветок*. Автор вспоминает о советских временах, когда в школах были строгие правила поведения, дети ходили в строгой форме, боясь сделать что-то противоречащее нормам поведения. Именно поэтому школу

она называет *глухой тюрьмой*, а под *милым домашним цветком* подразумевает что-то светлое, домашнее, доброе, то, что под запретом в такой школе.

ПН в произведениях писательницы может состоять не только из отдельных слов и словосочетаний, но и предложений (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 1):

Понятно – он тоже из Зоны. Из нижнего Манхэттена. Из Моря Мрака. Что там – никто достоверно не знает. Известно, впрочем, что шесть миллионов американцев в пятнадцати штатах сидят без света и тепла: площадь, на которой крутилась адская воронка Сэнди, занимала треть территории США. Что в Нью-Йорке, в Квинсе, в бедном квартале сгорело больше ста домов: банальное короткое замыкание, помноженное на бешеный ветер. Что в соответствующую службу поступило более 1300 звонков о том, что пахнет газом из поврежденных труб (а сколько не поступило? (Толстая, 2014, с.137)

Т.Н. Толстая называет Манхэттен *Зоной*, *Морем Мрака*, так как мало кому известно, что в этом крупном экономическом центре процветает нищета, безысходность и боль людей, чьи судьбы безразличны богатым и успешным.

Говоря о структурных особенностях цепей ПН в творчестве Т.Н. Толстой, важно подчеркнуть, что писательница не ограничивается прямономинативными свободносинтаксическими компонентами. В состав ПН могут входить метафоры и фразеологические обороты. Например, в следующем отрывке из рассказа «Филин» в качестве компонентов цепи Т.Н. Толстая использует метафорические единицы:

*Галя встала, вышла прочь, вниз и на улицу. Прощай, розовый дворец, прощай, мечта! Лети на все четыре стороны, Филин! Мы стояли с протянутой рукой – перед кем? Чем ты нас одарил? Твое дерево с золотыми плодами засохло, и речи твои – лишь **фейерверк в ночи**,*

минутный бег цветного ветра, истерика огненных роз во тьме над нашими волосами (Толстая, 2004, с.55).

Писательница хочет донести до читателя разочарование героини, крах ее надежд и ожиданий. Для этого она использует цепочку ПН, состоящую из метафор, которая передает картину яркого действия, пробегающего перед нашими глазами и исчезающего в ту же секунду.

В рассказе «Лимпопо» Т.Н. Толстая, желая подчеркнуть нахлынувшие на героя чувства, возникшие при появлении в его жизни Джуди, в качестве компонентов ПН также использует цепочку из метафор:

Ну, во-первых, он был поэтом, и пылинки дальних стран много тянули на его поэтических весах, во-вторых, он, как опять-таки человек творческий, непрестанно протестовал – неважно, против чего, предмет протеста выявлялся в процессе возмущения, – а Джуди возникла как воплощенный протест, как вызов всему на свете: обрывок мрака, уголь среди метели, мандариновые шали в крепком московском январе под Сретенье! – цитирую Ленечку (Толстая, 2004: 59)

Используя цепочку, компонентами которой являются метафоры, писательнице удастся передать чувства героя. Джуди показалась ему необычной, особенной. ПН, состоящая из компонентов – метафор, помогает писательнице передать некую нестандартность ее натуры.

Для выражения авторской позиции Т.Н. Толстая умело вводит в состав ПН и фразеологические единицы (далее – ФЕ), например:

*... но золото просыпано на нас просто так, от небесных щедрот, шутки ради. Оно ни вредно, ни полезно, практической пользы от него — кот наплакал. «Используется для тонирования фотографий» — а не тонируй, и дело с концом. «Входит в ряд медицинских препаратов» — входит, но не лечит. Но зато оно есть всеобщий эквивалент, тот **общий аршин, которым меряют все, самый удобный, красивый, желанный, портативный, нержавеющий аршин на свете*** (Толстая, 2007, с.46).

В данной цепи компонентом ПН является ФЕ – *мерить (мерять) на один аршин (кого)*, словарное значение которого следующее ‘судить о чем-либо односторонне, истолковывать или оценивать что-либо в соответствии со своими представлениями’ [РФИЭС, 2005, с. 33]. ФЕ представлена в тексте в ином виде: последовательность и состав компонентов ФЕ изменены, более того, один из компонентов ПН *аршин* распространяется и повторяется. *Общим аршином* писательница называет золото, которое в современной жизни человека стало некой общей мерой всех ценностей.

Интересными являются в произведениях Т.Н. Толстой сочетания ФЕ с развернутыми метафорами, выступающими в качестве компонентов ПН, например:

Но ей будто мало было ее добровольной повинности – изо дня в день вбивать в головы неблагодарных, насмешливых ленивцев русскую грамоту, расчищать джунгли дремучего, упорного, изворотливого невежества, укоренять на расчищенных участках стройные, ветвистые грамматические деревья, шелестящие мохнатыми суффиксами причастий, обламывать сухие сучки, прививать цветущие ветви и подбирать осыпавшиеся зеленые паданцы (Толстая, 2004, с.363).

Во-первых, стоит обратить внимание на фразеологический оборот *вбивать (вбить) в голову кому*, имеющий в словаре следующее значение – ‘настоятельно внушать кому-либо что-либо’ [РФИЭС, 2005, с.147]. Фразеологический оборот дополнен словом-сопроводителем, уточняющим его значение: *вбивать в головы неблагодарных, насмешливых ленивцев русскую грамоту*. Следующая за ФЕ метафора, являющаяся повторным наименованием, подчеркивает мысль писательницы о нелегкой работе учителя русского языка на пути искоренения невежественности школьников: *расчищать джунгли дремучего, упорного, изворотливого невежества, укоренять на расчищенных участках стройные, ветвистые грамматические деревья, шелестящие мохнатыми суффиксами причастий,*

обламывать сухие сучки, прививать цветущие ветви и подбирать осыпавшиеся зеленые паданцы.

Таким образом, структурные особенности ПН в текстах рассказов Т. Н. Толстой богаты и разнообразны. В зависимости от творческой задумки она использует в качестве компонентов ПН различные части речи, метафоры и ФЕ. Писательница умело использует неисчерпаемые возможности метафоры и ФЕ в качестве компонентов ПН для выражения своей авторской позиции, но вводит их в структуру цепи ПН в измененном виде, что позволяет подчеркнуть и уточнить ее мысль. Особое место занимают и словообразовательные особенности самих компонентов ПН. Суффиксы придают словам-компонентам ПН определенную эмоциональную окраску, усиливая передаваемый эффект. Для идиостиля писательницы нет четко определенной позиции ПН к описываемому референту, так как она зависит не только от структурных особенностей ПН и частеречной принадлежности ПН, но и от воли самого автора.

3.2. СМЫСЛОВОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Т.Н.ТОЛСТОЙ

Смысловая структура ПН в произведениях Т.Н.Толстой богата и разнообразна. Около 30% примеров составляют ПН с простой денотативной структурой, включающей в свой состав актуальный денотат (референт) и сигнификаты языковых единиц, являющихся первичным и последующими (повторными) наименованиями. Осложненная смысловая структура ПН включает в свой состав слова - компоненты с переносным значением, так как в данном случае смысловая организация повторного наименования сопровождается актуализацией первичных денотатов слов-компонентов. Таких примеров в художественных текстах писательницы большинство

(70%), именно они формируют индивидуальный стиль писательницы. Также были выявлены случаи использования ПН для номинации целой ситуации, а не только объекта, признака или явления. Использование в качестве компонента смысловой структуры ПН денотативной ситуации не является характерным для писательницы.

Анализируя смыслообразование компонентов ПН в художественных тестах писательницы, нами была составлена классификация, отражающая особенности семантических модификаций компонентов ПН (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 2).

В простой смысловой структуре, состоящей из слов с прямым значением, архисемы и дифференциальные семы слов - компонентов сохраняются, например:

*Закон стоит на страже интересов квартиросъемщиков. Например: я как владелица обязана соблюдать эгалитэ, язви его, и считать всех людей равными. **Интеллигентная пара** – скажем, **принстонские профессора** – не должна в моих глазах иметь преимущества перед семейством пуэрториканских торчков, или каких-то цыган с вороватыми глазами, или не говорящих по-английски азиатов. Если я слишком явно выскажу им свое неудовольствие от их возможного проживания в моем доме, теоретически они могут меня засудить. Приходится с сожалением говорить, что ой, жалко, только что обещали другим* (Толстая, 2014, с.182).

ПН *принстонские профессора* в данном контексте не изменяет своей смысловой структуры, о чем свидетельствует нижеприведенный сравнительный анализ сигнификата значения словосочетания и сигнификата компонента ПН.

**Сигнификат значения
словосочетания**
принстонский профессор
 $S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3 d_4 d_5\}$

**Сигнификат смысла
компонента ПН**
принстонский профессор
 $S_2 \{A_2'' d_1'' d_2'' d_3'' d_4'' d_5''\}$

S_1 – семема словосочетания
принстонский профессор ‘лицо, имеющее звание профессора, квалифицированный преподаватель высших учебных заведений и научный сотрудник научно-исследовательских учреждений, руководящий научно-исследовательской работой, профессор, работающий в Принстоне’

S_2 – семема компонента ПН
принстонский профессор ‘лицо, имеющее звание профессора, квалифицированный преподаватель высших учебных заведений, научный сотрудник научно-исследовательских учреждений, руководящий научно-исследовательской работой, работающий в Принстоне’

A_1 – архисема ‘лицо, имеющее звание профессора’

A_2'' – архисема (исходная) ‘лицо, имеющее звание профессора’

d_1 – дифференциальная сема ‘квалифицированный преподаватель’

d_1'' – дифференциальная сема (исходная) ‘квалифицированный преподаватель’

d_2 – дифференциальная сема ‘преподаватель высших учебных заведений’

d_2'' – дифференциальная сема (исходная) ‘преподаватель высших учебных заведений’

d_3 – дифференциальная сема ‘научный сотрудник научно-исследовательских учреждений’

d_3'' – дифференциальная сема (исходная) ‘научный сотрудник научно-исследовательских учреждений’

d_4 – дифференциальная сема

‘руководящий научно-исследовательской работой’

d_4^n – дифференциальная сема (исходная) ‘руководящий научно-исследовательской работой’

d_5 – дифференциальная сема ‘работающий в Принстоне’

d_5^n – дифференциальная сема (исходная) ‘работающий в Принстоне’

Описанная выше смысловая структура является самой простой из возможных структур смысловой организации ПН, так как данной структурой обладает смысловая организация субстантивной ПН, в состав которой входят слова с прямым значением. Как показал анализ ПН компонент цепи *принстонские профессора* сохранил не только исходную архисему A_2^n – ‘лицо, имеющее звание профессора’, но и исходные дифференциальные семы d_1^n – ‘квалифицированный преподаватель’; d_2^n – ‘преподаватель высших учебных заведений’; d_3^n – ‘научный сотрудник научно-исследовательских учреждений’; d_4^n – ‘руководящий научно-исследовательской работой’; d_5^n – ‘работающий в Принстоне’.

В осложненной смысловой структуре ПН, состоящей из слов с переносным значением, под влиянием окружения происходят семантические модификации. В следующем отрывке из рассказа Т.Н. Толстой «Легкие миры» ПН состоит из трех компонентов, каждый из которых сохраняет исходную архисему. Но если один компонент ПН сохраняет дифференциальные семы, то у слов с переносным значением происходят семантические преобразования:

*Но он – на всякий случай – спросил своего юриста, и юрист страшно забеспокоился, забегал и запретил: хранение моих вещей в еще не купленном мною доме означало бы, по законам Нью-Джерси, какое-то хитрое поражение в правах – поражен был бы Дэвид, а я то ли имела бы право отнять у него дом, не заплативши, то ли еще как-то **закабалить, поработить и ограбить** владельца (Толстая, 2014, с. 151).*

Компоненты ПН *закабалить* ‘ставить в зависимое положение; порабощать’ [БАС, IV, с. 486]; *поработить* ‘обращать в рабство; лишать свободы, независимости’ [БАС, X, с. 1348]; *огрabitь* ‘применяя насилие, отнимать у кого-либо имущество, деньги’ [БАС, VIII, с. 638] сохраняют архисему, но приобретают новые дифференциальные семы:

Сигнификат значения	Сигнификат смысла
лексемы <i>закабалить</i>	компонента ПН <i>закабалить</i>
$S_1 \{A_1 d_1 d_2\}$	$S_2 \{A_2^n d_1^k d_2^p\}$
S_1 – семема компонента <i>закабалить</i> ‘действие человека, ставить в зависимое положение; порабощать’	S_2 – семема компонента ПН <i>закабалить</i> ‘действие человека, незаконно стать владельцем дома, поставить в зависимое положение’
A_1 – архисема ‘действие человека’	A_2^n – архисема (исходная) ‘действие человека’
d_1 – дифференциальная сема ‘ставить в зависимое положение’	d_1^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘незаконно стать владельцем дома’
d_2 – дифференциальная сема ‘порабощать’	d_2^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘поставить в зависимое положение’

Сигнификат значения	Сигнификат смысла
<i>поработить</i>	компонента ПН <i>поработить</i>
$S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3\}$	$S_2 \{A_2^n d_1^p d_2^k d_3^k d_4^k\}$

S₁ – семема лексемы *поработить* ‘действие человека, обращать в рабство; лишать свободы, независимости’

S₂ – семема слова - компонента ПН *поработить* ‘действие человека, поставить хозяина дома в подчиненное положение, обмануть, лишить его законных прав’

A₁ – архисема ‘действие человека’

A₂ⁿ – архисема (исходная) ‘действие человека’

d₁ – дифференциальная сема ‘обращать в рабство’

d₁^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘поставить в подчиненное положение’

d₂^k – дифференциальная сема (потенциальная) ‘хозяина дома’

d₂ – дифференциальная сема ‘лишать свободы’

d₃^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘обмануть’

d₃ – дифференциальная сема ‘лишать независимости’

d₄^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘лишить законных прав’

Как показал анализ, компоненты ПН *закабалить*, *поработить* сохраняют исходную архисему, но под влиянием контекста в семантической структуре слов исходные дифференциальные семы вытесняются потенциальными и коннотативными семами данных лексем. Таким образом, в семантической структуре слов актуализируются новые дифференциальные семы: **d₁^k** – ‘незаконно стать владельцем дома’, **d₂^p** – ‘поставить в зависимое положение’ (*закабалить*); **d₁^p** – ‘поставить в подчиненное положение’, **d₂^k** – ‘хозяина дома’, **d₃^k** – ‘обмануть’, **d₄^k** – ‘лишить хозяина дома его законных

прав' (*поработить*). Речевой смысл слова - компонента ПН *ограбить* также подвергается семантическим преобразованиям.

Сигнификат значения	Сигнификат смысла
лексемы <i>ограбить</i>	компонента ПН <i>ограбить</i>
S₁ { A₁ d₁ d₂ d₃ d₄ }	S₂ { A₂ⁿ d₁ⁿ d₂^k d₃^p d₄^p d₅^p d₆^p }
S₁ – семема компонента	S₂ – семема компонента ПН
<i>ограбить</i> ‘действие человека, применяя насилие, отнимать у кого-либо имущество, деньги’	<i>ограбить</i> ‘действие человека, применить насилие по отношению к хозяину дома, отнять дом, лишить права распоряжаться своей собственностью’
A₁ – архисема ‘действие человека’	A₂ⁿ – архисема (исходная) ‘действие человека’
d₁ – дифференциальная сема ‘применить насилие’	d₁ⁿ – дифференциальная сема (исходная) ‘применить насилие’
d₂ – дифференциальная сема ‘отнимать’	d₂^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘по отношению к хозяину дома’
d₃ – дифференциальная сема ‘(отнимать) имущество’	d₃^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘отнять’
d₄ – дифференциальная сема ‘(отнимать) деньги’	d₄^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘(отнять) дом’
	d₅^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘лишить права’
	d₆^p – дифференциальная сема

(потенциальная) ‘распоряжаться
своей собственностью’

Как показал сопоставительный анализ, в семантической структуре слова – компонента *ограбить* также происходит ряд изменений. Вместо исходных дифференциальных сем \mathbf{d}_1 – ‘применить насилие’, \mathbf{d}_2 – ‘отнимать’, \mathbf{d}_3 – ‘(отнимать) имущество’, \mathbf{d}_4 – ‘(отнимать) деньги’ у слова появляются новые дифференциальные семы, восходящие к потенциальным семам лексемы *ограбить*: \mathbf{d}_3^P – ‘отнять’, \mathbf{d}_4^P – ‘(отнять) дом’, \mathbf{d}_5^P – ‘лишить права’, \mathbf{d}_6^P – ‘распоряжаться своей собственностью’. В семантической структуре слова *ограбить* сохранена исходная дифференциальная сема \mathbf{d}_1^H – ‘применить насилие’, под влиянием контекста образовалась дифференциальная сема коннотативной природы \mathbf{d}_2^k – ‘(применять насилие) по отношению к хозяину дома’.

Возможны случаи, когда в цепочке ПН изменения затрагивают только один компонент цепи, при этом семантическим модификациям подвергаются не только дифференциальные семы, но и архисема в целом:

Если не запрокидывать голову, то в Питере вообще нечего делать: асфальт как асфальт, пыль или лужи, кошмарные парадные, пахнущие кошками и человеком, мусорные баки, ларьки с кефиром «Петмол». Если же смотреть вверх, от второго этажа и выше, то увидишь совсем другой город: там еще живут маски, вазы, венки, рыцари, каменные коты, раковины, змеи, стрельчатые окна, витые колонки, львы, смеющиеся лица младенцев или ангелов. Их забыли, или не успели уничтожить мясники двадцатого века, гонявшиеся за людьми. Один, главный, все кружил по городу мокрыми октябрьскими вечерами, перепрыгивался, таился, и в ночь на 25 октября, как нас учили в школе, заночевал у некоей Маргариты Фофановой, пламенной и так далее, а может быть, вовсе и не пламенной, — тут вам не Испания, — а обычной, водянистой и

недальновидной дамы с лицом белым и прозрачным, как у всех, кто умывается невской водой (Толстая, 2004, с.231).

В данном отрывке цепочка ПН состоит из двух компонентов, повторно номинирующих такую языковую характеристику *дамы*, как *обычная*. Семантическая структура прилагательного под влиянием контекста модифицируется. Слово-компонент ПН *недальновидный* ‘неспособный правильно предвидеть, рассчитать [БАС, VII, с.794] сохраняет свою семантическую структуру, в свою очередь, лексема *водянистый* ‘содержащий излишнее количество воды, влаги’ [БАС, II, с. 523] претерпевает явные семантические изменения.

Сигнификат значения

лексемы *обычный*

$S_1 \{ A_1 d_1 d_2 d_3 d_4 \}$

S_1 – семема компонента *обычный* ‘качество человека/ свойство предмета, ничем не выделяющийся среди других; обыкновенный, заурядный’

A_1 – архисема ‘качество человека’

d_1 – дифференциальная сема ‘ничем не выделяющийся среди других’

d_2 – дифференциальная сема ‘среди других’

Сигнификат смысла

первичной номинации *обычный*

$S_2 \{ A_2^H d_1^H d_2^H d_3^P d_4^P \}$

S_2 – семема компонента ПН *в обычный* ‘качество человека, ничем не выделяющийся среди других; обладающий заурядным умом и заурядной внешностью’

A_2^H – архисема (исходная) ‘качество человека’

d_1^H – дифференциальная сема (исходная) ‘ничем не выделяющийся’

d_2^H – дифференциальная сема (исходная) ‘среди других’

d_3 – дифференциальная сема
'обыкновенный'

d_4 – дифференциальная сема
'заурядный'

d_3^p – дифференциальная сема
(потенциальная) 'обладающий
заурядным умом'

d_4^p – дифференциальная сема
(потенциальная) 'обладающий
заурядной внешностью'

Сигнификат значения
недальновидный

$S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3\}$

S_1 – семема компонента
недальновидный 'характеристика
человека, неспособный правильно
предвидеть, рассчитать'

A_1 – архисема 'качество
человека'

d_1 – дифференциальная сема
(исходная) 'неспособный'

d_2 – дифференциальная сема
(исходная) 'правильно предвидеть'

d_3 – дифференциальная сема
(исходная) 'правильно рассчитать'

Сигнификат смысла
компонента ПН *недальновидный*

$S_2 \{A_2^H d_1^H d_2^H d_3^H\}$

S_2 – семема компонента ПН *в*
недальновидный 'характеристика
человека, неспособный правильно
предвидеть, рассчитать'

A_2^H – архисема (исходная)
'качество человека'

d_1^H – дифференциальная сема
(исходная) 'неспособный'

d_2^H – дифференциальная сема
(исходная) 'правильно предвидеть'

d_3^H – дифференциальная сема
(исходная) 'правильно рассчитать'

Таким образом, лексема первичной номинации *обычный* сохраняет две исходные дифференциальные семы, d_1^H – 'ничем не выделяющийся' d_2^H – 'среди других', но под влиянием контекста приобретает актуализированные дифференциальные семы, восходящие к потенциальным

семам лексемы *обычный* d_3^p – ‘обладающий заурядным умом’, d_4^p – ‘обладающий заурядной внешностью’. Лексема *недальновидный* сохраняет свою семантическую структуру в неизменном виде: A_2^n – ‘качество человека’, d_1^n – ‘неспособный’; d_2^n – ‘правильно предвидеть’ d_3^n – ‘правильно рассчитать’.

Интересным представляется компонентный анализ лексемы *водянистый*, которая под влиянием контекста, изменяет исходную архисему.

Сигнификат значения	Сигнификат смысла
<i>водянистый</i>	компонента ПН <i>водянистый</i>
$S_1 \{ A_2 d_1 d_2 d_3 \}$	$S_2 \{ A_2^k d_1^k d_2^k d_3^p \}$
S_1 – семема компонента <i>водянистый</i> ‘свойство предмета, содержащий излишнее количество воды, влаги’	S_2 – семема компонента ПН <i>водянистый</i> ‘характеристика человека; человек с белым, бледным, бесцветным лицом’
A_1 – архисема ‘свойство предмета’	A_2^k – архисема (коннотированная) ‘характеристика человека’
d_1 – дифференциальная сема ‘содержащий воду’	d_1^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘с белым лицом’
d_2 – дифференциальная сема ‘излишнее количество воды’	d_2^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘с бледным лицом’
d_3 – дифференциальная сема ‘излишнее количество влаги’	d_3^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘с бесцветным лицом’

Как показал компонентный анализ, слово *водянистый* теряет свои исходные семы. Под влиянием контекста данное слово «наращивает» новые

смыслы, а именно вместо исходной архисемы A_1 – ‘свойство предмета’ слово приобретает новую архисему коннотативной природы A_2^k – ‘характеристика человека’, также изменились дифференциальные семы: d_1^k – ‘человек с белым лицом’; d_2^k – ‘с бледным лицом’, d_3^p – ‘с бесцветным лицом’.

В следующем примере семантические изменения также затронули не только слова-компоненты ПН, но и первичную номинацию:

Вот сейчас я поставлю на американской бумажке свою нечитаемую закорючку, и один акр Соединенных Штатов Америки перейдет в мои частные руки. Стоит – а вернее, течет, хлещет и бурлит – 1992 год, и я приехала из России, где все развалилось на части и непонятно, где чье, но уж точно не твое, и где земля уходит из-под ног, – зато тут я сейчас куплю себе зеленый квадрат надежной заокеанской территории и буду им владеть, как ничем и никем никогда не владела. А если кто сунется ко мне в дом без спросу – имею право застрелить. Впрочем, надо уточнить, какие права у воров и грабителей, потому что на них тоже распространяется действие Конституции.

Данный пример интересен тем, что компоненты ПН стоят в порядке градации, усиливая смысл. Т.Н. Толстая рассказывает о переломном для нашей страны времени, времени больших перемен и трудностей. Этот год она сравнивает с рекой, поэтому в качестве компонентов ПН использует лексемы, характеризующие движение реки.

Компоненты ПН *течь* ‘перемещать свои воды в каком-либо направлении’ [БАС, XV, с. 424]; *хлестать* ‘бить сильной струей, изливаться потоком’ [БАС, XVII, с. 192]; *бурлить* ‘шумно кипеть, klokотать (о жидкости)’ [БАС, I, с. 699] в данном контексте изменяют свою семантическую структуру, приобретая новые дифференциальные семы. Лексема *стоять* имеет следующее словарное значение ‘быть неподвижным, не двигаться, не трогаться с места (о человеке, животном)’ [БАС, XIV, с. 971], но в данном контексте слово приобретает новый речевой смысл.

**Сигнификат значения
лексемы *стоять***

S₁ {A₁ d₁ d₂ d₃}

S₁ – семема компонента *стоять* ‘состояние человека, животного, находиться на ногах, не двигаясь с места’

A₁ – архисема ‘состояние человека, животного’

d₁ – дифференциальная сема ‘находиться на ногах’

d₂ – дифференциальная сема ‘не двигаться’

d₃ – дифференциальная сема ‘не трогаться с места’

**Сигнификат речевого
смысла первичной номинации
*стоять***

S₂ {A₂^P d₁^P d₂^P d₃^P}

S₂ – семема первичной номинации *стоять* ‘характеристика времени, идти незаметно, идти неощутимо для людей, идти без изменений’

A₂^P – архисема (потенциальная) ‘характеристика времени’

d₁^P – дифференциальная сема (потенциальная) ‘идти незаметно (о времени)’

d₂^P – дифференциальная сема (потенциальная) ‘идти неощутимо для людей (о времени)’

d₃^P – дифференциальная сема (потенциальная) ‘идти без изменений’

Слово *стоять* теряет исходную архисему **A₁** ‘состояние человека, животного’, приобретая актуализированную **A₂^P** – ‘характеристика времени, идти своим чередом, длиться’. Вместо исходных дифференциальных сем **d₁** – ‘находиться на ногах’, **d₂** – ‘не двигаться’, **d₃** – ‘не трогаться с места’ у слова появляются новые дифференциальные семы **d₁^P** – ‘идти незаметно (о

времени)', \mathbf{d}_2^P – 'идти неощутимо для людей (о времени)', \mathbf{d}_3^P – 'идти без изменений'.

Сигнификат значения лексемы <i>течь</i>	Сигнификат смысла компонента ПН <i>течь</i>
$S_1 \{A_2 d_1 d_2\}$	$S_2 \{A_2^P d_1^P d_2^P\}$
S_1 – семема компонента <i>течь</i> 'действие предмета, перемещать свои воды в каком-либо направлении, протекать где-либо'	S_2 – семема компонента ПН <i>течь</i> 'характеристика времени, идти своим чередом, длиться'
A_1 – архисема 'действие предмета'	A_2^P – архисема (потенциальная) 'характеристика времени'
d_1 – дифференциальная сема 'перемещать свои воды в каком-либо направлении'	d_1^P – дифференциальная сема (потенциальная) 'идти своим чередом (о времени)'
d_2 – дифференциальная сема 'протекать где-либо'	d_2^P – дифференциальная сема (потенциальная) 'длиться'

В семантической структуре лексемы *течь* исходная архисема A_1 – 'действие предмета' вытесняется новой архисемой A_2^P – 'характеристика времени', также изменились исходные дифференциальные семы d_1 – 'перемещать свои воды в каком-либо направлении', d_2 – 'протекать где-либо', место которых в семантической структуре слова заняли дифференциальные семы, восходящие к потенциальным семам лексемы *течь* d_1^P – 'идти своим чередом (о времени)', d_2^P – 'длиться'.

Сигнификат значения

хлестать

$S_1 \{ A_1 d_1 d_2 d_3 d_4 \}$

S_1 – семема компонента

хлестать ‘действие предмета, бить сильной струей, изливаться потоком’

A_1 – архисема ‘действие предмета’

d_1 – дифференциальная сема ‘бить струей’

d_2 – дифференциальная сема ‘сильной (струей)’

d_3 – дифференциальная сема ‘изливаться’

d_4 – дифференциальная сема ‘(изливаться) потоком’

Сигнификат смысла

компонента ПН *хлестать*

$S_2 \{ A_2^k d_1^k d_2^p d_3^p d_4^p \}$

S_2 – семема компонента ПН

хлестать ‘характеристика времени, беспокойно идти, бурно и очень быстро идти’

A_2^k – архисема (коннотированная) ‘характеристика времени’

d_1^k – дифференциальная сема (потенциальная) ‘беспокойно идти (о времени)’

d_2^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘беспокойно’

d_3^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘бурно’ (о времени)

d_4^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘очень быстро’ (о времени)

Исходная архисема лексемы *хлестать* A_1 – архисема ‘действие предмета’ вытесняется новой архисемой коннотативной природы A_2^k – ‘характеристика времени’, в свою очередь, исходные дифференциальные семы слова d_1 – ‘бить струей’, d_2 – ‘сильной (струей)’, d_3 – ‘изливаться’, d_4 – ‘(изливаться) потоком’ вытесняются актуализированными семами, восходящими к коннотативным и потенциальным семам лексемы *хлестать*:

d_1^k – ‘неспокойно идти (о времени)’, d_2^p – ‘неспокойно’, d_3^p – ‘бурно (о времени)’, d_4^p – ‘очень быстро (о времени)’.

Сигнификат значения	Сигнификат смысла
<i>бурлить</i>	<i>бурлить</i>
$S_1 \{ A_2 d_1 d_2 d_3 \}$	$S_2 \{ A_2^k d_1^k d_2^p d_3^k d_4^p \}$
S_1 – семема компонента	S_2 – семема компонента ПН
<i>бурлить</i> ‘действие предмета, шумно кипеть, клокотать (о жидкости)’	<i>бурлить</i> ‘характеристика времени, бурно течь, приносить большие перемены’
A_1 – архисема ‘действие предмета’	A_2^k – архисема (коннотированная) ‘характеристика времени’
d_1 – дифференциальная сема ‘кипеть’	d_1^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘течь (о времени)’
d_2 – дифференциальная сема ‘шумно’	d_2^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘бурно (течь)’
d_3 – дифференциальная сема ‘клокотать (о жидкости)’	d_3^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘приносить перемены’
	d_4^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘большие (перемены)’

В семантической структуре слова *бурлить* исходная архисема слова A_1 – ‘действие предмета’ вытесняется актуализированной архисемой коннотативной природы A_2^k – ‘характеристика времени’. Исходные

дифференциальные семы d_1 – ‘кипеть’, d_2 – ‘шумно’, d_3 – ‘клокотать (о жидкости)’ вытесняются дифференциальными семами, которые восходят к коннотативным и потенциальным семам данной лексемы: d_1^k – ‘течь (о времени)’, d_2^p – ‘бурно (течь)’, d_3^k – ‘приносить перемены’, d_4^p – ‘большие (перемены)’.

Как показал семантический анализ, речевой смысл слов-компонентов ПН отличается от словарного значения данных лексем. Все компоненты цепи ПН приобретают новый речевой смысл. В каждом из слов-компонентов авторская мысль отражается с нарастанием силы. Если первичная номинация лексема *стоит* ‘идти незаметно, идти неощутимо для людей, идти без изменений’ – передает спокойствие и неподвижность, то слова-компоненты ПН *течет* ‘идти своим чередом, длиться’, *хлещет* ‘неспокойно идти, бурно и очень быстро идти’ и *бурлит* ‘бурно течь, приносить большие перемены’ – движение, шум, беспокойствие.

Для идиостиля Т.Н. Толстой характерно использование в качестве компонентов ПН лексем нейтральных, которые в контексте, наполняясь новыми смыслами, приобретают значение экспрессивное, что становится возможным в связи с конкретными модификациями в семантической структуре слов, когда изменения затрагивают не только дифференциальные семы, но и архисему в целом:

- *А как вы относитесь к знаковым фигурам новой литературы - к Сорокину, например, или к Галковскому?*

- *Оба они, на мой взгляд - неслыханно талантливые люди, с креном в гениальность. Беда только в том, что сорокинские вещи я никогда не могу дочитать до конца: скучновато. Замечательно сделано, спасибо, но мне пора. У Галковского другое: упоительная стилистика, и читать не скучно, но морально он совершеннейший таракан.*

- *В каком смысле?*

- *Быстрый, мелкий, суетливый, неприятный, умный и бессовестный. И он сразу всюду. Его необъятный "Бесконечный тупик" -*

какое-то барочное палаццо из мусора. Впрочем, за эстетические достижения я бы ему дала "Букера", если бы меня спросили. Отчего это, кстати, меня никто не спросит? Не все же награждать "Букером" за доброе и вечное. <...>

- Стало быть, вы отстаиваете категорию морали в литературе?

- Не я отстаиваю, категории существуют помимо наших желаний.

На этой категории можно ничего не строить: Сорокин вот не строит, так и спроса с него нет. А Галковский весь свой текст строит на том, что все-все, кроме него - гады, а он - **майский ландыш**. Эстетически это красиво, морально тошнотворно. А у писателей - "моралистов" другая беда: сеют доброе, а растет такой сахар сиропыч, что ноги вязнут, как в клею (Толстая, 2001, с. 200-201).

Писательница использует ПН для выражения своего отношения к творчеству и личности писателя Галковского. В первом отрывке она называет его *тараканом*, после чего также использует ПН, объясняя почему же она назвала его именно так, а во втором отрывке – *майским ландышем*. Компоненты ПН *таракан* 'прямокрылое насекомое черной или бурой окраски с длинным и усиками, отдельные виды которого обитают в жилище человека' [БАС, XV, с.111], *майский ландыш* 'многолетнее травянистое растение с продолговатыми листьями и мелкими белыми душистыми цветками - колокольчиками' [БАС, VI, с.56] под влиянием контекста теряют свое прямое значение. Потенциальные семы лексемы *таракан* выходят на первый план семантической структуры слова, занимая ядерное положение.

Сигнификат значения

лексемы *таракан*

$S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3 d_4\}$

S_1 – семема компонента

таракан 'насекомое, прямокрылое

Сигнификат смысла

компонента ПН *таракан*

$S_2 \{A_2^k d_1^p d_2^p d_3^p d_4^p\}$

S_2 – семема компонента ПН

таракан 'человек с неприятной

насекомое черной или бурой внешностью, вызывающий окраски с длинным и усиками, раздражение, хитрый, проворный' обитающее в жилище человека'

A_1 – архисема 'насекомое'	A_2^k – архисема (коннотированная) 'человек'
d_1 – дифференциальная сема 'прямокрылое насекомое'	d_1^p – дифференциальная сема (потенциальная) 'с неприятной внешностью'
d_2 – дифференциальная сема 'черной или бурой окраски'	d_2^p – дифференциальная сема (потенциальная) 'вызывающий раздражение'
d_3 – дифференциальная сема 'с длинным усиками'	d_3^p – дифференциальная сема (потенциальная) 'хитрый'
d_4 – дифференциальная сема 'обитающее в жилище человека'	d_4^p – дифференциальная сема (потенциальная) 'проворный'

Семантическая структура слова *таракан* под влиянием контекста претерпевает значительные семантические изменения. Взамен исходной архисемы A_1 – 'насекомое' у слова появляется архисема коннотативной природы A_2^k – 'человек'. Исходные дифференциальные семы лексемы *таракан* d_1 – 'прямокрылое насекомое', d_2 – 'черной или бурой окраски', d_3 – 'с длинным усиками', d_4 – 'обитающее в жилище человека' вытесняются дифференциальными семами, восходящими к потенциальным семам лексемы *таракан*: d_1^p – 'с неприятной внешностью', d_2^p – 'вызывающий раздражение', d_3^p – 'хитрый', d_4^p – 'проворный'.

Т.Н. Толстая в качестве повторного наименования использует словосочетание *майский ландыш*, чтобы подчеркнуть свою мысль о выбранном стиле письма Галковского, возвышающего себя среди других. Несомненно, выбранная ПН претерпевает семантические изменения, теряя не только исходную архисему, но и дифференциальные семы.

Сигнификат значения словосочетания <i>майский ландыш</i>	Сигнификат смысла словосочетания – компонента ПН <i>майский ландыш</i>
$S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3 d_4 d_5 d_6 d_7 d_8\}$	$S_2 \{A_2^k d_1^k d_2^k d_3^k\}$
S_1 – семема компонента	S_2 – семема компонента ПН в
<i>майский ландыш</i> ‘многолетнее травянистое растение, с продолговатыми листьями и мелкими белыми душистыми цветками-колокольчиками, цветущий в мае’	<i>майский ландыш</i> ‘человек, невинный, высоконравственный, талантливый’
A_1 – архисема ‘растение’	A_2^k – архисема (коннотированная) ‘человек’
d_1 – дифференциальная сема ‘многолетнее растение’	d_1^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘невинный’
d_2 – дифференциальная сема ‘травянистое растение’	d_2^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘высокнравственный’
d_3 – дифференциальная сема ‘растение с продолговатыми листьями’	d_3^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘талантливый’
d_4 – дифференциальная сема ‘с цветками-колокольчиками’	

d₅ – дифференциальная сема
'с мелкими (цветками)'

d₆ – дифференциальная сема
'с белыми (цветками)'

d₇ – дифференциальная сема
'с душистыми (цветками)'

d₈ – дифференциальная сема
'цветущий в мае'

Как показал анализ, под влиянием контекста происходят следующие семантические изменения: исходная архисема **A₁** – 'цветок' вытесняется архисемой коннотативной природы **A₂^k** – 'человек', а на месте исходных дифференциальных сем у слова появляются дифференциальные семы коннотативной природы, неожиданные, на первый взгляд, но обусловленные контекстом: **d₁^k** – 'невинный', **d₂^k** – 'высоконравственный', **d₃^k** – 'талантливый'.

Таким образом, для идиостиля Татьяны Толстой характерно использование сложной денотативной смысловой структуры ПН с преобладанием слов - компонентов с переносным значением. Соответственно, использование слов - компонентов с прямым значением оказывается не столь частым явлением для творчества писательницы. Попадая под взаимовлияние, компоненты ПН претерпевают те или иные семантические изменения. В основном в семантической структуре слов-компонентов возможно частичное сохранение слов с исходной архисемой. Наиболее частотным случаем является изменение исходных дифференциальных сем цепи.

3.3. ФУНКЦИИ ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Т. Н. ТОЛСТОЙ

Исследуя ПН, отечественные лингвисты выделяли ее функции в тексте [Гак, 1987; Бабенко, 1986; Валгина, 2003 и др.]. Е.В. Метлякова изучала функции ПН в поэзии Анны Ахматовой [Метлякова, 2007]. Е.Б. Ярцева анализировала ПН на материале художественной прозы, выделив следующие функции: 1) ПН в функции передачи субъективно-оценочной модальности текста; 2) ПН в функции логического выделения содержания высказывания; 3) ПН в функции изобразительной конкретизации текста; 4) ПН в функции создания субъективированной неопределенности текста [Ярцева, 1984]. Н.М. Шутова в своем исследовании предлагает коммуникативно-стилистическую интерпретацию ПН лица в художественном тексте, выявляя зависимость способа именования персонажа от характера коммуникативной ситуации, коммуникативной функции, выполняемой той или иной номинацией в тексте, ролевых отношений между коммуникантами и от характера решаемых автором стилистических задач [Шутова, 1998, с. 125-132].

Исходя из того, что наша работа посвящена анализу смыслообразования компонентов цепи ПН, то, во-первых, необходимо отметить, что особенности структуры ПН связаны с особенностями выполняемой ими функции, а во-вторых, именно особенности смыслообразования компонентов ПН позволяют реализовать данную функцию в художественном тексте. «Выделяя различные оттенки значения одного и того же предмета, ПН позволяет читателю по-новому увидеть и оценить изображаемое» [Гак, 1972, с.106]. Таким образом, ПН в художественных текстах Т.Н. Толстой дает ей возможность ярче выразить свою авторскую позицию, подчеркнуть те или иные особенности героя произведения, описываемого предмета или обстановки, а также донести до читателя собственные мысли и предпочтения.

Проанализировав собранный материал, мы выделили и описали следующие функции ПН в произведениях Т.Н. Толстой (см. ПРИЛОЖЕНИЕ 3):

1. Номинативная функция:

- 1) номинация героя произведения;
- 2) номинация неживого объекта;
- 3) номинация художественного пространства.

2. Экспрессивная функция:

- 1) выражения эмоций;
- 2) выражения экспрессии.

В текстах рассказов писательницы ПН отведена одна из главных ролей в художественном пространстве. Так, нередко вводя нового героя в сюжет произведения, писательница дает ему характеристику, тем самым представляя его читателю. ПН может *передавать объективную информацию о герое произведения:*

Михаиль Августович Янсонъ, шведъ, лютеранинъ, мещанинъ, гражданинъ, аптекаръ — трудолюбивый садовник, запасливый и аккуратный человек, без лица, без наследников, без примет, — Михаил Августович, муж маленькой жены, житель маленьких комнат, чуточку смелый, но очень скрытный хранитель запрещенного прошлого, свидетель истории, добела ободранной нами со стен его бывшей каморки. Михаил Августович, про которого я ничего не знаю и теперь уже никогда, никогда не узнаю, — кроме того, что он закопал непонятное железное в саду, спрятал ненужное тряпичное на чердаке, укрыл недопустимое, невозвратимое под обоями спальни (Толстая, 2004, с.325).

В данном случае ПН представляет собой простую смысловую структуру, в состав которой входят слова с прямым значением. ПН передает общую информацию о герое произведения: его национальность, религиозную и социальную принадлежность, профессию, интересы и

личностные качества: *швед* ‘народ скандинавской группы, составляющий основное население Швеции; представители этого народа’ [БАС, с. XVII, 1317]; *лютеранин* ‘тот, кто исповедует лютеранство’ [БАС, VI, с. 451]; *мещанин* ‘в царской России – лицо, принадлежащее к мещанству, к мещанскому сословию’ [БАС, VI, с. 959]; *гражданин* ‘лицо, принадлежащее к определенному государству, пользующееся покровительством законов своего государства и обязанное выполнять все требования, установленные законами этого государства’ [БАС, III, с. 357]; *аптекарь* ‘работник аптеки, изготавливающий лекарства, принимающий рецепты и отпускающий медикаменты; заведующий аптекой’ [БАС, I, с.173]; *трудолюбивый* ‘отличающийся трудолюбием’ [БАС, XV, с.1049]; *садовник* ‘специалист по уходу за садом и выращиванию садовых растений’ [БАС, XIII, с.42]; *аккуратный* ‘соблюдающий порядок, точность; исполнительный, исправный (о человеке)’ [БАС, I, с.76]. Далее писательница говорит нам о нем, как о человеке *без лица*, ссылаясь на то, что никогда его не видела и не увидит, так как этот человек уже давно умер. Компонент ПН *без наследников* отражает его семейное положение, а именно отсутствие детей и прямых наследников, а компонент ПН *без примет* говорит о его неяркой и не привлекающей к себе личности. Таким образом, всего в одном предложении писательница дает исчерпывающую информацию о герое своего рассказа.

В отличие от объективной информации, передача образной оценки, возможна при использовании смысловой структуры ПН, осложненной наличием слов-компонентов с переносным значением:

*Надо ли говорить, что в представлении сотрудников журнала **теща**, — в худших традициях оттепельного «Крокодила», — конечно же, не живой человек, а враг народа, вроде карикатурных «воротил с Уолл - стрита». Это занудная, ноющая, брюзжащая помеха вождьделенному времяпрепровождению, всегда подразумеваемому, — пива и в койку* (Толстая, 2004, с.532).

Данная ПН вербализирует негативное отношение популярного мужского журнала к теще как виду родственных связей. Теща воспринимается как помеха, представляющая собой некое препятствие счастливой семейной жизни двух молодых людей. Во-первых, о теще говорится, что она *не живой человек, а враг народа*. Согласно словарю *враг* ‘враждебно относящийся к режиму, к народу; идейный противник, недруг’ [БАС, II, с.785], то есть *теща* это уже не простой человек, а недруг семьи, недоброжелательно настроенная по отношению к зятю, которая не дает возможности проводить время так, как бы ему хотелось. Как показал анализ, словосочетание *враг народа* теряет свой первоначальный смысл, сужая масштаб национально-государственного явления до рамок семьи:

<p>Сигнификат значения словосочетания <i>враг народа</i></p>	<p>Сигнификат смысла словосочетания – компонента ПН <i>враг народа</i></p>
---	---

$S_1 \{ A_1 d_1 d_2 d_3 d_4 \}$

$S_2 \{ A_2^H d_1^k d_2^p d_3^k d_4^p d_5^p \}$

S_1 – семема лексемы *враг народа* ‘человек, враждебно относящийся к режиму, к народу; идейный противник, недруг’

S_2 – семема компонента ПН *враг народа* ‘человек, теща, враждебно ведущая себя по отношению к зятю, находящаяся в оппозиции к нему, его враг’

A_1 – архисема ‘человек’

A_2^H – архисема (исходная) ‘человек’

d_1 – дифференциальная сема ‘враждебно относящийся к режиму’

d_1^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘теща’

d_2 – дифференциальная сема ‘враждебно относящийся к народу’

d_2^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘враждебно

**Сигнификат значения
лексемы *помеха***

$S_1 \{ A_1 d_1 d_2 d_3 \}$

S_1 – семема лексемы *помеха*
‘предмет / явление, то, что мешает;
затруднение, препятствие’

A_1 – архисема ‘предмет’

d_1 – дифференциальная сема
‘то, что мешает’

d_2 – дифференциальная сема
‘затруднение’

d_3 – дифференциальная сема
‘препятствие’

**Сигнификат смысла слова-
компонента ПН *помеха***

$S_2 \{ A_2^k d_1^k d_2^k d_3^k d_4^p d_5^k d_6^k \}$

S_2 – семема компонента ПН
помеха ‘человек, теща,
вмешивающаяся в уклад семьи,
мешающая зятю, находящаяся в
оппозиции к зятю’

A_2^k – архисема
(коннотированная) ‘человек’

d_1^k – дифференциальная сема
(коннотированная) ‘теща’

d_2^k – дифференциальная сема
(коннотированная)

‘вмешивающаяся’

d_3^k – дифференциальная сема
(коннотированная)

‘(вмешивающаяся) в уклад семьи’

d_4^p – дифференциальная сема
(потенциальная) ‘мешающая’

d_5^k – дифференциальная сема
(коннотированная) ‘(мешающая)
зятю’

d_6^k – дифференциальная
сема (коннотированная)
‘находящаяся в оппозиции (к зятю)’

Слово *помеха* теряет исходную архисему A_1 – ‘предмет’, приобретая под влиянием контактно расположенных слов архисему коннотативной природы A_1^k – ‘человек’, также исходные дифференциальных семы d_1 – ‘то, что мешает’, d_2 – ‘затруднение’, d_3 – ‘препятствие’ вытесняются потенциальными семами лексемы *помеха* и коннотативными семами: d_1^k – ‘теща’, d_2^k – ‘вмешивающаяся’, d_3^k – ‘в уклад семьи’, d_4^p – ‘мешающая’, d_5^k – ‘зятю’, d_6^k – ‘находящаяся в оппозиции (к зятю)’.

Т.Н. Толстая использует ПН и *при описании неживого объекта*. В рассказе «Город» ПН отражает отношение писательницы к Нью-Йорку:

Нью-Йорк — то место, где напирают, сталкиваются и карабкаются, обрываются — и снова карабкаются вверх, напирая, самые амбициозные, самые живучие, самые о себе возомнившие. Они напирают уже сто лет, и манхэттенский архитектурный часток — зрительный образ этой страшной энергии, вечно растущий коралловый риф, продукт особого метаболизма воли (Толстая, 2007, с.87).

В данном примере перед нами смысловая структура ПН, осложненная словами - компонентами, использованных в переносном значении. Для понимания смысловой структуры ПН необходимо проанализировать первичные денотаты слов *напирать*, *сталкиваться*, *карабкаться*, *обрываться*, так как они играют значительную роль в смыслообразовании, оказываясь смысловым фоном и поставщиками смысловых элементов актуального значения слов-компонентов ПН.

Т.Н. Толстая использует данную цепочку ПН, целью которой является описание города, но не просто обычного, среднестатистического, а крупного мегаполиса, так называемого «большого яблока». Говоря об этом городе, автор прибегает к помощи метафоры, которая помогает передать характер этого места: *напирать* ‘надвигаясь, нажимать, давить’ [БАС, VII, с. 379]; *сталкиваться* ‘двигаясь навстречу, наткнуться друг на друга, удариться друг о друга’ [БАС, XIV, с. 711]; *карабкаться* ‘лезть вверх, цепляясь ногами и руками, хватаясь за что-либо’ [БАС, M, с.

796]; *оборваться* ‘отделившись, не удержавшись, падать’ [БАС, VIII, с. 421]. Интересным представляется рассмотреть смыслообразование данных слов в качестве компонентов ПН.

Сигнификат значения лексемы <i>напирать</i>	Сигнификат смысла слова- компонента ПН <i>напирать</i>
$S_1 \{ A_1 d_1 d_2 d_3 \}$	$S_2 \{ A_2^n d_1^p d_2^p d_3^k d_4^k \}$
S_1 – семема лексемы <i>напирать</i> ‘действие человека, надвигаясь, нажимать, давить’	S_2 – семема компонента ПН <i>напирать</i> ‘действие человека, двигаться к своей цели, подавлять конкурентов’
A_1 – архисема ‘действие человека’	A_2^n – архисема (исходная) ‘действие человека’
d_1 – дифференциальная сема ‘двигаться вперед’	d_1^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘двигаться’
d_2 – дифференциальная сема ‘надвигаясь, нажимать’	d_2^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘к своей цели’
d_3 – дифференциальная сема ‘надвигаясь, давить’	d_3^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘подавлять’
	d_4^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘конкурентов’

За счет новых дифференциальных сем слово-компонент ПН *напирать* приобретает новый речевой смысл, конкретизируя действие: d_1^p – ‘двигаться’, d_2^p – ‘к своей цели’, d_3^k – ‘подавлять’, d_4^k – ‘конкурентов’. Слово-компонент ПН *сталкиваться* также претерпевает семантические изменения:

**Сигнификат значения
лексемы *сталкиваться***

$S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3 d_4 d_5\}$

S_1 – семема лексемы *сталкиваться* ‘действие человека/ предмета, двигаясь навстречу, ударяться, наткаться друг на друга’

A_1 – архисема ‘действие человека/ предмета’

d_1 – дифференциальная сема ‘двигаясь’

d_2 – дифференциальная сема ‘навстречу’

d_3 – дифференциальная сема ‘ударяться’

d_4 – дифференциальная сема ‘наткаться’

d_5 – дифференциальная сема ‘друг на друга’

**Сигнификат смысла слова-
компонента ПН *сталкиваться***

$S_2 \{A_2^H d_1^P d_2^K d_3^P\}$

S_2 – семема компонента ПН *сталкиваться* ‘действие человека, соперничать с конкурентами, наткаться на конкурентов’

A_2^H – архисема (исходная) ‘действие человека’

d_1^P – дифференциальная сема (потенциальная) ‘соперничать’

d_2^K – дифференциальная сема (коннотированная) ‘с конкурентами’

d_3^P – дифференциальная сема (потенциальная) ‘наткаться (на конкурентов)’

Под влиянием контекста у слова-компонента *сталкиваться* появляются новые дифференциальные семы. На месте исходных дифференциальных сем лексемы: d_1 – ‘двигаясь’, d_2 – ‘навстречу’, d_3 – ‘ударяться’, d_4 – ‘наткаться’, d_5 – ‘друг на друга’ – появляются новые семы, восходящие к потенциальным семам лексемы *наткаться*: d_1^P –

‘соперничать’, \mathbf{d}_3^p – ‘наткаться (на конкурентов)’, а также сема коннотативной природы \mathbf{d}_2^k – ‘с конкурентами’.

**Сигнификат значения
лексемы *карабкаться***

$\mathbf{S}_1 \{ \mathbf{A}_1 \mathbf{d}_1 \mathbf{d}_2 \mathbf{d}_3 \mathbf{d}_4 \mathbf{d}_5 \}$

\mathbf{S}_1 – семема лексемы *карабкаться* ‘действие животного/ человека, лезть вверх, цепляясь ногами и руками, хватаясь за что-либо’

\mathbf{A}^1 – архисема ‘действие животного/ человека’

\mathbf{d}_1 – дифференциальная сема ‘лезть’

\mathbf{d}_2 – дифференциальная сема ‘вверх’

\mathbf{d}_3 – дифференциальная сема ‘цепляясь’

\mathbf{d}_4 – дифференциальная сема ‘ногами и руками’

\mathbf{d}_5 – дифференциальная сема ‘хватаясь (за что-либо)’

**Сигнификат смысла слова-
компонента ПН *карабкаться***

$\mathbf{S}_2 \{ \mathbf{A}_2^n \mathbf{d}_1^p \mathbf{d}_2^k \mathbf{d}_3^k \mathbf{d}_4^k \mathbf{d}_5^k \}$

\mathbf{S}_2 – семема компонента ПН *карабкаться* ‘действие человека, пытаться подняться по карьерной лестнице, стараться добиться успеха, пользуясь любыми возможностями’

\mathbf{A}_2^n – архисема (исходная) ‘действие человека’

\mathbf{d}_1^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘пытаться подняться’

\mathbf{d}_2^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘по карьерной лестнице’

\mathbf{d}_3^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘стараться’

\mathbf{d}_4^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘успеха’

\mathbf{d}_5^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘пользуясь’

В контексте произведения слово *карабкаться* также приобретает новые дифференциальные семы под влиянием стоящих рядом компонентов цепи ПН: \mathbf{d}_1^p – ‘пытаться подняться’, \mathbf{d}_2^k – ‘по карьерной лестнице’, \mathbf{d}_3^k – ‘стараться добиться’, \mathbf{d}_4^k – ‘успеха’, \mathbf{d}_5^k – ‘пользуясь любыми возможностями’

Сигнификат значения лексемы <i>обрываться</i>	Сигнификат смысла слова- компонента ПН <i>обрываться</i>
$S_1 \{A_1 \mathbf{d}_1 \mathbf{d}_2 \mathbf{d}_3 \mathbf{d}_4 \mathbf{d}_5\}$	$S_2 \{A_2^n \mathbf{d}_1^p \mathbf{d}_2^n \mathbf{d}_3^k \mathbf{d}_4^k \mathbf{d}_5^k \mathbf{d}_6^k\}$
S_1 – семема лексемы <i>обрываться</i> ‘действие человека/ предмета, отделившись, не удержавшись, падать; срываться откуда-либо’	S_2 – семема компонента ПН <i>обрываться</i> ‘действие человека, не удержавшись, спускаться по карьерной лестнице, потерпев неудачу, потерять работу’
A_1 – архисема ‘действие человека/предмета’	A_2^n – архисема (исходная) ‘действие человека’
\mathbf{d}_1 – дифференциальная сема ‘падать’	\mathbf{d}_1^p – дифференциальная сема (потенциальная) ‘спускаться’
\mathbf{d}_2 – дифференциальная сема ‘отделившись’	\mathbf{d}_2^n – дифференциальная сема (исходная) ‘не удержавшись’
\mathbf{d}_3 – дифференциальная сема ‘не удержавшись’	\mathbf{d}_3^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘(спускаться) по карьерной лестнице’
\mathbf{d}_4 – дифференциальная сема ‘срываться откуда-либо’	\mathbf{d}_4^k – дифференциальная сема (коннотированная) ‘потерпев
\mathbf{d}_5 – дифференциальная сема	(коннотированная) ‘потерпев

‘(срывать) вниз’

неудачу’

\mathbf{d}_5^k – дифференциальная сема
(коннотированная) ‘потерять’

\mathbf{d}_6^k – дифференциальная сема
(коннотированная) ‘работу’

В слове-компоненте ПН *обрываться* исходные дифференциальные семы \mathbf{d}_1 – ‘падать’, \mathbf{d}_2 – ‘отделившись’, \mathbf{d}_3 – ‘не удержавшись’, \mathbf{d}_4 – ‘срывать откуда-либо’, \mathbf{d}_5 – ‘(срывать) вниз’ вытесняются актуализированными семами коннотативной природы \mathbf{d}_3^k – ‘(спускаться) по карьерной лестнице’, \mathbf{d}_4^k – ‘потерпев неудачу’, \mathbf{d}_5^k – ‘потерять’, \mathbf{d}_6^k – ‘работу’, а также потенциальной семой лексемы *обрываться* \mathbf{d}_1^p – ‘спускаться’. В сигнификате слова-компонента ПН сохраняется одна исходная дифференциальная сема \mathbf{d}_1^n – ‘не удержавшись’.

Итак, с помощью глаголов *напирать, сталкиваться, карабкаться, обрываться* описывается город, где цель каждого человека занять «лучшее» место. ПН помогает писательнице кратко описать смысл жизни человека, проживающего в Нью-Йорке: всеми силами добиться успеха, вступая в борьбу с конкурентами, пытаться занять высшее положение в социальном плане. Те, кто не смогли «удержаться» в борьбе за счастье «обрываются», оказываясь «внизу», ведь в этом городе на вершине могут оказаться только «самые амбициозные, самые живучие, самые о себе возомнившие» (Толстая, 2007, с.87).

В следующем примере функция ПН заключается в *описании художественного пространства*. Писательница словно рисует перед читателем картину. В данном примере использована смысловая структура ПН с простой денотативной структурой:

Мавзолей Галлы Плацидии, жены Гонория, того самого, что сделал Равенну столицей Империи. Прошло пятнадцать столетий. Все переменялось. Все запылилось, мозаика осыпалась. То, что было некогда

важно, — стало неважно, то, что волновало, — ушло в песок. Само море ушло, и на месте, где плескались веселые зеленые волны, теперь пустоши, пыль, безмолвие, горячие виноградные плантации (Толстая, 2004, с. 454-455).

В отрывке из рассказа писательницы «Смотри на обороте» речь идет о неумолимом времени, которое стирая прошлое, уносит с собой все, что когда-либо волновало, радовало глаз. Т.Н. Толстая стремится передать читателю картину современную, где вместо плеска волн можно лишь наблюдать печальную картину, для описания которой использована следующая ПН: *пустоши, пыль, безмолвие, горячие виноградные плантации*.

ПН передает объективную картину, поэтому слова - компоненты употреблены в прямом значении: *пустошь* 'невозделанный, заброшенный или не заселенный участок земли; участок земли, покрытый кустарником, травами' [БАС, XI, с. 1727]; *пыль* 'носящиеся в воздухе или осевшие на что-либо мельчайшие твердые частички' [БАС, XI, с. 1893]; *безмолвие* 'отсутствие звуков, тишина' [БАС, I, с. 350]; *плантация* 'крупное капиталистическое земледельческое хозяйство, в котором выращиваются специальные технические или продовольственные культуры; земельные участки, принадлежащие этому хозяйству' [БАС, IX, с. 1316].

Таким образом, важной функцией ПН является описание художественного пространства. В данной ПН всего четыре компонента, но этого уже достаточно, чтобы перед глазами читателя предстала следующая картина: на огромной территории, где некогда было море, теперь бескрайние виноградные плантации, опаленные жарким солнцем. Вокруг ни души, лишь пыль, покрывшая иссушенную землю и одинокие кустарники.

Особая роль отводится ПН при передаче эмоций. Рассказы Т.Н. Толстой затрагивают разные аспекты жизни, описывая судьбы людей, их радости и беды. Эмоция, будучи явлением полярным, выражает разные чувства людей, находящиеся под влиянием той или иной ситуации.

Как показал анализ, для описания эмоций писательница использует ПН со сложной денотативной структурой:

...у меня были свои планы на жизнь и кое-какие мечты: выйти замуж, перевезти к себе маму из Фрязина или поменяться на однокомнатную квартиру; все это, правда, как-то, едва наметившись, путалось и разваливалось, и не то чтобы не было мужей или вариантов обмена, – все было, но какое-то завалищенское, убогое, пятого сорта, с изъянами и кавернами, флюсами и перекосами (Толстая, 2004, с.72).

В данном примере ПН отражает эмоцию негативную. Писательница делится со своим мечтами и преградами на их пути. Те варианты, которые ей попадаются, весьма далеки от идеала. Цепочка ПН *завалищенское, убогое, пятого сорта, с изъянами и кавернами, флюсами и перекосами* помогает ей передать свое отношение к происходящему. Каждое из слов обладает негативной коннотацией: *завалищенский* простореч. ‘дрянной, плохой, никудышный’ [БАС, IV, с.275]; *убогий* ‘немогущий, увечный’ [БАС, XVI, с. 63]; *изъян* ‘недостаток, порок’ [БАС, V, с.266]; *каверна* спец. ‘1.пустота, образующаяся в органах вследствие разрушения органической ткани животного организма’, 2. ‘полое пространство в горной породе’ [БАС, V, с. 638]; *флюс* ‘гнойное воспаление десны или надкостницы, вызванное болезнью зуба и сопровождаемое опухолью щеки’ [БАС, XVI, с. 1453]; *перекос* ‘что-то кривое, несимметричное, косое’. Компонент ПН *пятый сорт* отсылает нас к «третьему сорту», который в народе считается наихудшим. Желая усилить свою мысль, писательница использует в качестве компонента ПН словосочетание *пятый сорт*.

В следующем примере эмоция позитивная, выражающая оптимистический настрой героини рассказа «Вышел месяц из тумана»:

И Наташа стала мечтать: если уж старость придет и ко мне, пусть я превращусь в чистенькую розовую седую старушечку, любимую школьную учительницу, добрую и смешливую, как булочка с изюмом (Толстая, 2004, с.289).

Данная цепочка ПН состоит из компонентов, которые передают исключительно положительную эмоцию. Особое внимание следует обратить на метафору, входящую в состав ПН, *булочка с изюмом*, а также уменьшительно-ласкательную форму нескольких компонентов ПН (*чистенькую, старушечку, смешливую, булочку*), подчеркивающих данную эмоцию.

Вопрос об эмоциональности и экспрессивности является спорным. В своей работе вслед за Н.А. Бесединой мы дифференцируем такие понятия, как эмоциональность и экспрессивность, которые противопоставляются как явления, имеющие различную функциональную направленность. Если эмоциональные элементы используются для выражения субъективного отношения, чувств, настроений человека и воздействия на чувства других, то экспрессивные – для усиления выразительности при выражении эмоций [Беседина, 1998, с. 93].

Экспрессивность в рассказах Т.Н. Толстой отражается в акцентировании внимания говорящего на тех или иных свойствах объекта высказывания; главная цель экспрессивности заключается в передаче своего внутреннего настроения. Экспрессивность неотделима от образности, именно поэтому ее средствами являются такие фигуры речи, как: метафора, метонимия, гиперболы, литота, ирония и многие другие.

Показательным примером послужит отрывок из рассказа Т.Н. Толстой «Пустой день»:

Это утро не похоже ни на что, оно и не утро вовсе, а короткий обрывок первого дня: проба, бесплатный образец, авантитул. Нечего делать. Некуда идти. Бессмысленно начинать что-то новое, ведь еще не убрано старое: посуда, скатерти, обертки от подарков, хвоя, осыпавшаяся на паркет.<...> Этот день – лишний, как бывает лишним подарок: получить его приятно, а что с ним делать – неизвестно. Этот день – короткий, короче всех остальных в году. В этот день не готовят - всего полно, да и едят только один раз, и то все вчерашнее и без разбору:

ассорти салатов, изменивших вкус, подсохшие пироги, которые позабыли накрыть салфеткой, фаршированные яйца, если остались. То ли это завтрак – но с водкой и селедкой; то ли обед, но без супа. Этот день тихий: отсмеялись вчера, отвеселились, обессилели (Толстая, 2007, с.19).

В данном фрагменте одна цепочка ПН, компонентами которой являются слова с переносным значением. Речь идет о первом дне года, первом января. Автор полагает, что первое января никому не нужно, так как в этот день ничего значительного не происходит, а начинать какие-то дела просто бессмысленно, это словно переходный момент между «вчера» и «сегодня».

Другими словами, этот день можно было бы назвать «ненужным», но тогда бы мысль потеряла бы свою экспрессию. Писательница говорит об этом дне метафорично, сравнивая его с «пробой, бесплатным образцом, авантитолом».

В контексте рассказа потенциальные семы слов - компонентов вытесняют исходные дифференциальные семы лексем, результатом чего становится новый речевой смысл.

Сигнификат значения лексемы <i>проба</i>	Сигнификат смысла слова- компонента ПН <i>проба</i>
$S_1 \{A_1 d_1 d_2\}$	$S_2 \{A_2^k d_1^p d_2^p\}$
S_1 – семема лексем <i>проба</i> 'предмет, предварительный экземпляр, образец'	S_2 – семема компонента ПН 'день, примерный, пробный'
A_1 – архисема 'предмет'	A_2^k – архисема
d_1 – дифференциальная сема (коннотированная) 'день' 'предварительный экземпляр'	d_1^p – дифференциальная сема (коннотированная) 'примерный'

d_2 – дифференциальная сема
‘образец’

d_2^P – дифференциальная сема
(коннотированная) ‘пробный’

Сигнификат значения
словосочетания *бесплатный*
образец

$S_1 \{A_1 d_1 d_2 d_3\}$

S_1 – семема лексемы
бесплатный образец ‘предмет,
примерный или пробный экземпляр
какого-либо изделия, материала и
т.п, предоставляемый без платы’

A_1 – архисема ‘предмет’

d_1 – дифференциальная сема
‘примерный экземпляр изделия’

d_2 – дифференциальная сема
‘пробный экземпляр материала’

d_3 – дифференциальная сема
‘предоставляемый без платы’

Сигнификат значения
лексемы *авантитул*

$S_1 \{A_1 d_1 d_2\}$

S_1 – семема лексемы
авантитул ‘предмет, начальная

Сигнификат смысла
словосочетания-компонента ПН
бесплатный образец

$S_2 \{A_2^k d_1^k d_2^k d_3^k\}$

S_2 – семема компонента ПН
бесплатный образец ‘день,
беспольный, пустой,
бессмысленный’

A_2^k – архисема
(коннотированная) ‘день’

d_1^k – дифференциальная сема
(коннотированная) ‘беспольный’

d_2^k – дифференциальная сема
(коннотированная) ‘пустой’

d_3^k – дифференциальная сема
(коннотированная) ‘бессмысленный’

Сигнификат смысла слова-
компонента ПН *авантитул*

$S_2 \{A_2^k d_1^k d_2^P\}$

S_2 – семема компонента ПН
авантитул ‘день, первый день года,

страница книги, предшествующая предшествующий чему-то важному'
титульному листу'

A_1 – архисема 'предмет'

A_2^k

–

архисема

(коннотированная) 'день'

d_1 – дифференциальная сема

d_1^k

– дифференциальная сема

'начальная страница книги'

(коннотированная) 'первый день

года'

d_2 – дифференциальная сема

d_2^p

– дифференциальная сема

'предшествующая титульному

(потенциальная) 'предшествующий

листу'

чему-то важному'

Итак, в рассказе Т.Н. Толстой «Пустой день» первое января характеризуется, как день второстепенный, лишенный какого-либо значения, всего лишь предшествующий чему-то поистине важному. Слова «проба» и «бесплатный образец» намекают нам о том, что первое января дано человеку безвозмездно в качестве пробного, добавочного дня года. Таким образом, мы видим как слова, обладающие нейтральным значением, в определенном контексте, приобретают совершенно иной смысл, помогая автору не просто выразить свою идею, а преподнести ее оригинально и экспрессивно.

Подводя итоги анализа функциональной специфики ПН, следует еще раз отметить важную роль ПН в художественных текстах Т.Н. Толстой. Ведь именно они делают ее рассказы такими оригинальными, живыми и понятными читателю. Смысловая структура ПН и ее непосредственная функция в художественных текстах взаимообусловлены. Для передачи общей информации о герое Т.Н.Толстая использует простую смысловую структуру, состоящую из слов с прямым значением. Если писательнице необходимо передать свою авторскую позицию, раскрыть перед читателем эмоции и чувства героев своих произведений, то для этого она использует ПН, состоящую из слов с переносным значением.

Выводы по третьей главе

Использование ПН является одним из частотных приемом Т.Н. Толстой. Язык писательницы живой и красноречивый, что отражается в структурных особенностях ПН. К данным структурным особенностям ПН можно отнести разнообразный и нередко сложный состав номинативной цепи.

Для идиостиля писательницы характерно использование длинных и переплетающихся цепей. Разнообразной является и частеречная принадлежность слов-компонентов ПН. По результатам исследования большую часть компонентов ПН составляют имена существительные и прилагательные (80% от общего числа проанализированных единиц), менее частотными компонентами ПН являются глаголы и наречия (20% от общего числа проанализированных единиц), крайне редко компонентами ПН оказываются деепричастия.

В состав ПН могут входить не только отдельные слова, но и словосочетания, а также предложения. Особенностью идиостиля писательницы является использование метафор и ФЕ в качестве компонентов ПН. Фразеологические единицы в составе ПН употребляются как в неизменном виде, так и с различными модификациями, позволяющими подчеркнуть авторскую мысль.

Для идиостиля Т.Н. Толстой характерно использование сложной денотативной смысловой структуры ПН, которая формируется в ходе употребления в номинативной цепи слов-компонентов с переносным значением. Семиологический подход к анализу смыслообразования компонентов ПН позволил выявить семантические модификации слов-компонентов в художественных текстах писательницы. Зачастую в семантической структуре компонентов возможно частичное сохранение слов с исходной архисемой. В смысловой структуре ПН, состоящей из слов

с прямым и переносным значением, семантические изменения проходят по-разному. В основном слова-компоненты с переносным значением, попадая под влияние контекста, а также смежных компонентов, теряют не только исходную архисему, но и приобретают новые дифференциальные смыслы.

Структурно-семантические особенности ПН позволяют выполнять следующие функции в художественных текстах писательницы:

- 1) номинативную функцию для а) описания героя / героев произведения; б) описания неживого объекта; в) описания художественного пространства;
- 2) экспрессивную функцию для а) выражения эмоций; б) выражения экспрессии.

Смысловая структура ПН неразрывно связана с выполняемой ею функцией в тексте. Сложная смысловая структура характерна для ПН при отражении авторской позиции, при описании героя / героев произведения, при передаче эмоций и выражения экспрессии. Для введения общей информации писательница использует простую денотативную структуру ПН.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на пристальное внимание лингвистов к ПН в научном, публицистическом и в художественном текстах, смыслообразование компонентов номинативной цепи осталось за рамками научного интереса. Вопросы формирования смысловой структуры ПН, а так же семантического взаимодействия слов - компонентов ПН не рассматривались в должной степени. Однако понять роль ПН в смысловом структурировании текста без анализа формирования речевого смысла компонентов номинативной цепи достаточно сложно. Осознание этой проблемы побудило в диссертационном исследовании предпринять попытку восполнить существующие пробелы в представлении о механизмах смыслообразования компонентов ПН.

Исследование проводилось с учетом двух важных положений: 1) концепция двуединой сущности языкового знака и философско-гносеологическое понимание категории смысла как элемента развивающихся знаковых систем; 2) положения теоретической семантики о взаимозависимости категорий «смысл» и «значение», а также об изменяемости компонентного состава значения в процессе функционирования языкового знака в речи. Данные положения стали основанием для избрания семиологического подхода к анализу смыслообразования компонентов ПН.

Семиологический подход к анализу смысловой организации ПН помог рассмотреть «поведение» семантической структуры языковых знаков, компонентов ПН, а также проанализировать взаимодействие «виртуального» значения лексемы и «актуального» значения (речевого смысла) знака, участвующего в повторном наименовании. Семиологические исследования такого рода позволили проанализировать семантические модификации значений слов – компонентов ПН.

Материалом для анализа смыслообразования компонентов ПН послужили художественные тексты Т.Н. Толстой. Для достижения этой

цели исследования использовалась методика компонентного анализа слова, позволившая сопоставить семный состав сигнификатов речевого смысла компонентов ПН и единиц, к которым эти компоненты восходят.

В данной работе впервые проведен семиологический анализ смыслообразования компонентов вариативной сопряженной повторной номинации в текстах рассказов Т.Н. Толстой. В процессе анализа была представлена характеристика смысловой структуры вариативной сопряженной повторной номинации, а также описаны типы денотатов в смысловой структуре вариативной сопряженной повторной номинации.

В ходе рассмотрения смысловой структуры ПН в художественных текстах Т.Н. Толстой были выявлены следующие семантические модификации «виртуальных» значений единиц, принимающих участие в ПН: 1) сохранение архисемы одного или нескольких компонентов ПН; 2) сохранение архисемы и дифференциальных сем компонентов ПН; 3) изменение состава дифференциальных сем при сохранении архисемы слова; 4) изменение архисемы одного или нескольких компонентов ПН; 5) замена архисемы 'человек' архисемой 'предмет', 6) замена архисемы 'предмет' архисемой 'человек', 7) установление отношений между компонентами цепи (синонимические или антонимические отношения), 8) актуализация потенциальных сем.

На материале художественных текстов писательницы были проанализированы особенности смысловой организации цепей ПН, а также выделены и проанализированы функции вариативной сопряженной повторной номинации, присущие идиостилю писательницы.

Данная работа делает шаг вперед на пути решения важных вопросов смыслообразования, позволяет понять, какие компоненты участвуют в их смысловом структурировании, какие структурные, функциональные и смысловые противоречия возникают, почему они устраняются в процессе

образования смысловой структуры ПН, а также описать специфику связей, устанавливающихся между всеми компонентами цепи ПН.

Выводы, сделанные в результате анализа смыслообразования компонентов ПН в художественных текстах Т.Н. Толстой, указали на взаимозависимость смысловой структуры ПН и выполняемой ею функции в художественном тексте.

Использованный в работе семиологический подход к изучению механизмов смыслового структурирования компонентов ПН дает возможность для дальнейшего изучения механизмов смыслообразования слов в процессе их функционирования в речи.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ПН – повторная номинация.

ФЕ – фразеологическая единица.

ДС – денотативная ситуация.

S₁ – сигнификат значения деривационной базы компонента ПН.

S₂ – сигнификат речевого смысла компонента ПН.

A₁ – архисема значения деривационной базы компонента ПН.

A₂ – архисема речевого смысла компонента ПН.

A₂ⁿ – исходная архисема речевого смысла компонента ПН

A₂^P – архисема речевого смысла компонента ПН, являющаяся актуализированной потенциальной семой значения деривационной языковой единицы.

A₂^k – архисема речевого смысла компонента ПН, имеющая коннотативную природу.

d₁ d₂ ... d_n – дифференциальные семы значения деривационной базы компонента ПН.

d₁ⁿ d₂ⁿ ... d_nⁿ – исходные дифференциальные семы речевого смысла компонента ПН.

d₁^P d₂^P ... d_n^P – дифференциальные семы речевого смысла компонента ПН, являющиеся актуализированными потенциальными семами значения деривационной языковой единицы.

d₁^k d₂^k ... d_n^k – дифференциальные семы речевого смысла компонента ПН, имеющие коннотативную природу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверьянова, Е. А. Сказочно-мифологическая модель мира в рассказе «Факир» Татьяны Толстой / Е.А. Аверьянова // Вестник ВГУ. - 2014. - № 1. - С. 5-7.
2. Адмони, В. Г. Основы теории грамматики / В.Г. Адмони. - изд. 2-е, стереотипное. - М. : Едиториал УРСС, 2004. - 104 с.
3. Александров, Ю. И. Теория функциональных систем и системная психофизиология / Ю.И. Александров // Синергетика и психология: Тексты / под. ред. В. И. Аршинова, И. Н. Трофимовой, В. М. Шендяпина. - М. : «Когито-Центр», 2004. - Вып. III : Когнитивные процессы. - С. 351 - 391.
4. Алефиренко, Н. Ф. Теория языка. Введение в общее языкознание : учеб. пособие для студ. филол. спец. / Н.Ф. Алефиренко. - Волгоград : Перемена, 1998. - 440 с.
5. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. / Н.Ф. Алефиренко. - М. : ООО Изд-во «Элпис», 2008а. - 271 с.
6. Алефиренко, Н.Ф. «Живое слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография / Н.Ф. Алефиренко. - 2-е изд., стер. - М. ФЛИНТА, 2014. - 344 с.
7. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова / Н.Ф. Алефиренко // Вестник СамГУ. - 2006а. - №5/1 (45). - С. 102 - 110
8. Алефиренко, Н.Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. / Н.Ф. Алефиренко. - М.: Academia, 2002. - 394 с.
9. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. - 326с.
10. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы вербализации концепта : теоретическое исследование. / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2003. - 96 с.
11. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики : монография. / Н.Ф. Алефиренко. - Волгоград : Перемена, 1999. - 274 с.

12. Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание и культура : Когнитивно-семиологическая синергетика слова : монография. / Н.Ф. Алефиренко. - Волгоград : Перемена, 2006б. - 228 с.
13. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы когнитивно - семиологического исследования языка / Н.Ф. Алефиренко. // Слово – сознание – культура : сб. науч. тр. / сост. Л. Г. Золотых. - М : Флинта : Наука, 2006в. - С. 31 – 41.
14. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: монография. / Н.Ф. Алефиренко. - Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. - 152 с.
15. Алефиренко, Н. Ф. Этноэдемический концепт и внутренняя форма языкового знака / Н.Ф. Алефиренко // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. - С. 70 - 81.
16. Андронкина, Н. М. Понятие «Дискурс» в междисциплинарных исследованиях и его содержание в методике преподавания иностранных языков / Н.М. Андронкина // Мир науки, культуры образования. - 2008. - № 3 (10). - С. 87-91.
17. Апресян, Ю. Д. К построению языка для описания синтаксических свойств слова / Ю.Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики. 1972 : сб. статей / отв. ред. С. К. Шаумян. - М. : Изд-во «Наука», 1973. - С. 277 - 348.
18. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю.Д. Апресян. - М.: Языки русской культуры, 1995. - Том I. – 464 с.
19. Апресян, Ю. Д. Тавтологические и контрадикторные аномалии / Ю.Д. Апресян // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов : сб. статей / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. - М. : Наука, 1989. - С. 186 - 197.
20. Арнольд, И.В. Основы научных исследований в лингвистике / И.В. Арнольд. - М.: Высш. шк., 1991. - 140 с.

21. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: (Логико-семантические проблемы) / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. - 388 с.
22. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: «Советская энциклопедия», 1990. - С. 136-137.
23. Арутюнова, Н. Д. Номинация, референция, значение / Н.Д. Арутюнова // Языковая номинация (Общие вопросы) / отв. ред. Б. А. Серебренников, А.А. Уфимцева. - М. : «Наука», 1977. - С. 188 - 206.
24. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл : логико-семантические проблемы. / Н.Д. Арутюнова. - изд. 5-е. - М. : Изд-во ЛКИ, 2007. - 384 с.
25. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт : монография. / Н.Д. Арутюнова . - М. : Наука, 1988. - 341 с.
26. Арутюнова, Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н.Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. - М. : «Наука», 1980. - С. 156 – 249.
27. Арутюнова, Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н.Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. - М. : «Наука», 1980. - С. 156 – 249.
28. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В.Л. Архангельский. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1964. - 316 с.
29. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – изд. 2-е, стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 296 с.
30. Ахманова, О.С, Глушко М.М., Гюббенет И.В., Долгополова И.М., Лысенко В.С., Медникова Э.М., Михедова Л.Г., Тимпко Л.А. Основы компонентного анализа / О.С. Ахманова, М.М. Глушко, И.В. Гюббент, И.М. Долгополова, В.С. Лысенко, Э.М. Медникова, Л.Г. Михедова, Л.А. Тимпко. - М.: МГУ, 1969. - 269 с.

31. Ахутина, Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса / Т.В. Ахутина. - М. : Изд-во Моск. ун-та, 1989. - 215 с.
32. Бабенко, Л. Г. Обозначение эмоций в языке и речи / Н.Г. Бабенко. - Свердловск: Юни, 2003. - 255с.
33. Бабенко, Н.Г. Оказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: Учебное пособие / Н.Г. Бабенко. - Калининград: Изд-во КГУ, 1997. - 84 с.
34. Бабушкин, А. П. Общее и специфическое в плане выражения и содержания фразеологизмов, объективирующих концепты-сценарии /А.П. Бабушкин // Фразеология и когнитивистика : материалы междунар. науч. конф. : в 2-х т. / отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. - Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. - Т.2 : Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. - С. 227 - 230.
35. Багдасарова, Н.А. Лексическое выражение эмоций в контексте разных культур: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Багдасарова Надежда Анатольевна. - М., 2004. - 24 с.
36. Белоусов, К. И. Синергетика текста: От структуры к форме / К.И. Белоусов. - М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. - 248 с.
37. Беляев, А. А., Коротков Э. М. Системология организации : учебник / А.А. Беляев, Э.М. Коротков. - М. : ИНФРА-М, 2000. - 182 с.
38. Беляевская, Е. Г. Семантика слова : учеб. пособие для ин-тов и факульт. иностр. яз. / Е.Г. Беляевская. - М. : Высш. шк., 1987. - 128 с.
39. Белянин, В. П. Психоллингвистика : учебник / В.П. Белянин. - 2-е изд. - Флинта : Моск. психолого-социальный ин-т, 2004. - 232 с.
40. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. Пер. с фр. / Э. Бенвенист. - изд. 2-е, стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2002. - 448 с.
41. Бессонова, Л. Е. Коммуникативные аспекты политического дискурса / Л.Е. Бессонова // Учебные записки Т.Н.У. им. В. И. Вернадского. Т.16(55) №1: филологические науки. - Симферополь, 2004. - С. 22-27.
42. Бехтель, Э. Е., Бехтель А. Э. Контекстуальное опознание / Э.Е. Бехтель. А.Э. Бехтель. - СПб. : Питер, 2005. - 336 с.

43. Блумфилд, Л. Язык. Пер. с англ / Л. Блумфилд. - изд. 2-е, стереотипное. - М. : Едиториал УРСС, 2002. - 608 с.
44. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. - М. : Прогресс, 1990. - С. 153 - 172.
45. Болдырев, Н. Н. Функционально-семиологический подход к анализу языковых единиц / Н.Н. Болдырев // Проблемы семантического описания единиц языка и речи: Материалы докл. междунар. научн. конф. В двух частях. Ч.1. - Минск: МГЛУ, 1998. - С. 7 - 9.
46. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. - Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2000. - 123 с.
47. Болдырев, Н. Н. Концептуализация отрицания в языке / Н.Н. Болдырев // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста : материалы междунар. симпозиума : в 2-х ч. / отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. - Волгоград : Перемена, 2003. - Ч.1 : Научные статьи. - С. 189 - 196.
48. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев. - 2006. - № 2. - С. 5 - 22.
49. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. - С. 18 - 36.
50. Бондаренко, Е. В. Эволюция языковой системы в диахронии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Бондаренко Елена Валентиновна. - Белгород, 2007. - 58 с.
51. Бондарко, А. В. Теоретические проблемы русской грамматики / А.В. Бондарко. - СПб., 2004. - 208 с.
52. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса : От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. - изд. 2-е, стереотипное. - М. : КомКнига, 2007. - 288 с.
53. Брудный, А. А. Значение слова и психология противопоставлений / А.А. Брудный // Семантическая структура слова : сб. статей / отв. ред. А. А. Леонтьев. - М. : Наука, 1971. - С. 19 - 26.

54. Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Дж. Брудный. - М. : Прогресс, 1977. - 413 с.
55. Брюшкин, В. Н. Логика, мышление, информация / В.Н. Брюшкин. - Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. - 148 с.
56. Будагов, Р.А. Язык - реальность – язык / Р.А. Будагов. - М.: Наука, 1983. - 262 с.
57. Буданов, В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании / В.Г. Буданов. - М. : Изд-во ЛКИ, 2007. - 232 с.
58. Буряков, И.А. К вопросу об эмоциях и средствах их языкового выражения / И.А. Буряков // Вопросы языкознания. - 1979. - № 3. - С. 47-59.
59. Буянова, Л. Ю., Нечай Ю. П. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации: монография / Л.Ю. Буянова, Ю.П. Нечай. - Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. - 277 с.
60. Буянова, Л. Ю., Коваленко Е. Г. Русская фразеология как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности / Л.Ю. Буянова, Е.Г. Коваленко. - Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2004. - 166 с.
61. Валгина, Н.С. Теория текста : учеб. пособие / Н.С. Валгина. - М.: Логос, 2003. - 278 с.
62. Варшавская, А. И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка) / А.И. Варшавская. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. - 135с.
63. Василишина, Е. Н. Субъективные аспекты восприятия художественного дискурса / Е.Н. Василишина // Известия Саратовского университета. - 2013. - Вып. 2. - С. 20-24.
64. Васильев, И.А. и др. Эмоции и мышление / И.А. Васильев. - М.: Изд-во МГУ, 1980. - 192 с.
65. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика : учеб. пособие для вузов / Л.М. Васильев. - М. : Высш. шк., 1990. - 176 с.

66. Васильева, Ю. В. Повтор как принцип организации фольклорного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.В. Васильева - Саратов, 2004. - 24 с.
67. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. - М.: Русские словари, 1997. - 416 с.
68. Величковский, Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания : в 2-х т./ Б.М. Величковский. - М. : Смысл : Изд. центр «Академия», 2006. - Т. I. - 448 с.
69. Вертгеймер, М. Продуктивное мышление. Пер. с англ./ М. Вертгеймер. - М. : Прогресс, 1987. - 336 с.
70. Виноградов, В. В. Лексикология и лексикография : Избранные труды / В.В. виноградов. - М. : «Наука», 1977. - 312 с.
71. Водяха, А.А. Эмоциональная рамка высказывания дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Водяха Александра Александровна. - Волгоград, 1993.-158 с.
72. Войшвилло, Е. К. Символическая логика (классическая и релевантная) : Философско-методологические аспекты : учеб. пособие филос. факульт. ун-тов / Е.К. Войшвилло. - М. : Высш. шк., 1989. - 150 с.
73. Войшвилло, Е. К. Понятие как форма мышления : логико-гносеологический анализ. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 239 с.
74. Волкова, П.С. Эмотивные сигналы текста: риторический аспект / П.С. Волкова // Эмотивный код языка и его реализация: Кол. монография / ВГПУ. - Волгоград: Перемена, 2003. - С. 152-156.
75. Вольф, Е. М. Метафора и оценка / Е.М. Вольф // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. - М. : Наука, 1988. - С. 52 - 65.
76. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. - М. : Лабиринт, 2005. - 352 с.
77. Высочина, Ю.Л. Интертекстуальность прозы Татьяны Толстой : на материале романа "Кысь" : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Высочина Юлия Ленаровна. - Челябинск, 2007. - 164 с.

78. Гаврин, С. Г. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие по спецкурсу для филологов / С.Г. Гаврин. - Пермь : Изд-во ПГПИ, 1974. - 269 с.
79. Гак, В.Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование / В.Г. Гак // Вопросы французской филологии: сб. тр. / МГПИ им. В.И. Ленина; отв. ред. В. Г. Гак. - М., 1972. - С. 123 - 136.
80. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского языка) / В.Г. Гак. - М. : «Международ. отношения», 1977. - 264 с.
81. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. - М. : Шк. «Языки русской культуры», 1998а. - 768 с.
82. Гак, В.Г. Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте / В.Г. Гак // Языковые преобразования. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998б. - С. 536-553.
83. Гак, В. Г. Метафора : универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. - М. : Наука, 1988в. - С. 11 - 26.
84. Гальперин, П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления / П.Я Гальперин // Вопросы философии. - М.: Наука, 1977 - № 4. - С. 95 - 101.
85. Гамали, О. И., Шихова, Т. М. Формирование семантической структуры фразеологических единиц / О.И. Гамали // Диалектические процессы во фразеологии : тезисы докл. межвуз. науч. конф. - Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ин-та., 1993. - С. 17 - 18.
86. Ганеев, Т. Б. Противоречия в языке и речи : монография / Т.Б. Ганеев. - Уфа : Изд-во БГПУ, 2004. - 472 с.
87. Гвоздарев, Ю. А. Основы русского фразообразования / Ю.А. Гвоздарев. - Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 1977. - 184 с.
88. Генис, А. Как работает рассказ Толстой / А. Генис // Звезда. - 2009. - № 9. - С. 213–217.

89. Герман, И. А., Пищальникова В. А. Введение в лингвосинергетику : монография / И.А. Герман, В.А. Пищальникова. - Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. – 130 с.
90. Гизатуллина, А.К. Повторы как признак эмотивности разговорной речи /А.К. Гизатуллина // Материалы Первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26-30 мая 1998г.: В 2 ч. - Тамбов: Изд-во ТГУ, 1998. - Ч. 2. - С.57-58.
91. Городникова, М.Д. Эмотивные явления в речевой коммуникации / М.Д. Городникова. - М.: Изд-во МГПИИЯК, 1985. - 70 с.
92. Графова, Т.А. Смысловая структура эмотивных предикатов / Т.А. Графова // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. - М.: Наука, 1991. - С.67-98.
93. Греймас, А. Ж. Структурная семантика: поиск метода / А.Ж. Греймас. - М.: Академический проект, 2004. - 368 с.
94. Григорьева, В. С. Когнитивно-прагматические аспекты конструирования дискурса / В.С. Григорьева // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2007. - № 2. - С. 46 - 57.
95. Гришаева, Л. И. Индивидуальное использование языка и когнитивно-дискурсивный инвариант «Языковая Личность» / Л.И. Гришаева // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2006. - № 1. - С. 16 - 22.
96. Данилова, Ю.Ю., Фадеева, А.Н. Словообразовательные модели и коммуникативно-прагматический потенциал окказионализмов в романе Татьяны Толстой "Кысь" / Ю.Ю. данилова, А.Н. Фадеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. - № 5. - Ч. 2. - С. 45-48.
97. Декатова, К.И. Когнитивно-семантический аспект косвенно-производной номинации / К.И. Декатова // Когнитивно-дискурсивные аспекты лингвокультурологии. - Волгоград: Перемена, 2004. - С. 101 – 138.
98. Декатова, К. И. Лингвосинергетическая кооперативность процессов смыслообразования в ходе повторной номинации / К.И. Декатова //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. - № 3 (45): в 3-х ч. - Ч II. - С. 70-73.

99. Декатова, К. И. Смыслообразование знаков косвенно-производной номинации русского языка: когнитивно-семиологический аспект исследования: дисс. ... д. филол. н.: 10.02.01/ Декатова Кристина Ивановна. - Волгоград, 2009. – 486 с.

100. Декатова, К.И., Курдыбайло, М.А. Семиологический подход к анализу смысловой организации повторной номинации / К. И. Декатова, М.А. Курдыбайло // *Lingua mobilis* (научный журнал). №4 (50). - Челябинск, 2014. - С.21-27.

101. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянкова // *Вопросы языкознания*. - 1994. - № 4. - С. 17 - 33.

102. Додонов, В.И. Эмоции как ценность / В. И. Додонов // М.: Политиздат, 1978. - 105 с.

103. Дробышева, Н. Л. Повторные номинации в текстах научно-технической периодики / Н.Л. Дробышева // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации»*. - Том 23 (62). № 3. - 2010. - С. 185-190.

104. Ду Жуй. Фольклоризм прозы Татьяны Толстой: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ду Жуй. - Тамбов, 2009. – 169 с.

105. Ермакова, О. П. Вторичная номинация в семантической структуре многозначных производных слов / О.П. Ермакова // *Способы номинации в современном русском языке : коллективная монография / под. ред. Д. Н. Шмелева*. - М. : Наука, 1982. - С. 109 -123.

106. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. - М. : «Наука», 1982. - 159 с.

107. Жинкин, Н. И. Избранные труды. Язык – речь – творчество : исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике / Н.И. Жинкин. - М. : Лабиринт, 1998. - 364 с.

108. Жоль, К. К. Мысль. Слово. Метафора: Проблемы семантики в философском освещении / К.К. Жоль. - Киев : Наук. думка, 1984. - 303 с.
109. Журавлев, А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А.Ф. Журавлев // Способы номинации в современном русском языке: коллективная монография/под. ред. Д. Н. Шмелева. - М. : Наука, 1982. - С. 45 - 109.
110. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : Избранные труды / А.А. Залевская. - М. : Гнозис, 2005. - 544 с.
111. Захарова (Сергеева), Е. А. Принцип контраста в рассказах Татьяны Толстой / Е.А. Захарова (Сергеева) // «Третий Толстой и его семья в русской литературе» : сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч. конф. - Самара: Изд-во Самарской области, 2003. - С. 247-251.
112. Звегинцев, В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. - изд. 2-е, стереотипное / В.А. Звегинцев. - М. : Едиториал УРСС, 2001. - 312 с.
113. Звегинцев, В. А. Язык и лингвистическая теория : учеб. пособие для филол. факульт. и пед. ин-тов / В.А. Звегинцев. - М. : Изд-во МГУ, 1973. - 248 с.
114. Зимняя, И. А. Функциональная и психологическая схема формирования и формулирования мысли посредством языка / И.А. Зимняя // Исследование речевого мышления в психолингвистике / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. - М. : «Наука», 1985. - С. 85 - 99.
115. Зимняя, И. А. Вербальное мышление (психологический аспект) / И.А. Зимняя // Исследование речевого мышления в психолингвистике / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. - М. : «Наука», 1985. - С. 72 - 85.
116. Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. - М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. - 544 с.
117. Зяблова, Н. Н. Дискурс и его отличие от текста / Н.Н. Зяблова // Молодой ученый. - 2012. - №4. - С. 223-225.

118. Ионова, С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук: 10.02. 19/ Ионова Светлана Валентиновна. - Волгоград, 1998. -197 с.
119. Калашникова, Л. В. Метафора как механизм когнитивно-дискурсивного моделирования действительности (на материале художественных текстов) : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 /Калашникова Лариса Валентиновна. - Волгоград, 2006. - 409 с.
120. Каменская, О. Л. Текст и коммуникация : учеб. пособие для ин-тов и факульт. иностр. яз. / О.Л. Каменская. - М. : Высш. шк., 1990. - 152 с.
121. Карасик, В. И. Определение и типология концептов / В.И. Карасик // Слово – сознание – культура : сб. науч. трудов / сост. Л. Г. Золотых. - М. : Флинта : Наука, 2006. - С. 57 - 66.
122. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. - М. : Наука, 1987. - 261 с.
123. Карпов, В. А. Язык как система. - 2-е изд., испр. / В.А. Карпов. - М. : Едиториал УРСС, 2003. - 302 с.
124. Карцевский, С. Об ассиметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. - М. : Просвещение, 1965. - С. 85-90.
125. Кацнельсон, С. Д. Речемыслительные процессы / С.Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. - 1984. - № 4. - С. 3 - 12.
126. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. - Л. : Наука, 1972. - 216 с.
127. Ким, Г.В. О повторах как способе интонационно-смыслового выделения в контексте пьес А. П. Чехова / Г.В. Ким // Слово в художественной речи: Сб. науч. тр. Алма-Ата: Изд-во Казах. гос. ун-та. - 1986. - 180 с.
128. Кириллова, Н. Н. О денотате фразеологической семантики / Н.Н. Кириллова // Вопросы языкознания. - 1986. - № 1.- С. 82 - 90.

129. Киященко, Л. П. В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка) / Л.П. Киященко. - М. : Изд-во ИФРАН, 2000. - 199 с.
130. Ключкова, Е.А. Стилистические функции повторной номинации в структуре художественного текста : (на материале двух рассказов В.М. Шукшина) / Е.А. Ключкова // Слово в художественной речи. - Владимир, 1985. - С. 63-70.
131. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация : учеб. пособие для ун-тов и ин-тов / Е.В. Ключев. - М. : «Издательство ПРИОР», 1998. - 224 с.
132. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика : учебник. – изд. 2-е./ И.М. Кобозева. - М. : Едиториал УРСС, 2004. - 352 с.
133. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. – изд. 2-е, доп. / Г.В. Колшанский. - М. : Едиториал УРСС, 2005. - 128 с.
134. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. - М. : Наука, 1975. – 231 с.
135. Комлев, Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. – изд. 2-е, стереотипное / Н.Г. Комлев. - М. : Едиториал УРСС, 2003. - 191 с.
136. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. -М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. - 192 с.
137. Комлев, Н.Г. Слово в речи. Денотативные аспекты / Н.Г. Комлев. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1992. - 215 с.
138. Комлев, Н. Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. – изд. 2-е, стереотипное / Н.Г. Комлев. - М. : Едиториал УРСС, 2003. - 216 с.
139. Копыленко, М. М. Структура сильно идиоматичных сочетаний-обстоятельств / М.М. Копыленко // Вопросы фразеологии : тр. Самарканд. гос. ун-та / отв. ред. Р. И. Могилевский. - Самарканд : Изд-во Самаркандского гос. ун-та, 1971. - Вып. 217. - №4. - С. 5 - 11.
140. Кравченко, А. В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблема метода / А.В. Кравченко // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. - С. 37 - 50.

141. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций / В.В. Красных. - М. : ИТДГК «Гнозис», 2001. - 270 с.
142. Красных, В.В. От концепта к тексту и обратно / В.В. Красных // Вестник МГУ. - Сер. 9. Филология. - 1998. - №1. - С. 48-65.
143. Кронгауз, М. А. Семантика : учебник для студ. лингв. факульт. высш. учеб. заведений. – 2-е изд., испр. и доп. / М.А. Кронгауз. - М. : Издательский центр «Академия», 2005. - 352 с.
144. Крыжановская, О. Е. Антиутопическая мифопоэтическая картина мира в романе Татьяны Толстой "Кысь" : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01/ Крыжановская Оксана Евгеньевна. - Тамбов, 2005. - 198 с.
145. Крысин, Л. П. Оценочный компонент в семантике иноязычного слова / Л.П. Крысин // Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. Виноградовские чтения XIX – XX. - М.: Наука, 1992. - 65 с.
146. Кубрякова, Е. С. В генезисе языка, или размышления об абстрактных языках / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2006. - № 3. - С. 5 - 14.
147. Кубрякова, Е. С. Модели порождения речи и главные отличительные особенности речепорождающего процесса / Е.С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / отв. ред. Е. С. Кубрякова. - М. : Наука, 1991. - С. 21 - 81.
148. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова. - М. : «Наука», 1986. - 160 с.
149. Кубрякова, Е. С. Размышление об аналогии / Е.С. Кубрякова // Сущность, развитие и функции языка. - М. : «Наука», 1987. - С. 43 - 65.
150. Кубрякова, Е. С. Возвращаясь к определению знака / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. - 1993. - № 4. - С. 18 - 27.
151. Кубрякова, Е. С. Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова // Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. - М. : «Наука», 1980. - С. 81 – 155.

152. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений : Семантика производного слова. – 2-е изд., доп. / Е.С. Кубрякова. - М. : Изд-во ЛКИ, 2008. - 208 с.
153. Кузнецов, А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А.М. Кузнецов. - М.: Наука, 1986. - 125 с.
154. Куликова, З.П. Повтор как средство экспрессивности и гармонизации поэтических текстов М. Цветаевой и Р.М. Рильке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, 10.02.20 / З.П. Куликова. - Ростов - н/Д, 2007. - 191 с.
155. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г.И. Кустова. - М. : Языки славянской культуры, 2004. - 472 с.
156. Кухарева, М.Ю. Повторная номинация событий (на материале политических новостных сообщений в прессе ФРГ) / М.Ю. Кухарева // Вестник СамГУ. - 2013. - № 8/1 (109). - С.104 - 109.
157. Кушнир, Е. Н. Экспрессивная функция повторной номинации главной героини в англоязычном художественном тексте / Е.Н. Кушнир // Вестник Томского государственного педагогического университета. - 2012. - № 1 (116). - С. 157 - 160.
158. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику. Пер. с англ./ Дж. Лайонз.- М. : Прогресс, 1978. - 543 с.
159. Лапшина, М. Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Лапшина Марина Николаевна. - СПб., 1996. - 331 с.
160. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание : учеб. пособие для факульт. русск. яз. и лит. пед. ин-тов / Б.А. Ларин. - М. : «Просвещение», 1977. - 224 с.
161. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – 2-е изд. / А.Н. Леонтьев. - М. : Политиздат, 1977. - 304 с.
162. Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии : учеб. пособие для вузов по специальности «Психология» / А.Н. Леонтьев / под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е.Соколовой. - М. : Смысл, 2000. - 511 с.

163. Леонтьев, Д. А. Субъективная семантика и смыслообразование / Д.А. Леонтьев // Вестник Московского университета. - Сер.14 : Психология. - 1990. - № 3. - С. 33 - 42.
164. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – изд. 3-е, стереотипное / А.А. Леонтьев. - М : КомКнига, 2005. - 312 с.
165. Литвин, Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. – изд. 2-е, стереотипное / Ф.А. Литвин. - М. : КомКнига, 2005. - 120 с.
166. Ломов, Б. Ф., Беляева А. В., Носуленко В. Н. Вербальное кодирование в познавательных процессах : анализ признаков звукового образа / Б.Ф. Ломов, А.В. Беляева, В.Н. Носуленко. - М. : Наука, 1986. - 128 с.
167. Лурия, А. Р. Язык и сознание. – 2-е изд. / А.Р. Лурия. - М. : Изд-во МГУ, 1998. - 335 с.
168. Люй Цзиюн. Поэтико-философское своеобразие рассказов Татьяны Толстой (На материале сборника "Ночь"): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Люй Цзиюн. - Тамбов, 2005. - 162 с.
169. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. - М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. - 280 с.
170. Маковский, М. М. Теория лексической аттракции : опыт функц. типологии лексико-семант. систем / М.М. Маковский. - М. : «Наука», 1971. - 252 с.
171. Малин, А. С., Мухин В. И. Исследование систем управления : учебник для вузов / А.С. Малин, В.И. Мухин. - М. : ГУ ВШЭ, 2002. - 400 с.
172. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. – 2-е изд., испр. / В.А. Маслова.- М. : Флинта : Наука, 2006. - 296 с.
173. Медникова, Э. М. Значение слова и методы его описания (на материале современного английского языка) / Э.М. Медникова. - М. : «Высш. шк.», 1974. - 202 с.
174. Метлякова, Е. В. Лексический повтор как семантико-стилистическая категория организации лирического текста в раннем творчестве Анны

Ахматовой : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Метлякова Елена Владимировна. - Ижевск, 2011. - 230 с.

175. Мишанкина, Н.А. Методология когнитивной лингвистики в исследовании научной коммуникации / Н.А. Мишанкина // Вопросы когнитивной лингвистики. - Тамбов, 2013.- № 3 (036). - С. 16-24.

176. Москвин, В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс : учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. / В.П. Москвин. - Волгоград : Перемена, 2005. - 640 с.

177. Мягкова, Е. Ю. Проблемы исследования эмотивности единиц лексикона / Е.Ю. Мягкова // Реальность, язык и сознание: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 1. / Отв. ред. Н. Н. Болдырев Т. А. Фесенко. - Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. - С. 35–41.

178. Назарук, Ю.А. Категория связности в аспекте внутритекстовой повторной номинации / Ю.А. Назарук // Вестники СамГУ. - 2006. - №10/2 (50). - С. 197 - 203.

179. Некрасов, А.С. Повторная номинация как средство создания символа в структуре художественного текста: на материале повести Н.В.Гоголя "Невский проспект" / А.С. Некрасов // Проблемы русского языка и методики его преподавания. - Балашов, 2004. - Вып. 2. - С. 49-52.

180. Никитин, М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании : спецкурс по общей и английской лексикологии / М.В. Никитин. - Владимир : Изд-во Владимирского пед. ин-та, 1974. - 222 с.

181. Пантелеенко, О.А. Повторная номинация в текстах романа и киносценария (на материале романа О. де Бальзака "Полковник Шабер") / О.А. Пантелеенко // Scripta manent. - Смоленск, 2007. - Вып. 14. - С. 104 - 108.

182. Плотникова, А. В. Функциональная классификация повторной номинации / А.В. Плотникова // Актуальные вопросы филологических наук: материалы II междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2013 г.). - Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. - С. 74 - 78.

183. Пономарева, О.А. «Диалогизм» романа «Кысь» Т. Толстой (фольклорный, литературный и историко-культурный аспекты) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09, 10.01.01 / Пономарева Ольга Александровна. - Майкоп, 2008. - 168 с.
184. Попова, И.М., Любезная, Е.В. Особенности выражения способов аргументации в художественном творчестве Татьяны Толстой / И.М. Попова, Е.В. Любезная // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2013 N 4.- с. 45-51.
185. Попова, З.Д. Компонентный анализ лексико-семантической группы / З.Д. Попова // Язык и национальное сознание. - Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003. - Вып. 4. - С. 14 -18.
186. Романова, Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография / Т.В. Романова. - Нижний Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. - 310 с.
187. Савченко, Л.И. Повтор как стилистическая категория в художественной прозе Ф.М. Достоевского: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Савченко Лидия Ивановна. - Ташкент, 1984. - 203 с.
188. Селезнев, Д.Л. Референция и номинация / Д.Л. Селезнев // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. - М.: Наука, 1987. - С. 64-77.
189. Селеменова, О.А. О структурно-семантической организации безличных предложений со значением 'состояние природы' / О.А. Селеменова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. - 2012. - №4. - С. 48–61.
190. Сергеева, Е. А. Особенности художественной речи в новеллистике Татьяны Толстой / Е.А. Сергеева // Междисциплинарные связи при изучении литературы : сб. материалов межвуз. научно-практ. конф. Вып. 2. Саратов : Научная книга, 2006. - С. 417-420.

191. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф.Соссюр. - М.: УРСС Эдиториал, 2007. - 257с.
192. Степанов, Ю. С., Эдельман Д.И. Семиологический принцип описания языка / Ю.С. Степанов, Д.И. Эдельман // Принципы описания языков мира / отв. ред. В. Н. Ярцева, Б. А. Серебренников. - М. : «Наука», 1976. - С. 203 - 281.
193. Стернин, И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. - Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 1979. - 156 с.
194. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. - М. : Наука, 1988. - С. 26 - 52.
195. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В.Н. Телия // Языковая номинация: Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. - М. : «Наука», 1977. - С. 129 - 221.
196. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. - М. : Наука, 1986. - 144 с.
197. Телия, В. Н. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости / В.Н. Телия // Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. - М. : «Наука», 1980. - С. 250 - 319.
198. Телия, В. Н. Русская фразеология / В.Н. Телия. - М. : Изд-во Языки русской культуры, 1996. - 288 с.
199. Телия, В. Н. Типы языковых значений : Связанное значение слова в языке / В.Н. Телия. - М. : «Наука», 1981. - 272 с.
200. Темнова, Е. В. Современные подходы к изучению дискурса / Е.В. Темнова // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов./ Е.В. Темнова. - М.: МАКС Пресс, 2004. - Вып. 26. - С. 24-33.
201. Уфимцева, А.А. Семиологический подход к изучению лексики / А.А. Уфимцева // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. - 1984. - Т.43. - № 5. - С. 428-442.

202. Уфимцева, А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. - М. : «Наука», 1980. - С. 5-80.
203. Фивергер, Д. Лингвистика текста в исследованиях ученых ГДР // синтаксис текста / Д. Фивергер. - М.: Наука, 1979. - С. 314-324.
204. Хализев, В.Е. Теория литературы : учебник для студ. высш. учеб. заведений / В.Е. Хализев. - М. : Издательский центр «Академия», 2009. - 432 с.
205. Шаховский В.И. Эмоции мысли в художественной коммуникации / В.И. Шаховский // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. - Волгоград-Саратов: Перемена, 1998. - С.81-92.
206. Шаховский, В.И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации / В. И. Шаховский // Филологические науки. - 2002. - № 4. - с. 59-67.
207. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. - С. 11-16.
208. Шутова, Н.М. Идентифицирующая номинация персонажей художественного произведения в коммуникативно-стилистическом аспекте: (на материале творчества Дж. Б. Пристли) / Н.М. Шутова // Коммуникативный аспект единиц языка и речи : межвуз. сб. науч. тр / редкол. В.В. Левицкий [и др.] ; Удм. гос. ун-т им. 50-летия СССР. - Ижевск, 1989. - С. 125-132.
209. Ярцева, Е.Б. Повторная номинация в текстах художественной прозы (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ярцева Елена Борисовна. - Л., 1984. - 202 с.

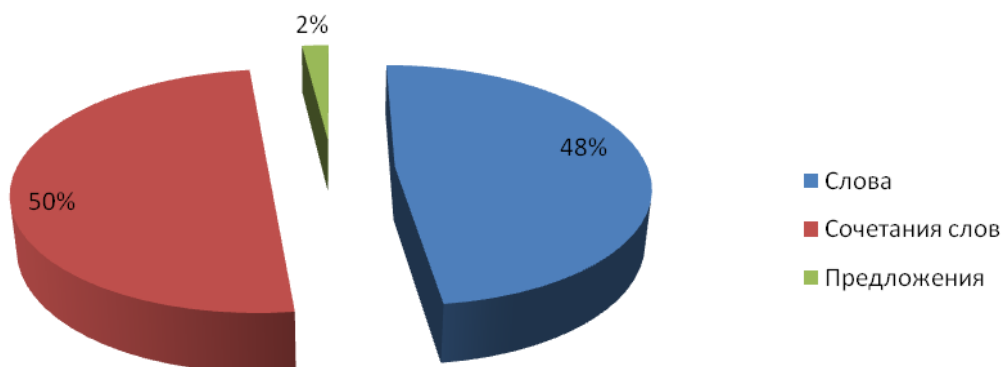
СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. - изд. 2-е, стереотипное. - М. : «Советская энциклопедия», 1969. - 572 с.
2. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. - М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1950 - 1965
3. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. - М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. - 784 с.
4. БЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. - 2-е изд. - М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. - 685 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т./ В.И. Даль. - М. : Рус. яз., 1981 - 1982.
6. МАС – Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. - 3-е изд., стереотипное. - М. : Рус. яз., 1985 – 1988.
7. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. - 4-е изд., доп. - М. : Азбуковник, 1999. - 944 с.
8. РФИЭС – Русская фразеология: историко-этимологический словарь / сост. А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Астрель : АСТ : Люкс, - 2005. - 926 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова и др. Под ред. А. И. Молоткова. - изд. 4-е, стереотипное. - М. : Рус. яз., 1986. - 543 с.
10. Яранцев, Р. И. Русская фразеология : словарь-справочник / Р.И. Яранцев. - М. : Рус. яз., 1997. - 845 с.

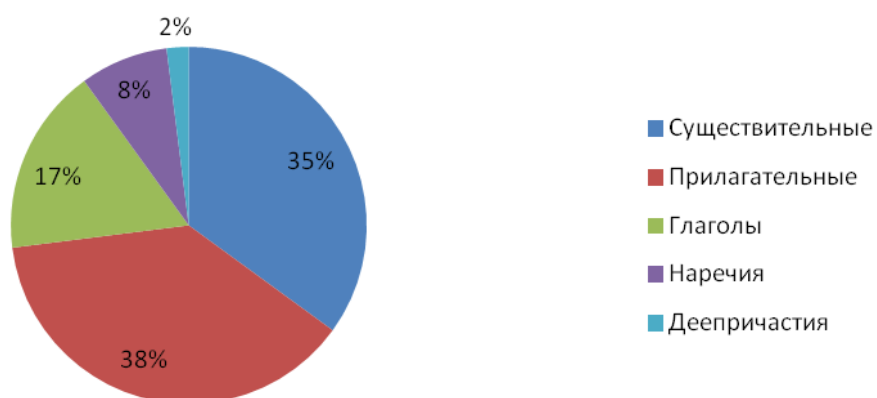
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. Толстая Т.Н. Кысь / Татьяна Никитична Толстая. - М.: Подкова, 2000. - 384 с.
2. Толстая, Т.Н. День / Татьяна Никитична Толстая. - М.: Подкова, 2002. - 416 с.
3. Толстая, Т.Н. Изюм / Татьяна Никитична Толстая. - М.: Эксмо, 2007. - 480 с.
4. Толстая, Т.Н. Лёгкие миры. Повести, рассказы, эссе / Татьяна Никитична Толстая. - М.: Редакция Е. Шубиной, 2014. - 480 с.
5. Толстая, Т.Н. Не кысь / Татьяна Никитична Толстая. - М.: Эксмо, 2004. - 608с.
6. Толстая, Т.Н. Река / Татьяна Никитична Толстая. - М.: Эксмо, 2007. - 384 с.
7. Толстая, Т.Н. Река Оккервиль/ Татьяна Никитична Толстая. - М.:Подкова, 2002. - 464 с.

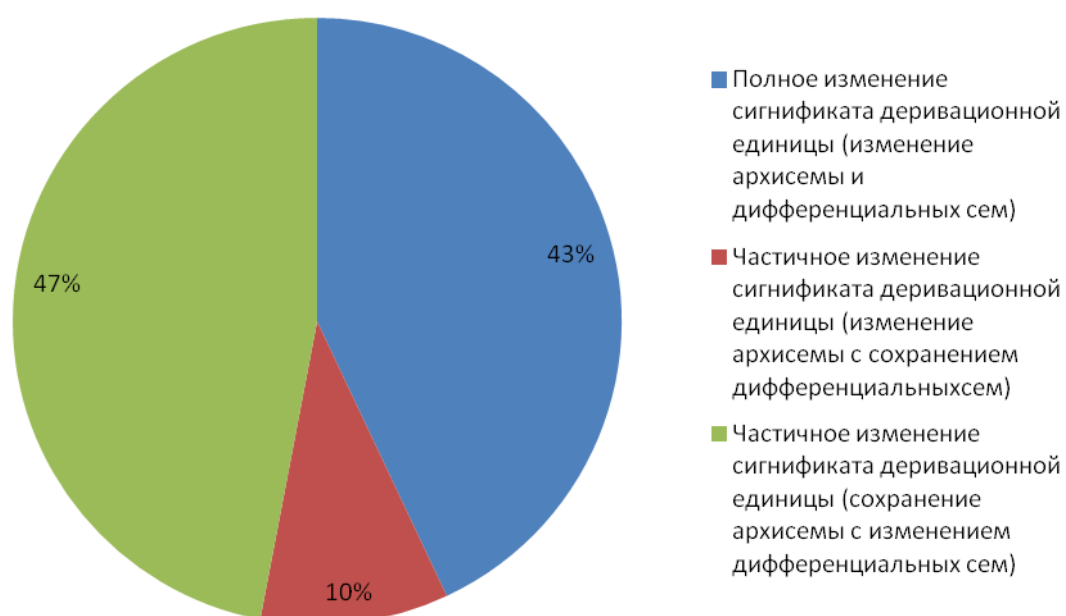
Типы компонентов ПН в художественных текстах Т.Н.Толстой

Частеречная принадлежность слов-компонентов ПН в художественных текстах Т.Н. Толстой

Типы семантических модификаций компонентов ПН в художественных текстах Т.Н.Толстой

Функции ПН в художественных текстах Т.Н. Толстой

